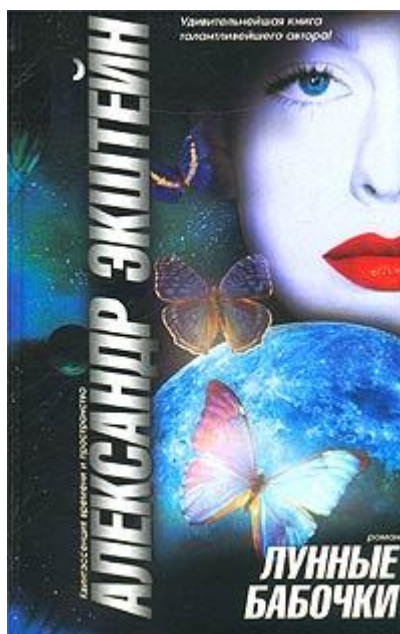

Александр Экштейн Лунные бабочки

ЛПЛ – 2

«Лунные бабочки: Роман / А. Экштейн»: АСТ; М.; 2003
ISBN 5-17-009585-6

Аннотация

Вы полагаете, что в маленьком провинциальном городке не может случиться НИЧЕГО СТРАШНОГО?

Вы думаете, что мистические и паранормальные явления — просто выдумка фантастов?

Вы уверены, что на свете есть ТОЛЬКО ОДИН «Твин Пикс»? Может, вы просто чего-то НЕ ЗНАЕТЕ?

Перед вами — странная книга. Странная — и мистически-притягательная. Философская притча, стилизованная под остросюжетную смесь детектива, триллера и фантастики, — и визионерское откровение, ключ к пониманию которого зашифрован внутри повествования. Книга-калейдоскоп, книга-лабиринт, играющая смысловыми и стилистическими уровнями — и захватывающая читателя с первой страницы.

Это — своеобразный «Твин Пикс» по-русски. Читайте — и разгадывайте!

Александр Экштейн Лунные бабочки

Часть I Вторжение

Пролог

Мало того что после московских курсов повышения квалификации, заключающихся в

работе помощника официанта в ресторане «Первая скрипка», Игорь Баркалов стал капитаном и старшим инспектором уголовного розыска, так его еще и назначили руководителем следственного отдела первого отделения милиции, которое находилось в самом центре Таганрога и ничем, кроме цифры, не отличалось от третьего отделения милиции городского района Касперовка.

— Я на тебя надеюсь, — сказал ему перед назначением полковник Самсонов. — В этом районе полно карманников и прочей посягающей на репутацию города сволочи. Рецидивистов мало, но правонарушений, как ни странно, от этого не меньше.

Игорь промолчал. И ему, и Самсонову, и любому оперативнику хорошо известно, что ранее судимые — это не самый сложный случай. Из десяти освобождающихся из мест лишения свободы семь состоят на связи с оперативниками уголовного розыска. Это и хорошо и плохо, но больше хорошо, хотя в итоге все равно плохо. Гораздо сложнее, особенно в последние годы, работать с несудимыми. Они всегда непредсказуемы. Преступный мир XXI века отличается изощренностью и организованностью.

— Карманники и хулиганы, склонные к мордобойу, грабежу и изнасилованиям, — заметил Игорь Баркалов, — являются визитной карточкой нашего города...

— Что ты мелешь? — перебил его Самсонов. — Визитной карточкой города является море, Театр Чехова, заводы, пароходы, Петр Первый, акации и...

— Слава Савоев, — вставил реплику Игорь Баркалов и, осторожно поглядев в сторону Самсонова, добавил: — И вообще красивый город.

— Слава Савоев, — Самсонов с тоской посмотрел в потолок, — это не визитная карточка, это твой друг и мой подчиненный, а если будешь продолжать ехидничать, то вместо руководства оперативным отделом займешься входящими и исходящими бумагами управления.

На этих словах в кабинет заглянула секретарь, голова в кабинете, а все остальное, вызывающее уважительное внимание у многих мужчин, осталось в приемной:

— Возьмите трубочку, Семен Иосифович, это Рокотов.

— Самсонов слушает.

Судя по тому, как менялось лицо полковника в процессе общения с мэром, можно было догадаться о его возрастающей зависти к глухим.

— Да вы что, — фальшиво изумился он, — не может быть! Игорь Баркалов тоже почему-то напрягся и стал внимательно прислушиваться.

— Шесть автомобилей? — равнодушно удивился Самсонов. — Но он же все-таки обезвредил преступника с оружием, и вообще у нас специфика работы такая. — Он нахмурился и, взяв ручку, сказал собеседнику: — Значит, говорите, витрину ресторана «Таганрог» в одноименной гостинице и второй вагон трамвая? — Лицо Самсонова неожиданно посветлело. — Пострадавших нет, хорошо, и... — Он вскинул брови в неподдельном изумлении. — Сейчас на заводской трубе завода «Красный Котельщик» занимается рукоприкладством на верхней площадке? Еду, еду, конечно. — Самсонов положил трубку и мрачно посмотрел на Игоря.

— Кто? — уже давно все понял Игорь Баркалов.

— Слава Савоев, — обреченно вздохнул Самсонов и, покосившись на свои погоны, уточнил: — Визитная карточка.

Глава первая

1

Легкая стервозность Лидии Моисеевны Глебовой воспринималась окружающими ее поклонниками мужского пола как нежная и многообещающая сексапильность. Видеть в

женщине прекрасное даже в том, что со временем будет приводить в бешенство, беда всех мужчин.

Раннее солнечное и теплое майское утро мчалось навстречу Лидии Глебовой свежими и радостными потоками. В шесть часов утра она каталась на спортивном велосипеде «Трик» вокруг большого поля стадиона «Авангард». Стадион влачил жалкое существование в окружении продуктово-вещевого рынка с одной стороны и трамвайно-автомобильной дороги на фоне пригородного вокзала — с другой.

Лидии Моисеевне Глебовой было двадцать лет. Красивые ноги и прекрасное лицо, а все остальное скрыто под белыми шортами и майкой фирмы «Рибок». Судя по притягивающему взору натяжению шорт, меланхолично покачивающихся влево-вправо на сиденье велосипеда, под ними тоже все было значительным и прекрасным.

«Чудесная девушка Лида» делала круги вокруг стадиона и улыбалась собственным мыслям. На ее стороне была видимая молодость, красота и майское утро, демонстративно пронизанное солнцем, на ее стороне была кипучая многолюдность наполняющегося торговцами и покупателями рынка, а против был лишь один ничем не выделяющийся человек в сером пиджаке и мятых брюках.

2

Наполненные оптимизмом мелодии дня добродушно перетекали в слегка печальное звучание вечера, но Катя Воскобойникова воспринимала это как разминочную гамму грядущего завтра рассвета. Любовь, самая распространенная форма идиотизма, овладела ею. Пульс любви она ощущала даже в кончиках пальцев и мочках ушей, не говоря уже о других, более приспособленных для этого частях тела. Катя всей трепетной сутью семнадцатилетней непуганости была готова к любому, даже самому беспросветному, счастью. Вокруг нее клубился май, цвели каштаны и звучала музыка, комковато выливающаяся из открытой форточки жилого пятиэтажного дома. Она стояла возле здания металлургического колледжа и возбужденно смотрела в сторону магазина «Мелодия». Катя ждала Василия Лаптева и слегка вздрагивала от захлестывающей ее нежности. Любовь семнадцатилетних, если ее отобразить в неприхотливой метафоре, это нечто среднее между необъезженной юной кобылой и окончательной уверенностью психиатра в заболевании своего пациента. Василий Лаптев был настоящим красавцем: нос, губы, ленивая походка мальчика-любимчика, дорогая одежда и томный взгляд для заманивания девочек. Типичный провинциальный плейбой. Катя так страстно и трепетно ждала его, что, конечно же, не могла заметить, как пристально с другой стороны улицы смотрел на нее мужчина в сером пиджаке и мятых брюках. У мужчины было блеклое, невыразительное лицо жителя окраин и странные, напоминающие вдохновение, аристократические руки...

3

— Смысловое значение жизни заключено в смерти, — произнес Анастас Ильин и, внимательно глядя в глаза Славы Савоева, уточнил: — Какого хрена вам от меня надо?

Анастас Ильин, известный по кличке Стасик, был задержан по обвинению в убийстве Анатолия Лысова, Лысого, во время драки на квартире у Валентины Карповой, более известной как Акула.

— А ты по дыне не хочешь, — возмутился Слава Савоев, — философ недоделанный? — Слава вытащил из ящика стола резиновую дубинку и, приподнявшись, огрел ею Ильина по спине, оправдывая свой поступок неоспоримой фразой: — Убивать людей нельзя категорически.

— Больно! — взвизгнул Анастас Ильин, выгибая спину. — Я же все как на духу

рассказал, написал и подписал добровольно.

— Да ты что? — Сняв трубку телефона, Слава соединился с Басенком. — Степан, Ильин у тебя с чистосердечным проходит? — Выслушав Степу, он удивленно добавил: — Тогда зачем я его тут бью как собаку, все ребра и зубы повыбивал и стул о голову разбил?

— Но-но! — предостерег его на всякий случай Стасик и крикнул в сторону телефона: — Командир, возвращайся скорее!

Степа Басенок попросил Славу побеседовать минутку с этим дебилом, пока он — срочно надо встретиться с агентом — не вернется.

— Ну ладно, ладно, — добродушно успокоил Стасика Слава Савоев, пряча в стол дубинку. — Я же не знал, что ты хороший парень. — Он вытащил из ящика Степиного стола пачку сигарет «Ростов» и протянул их Стасику: — Откупные. — Затем порывлся во втором ящике и достал зажигалку. — А это наградные за чистосердечное признание, которое, если честно сказать, никому и даром не надо...

Слава Савоев был прав. Стасика взяли на квартире Акулы возле трупа Анатолия Лысова. Он держался за рукоятку ножа, пятисантиметровое лезвие которого было полностью погружено в левую ягодицу визжащей от ужаса Валентины Карповой.

— Не скажите, — не согласился с ним Стасик, прикуривая сигарету. — Соблюдение формальностей — дело серьезное. Доказательная база следствия должна быть солидной. — Он с удивлением посмотрел на сигарету и торопливо затянулся ею три раза подряд во всю силу легких. — Обалденно! Ну ты даешь, начальник.

— Дай сюда, зараза оскотиневшая! — Слава быстро вскочил и стал выдирать из кармана Стасика пачку «Ростова», а тот, не обращая на это внимания, в две затяжки вобрал в себя все КПД сигареты до самого фильтра.

— Верни хотя бы зажигалку, командир. — Стасик едва двигал сухими губами. — Верни огонь моему карману...

— Не понял! — Зашедший в кабинет Степа Басенок принялся, подошел к ящику стола и, потеснив Савоева, выдвинул его. — Теперь понял. — Он с интересом посмотрел на Стасика. — Ну и как?

— Как на ковре-самолете, — выдохнул из себя восхищение полностью одевившийся Стасик.

Степа открыл сейф и положил туда улику, кляня себя за лень. Пачка «Ростова», сигареты которой были набиты азиатской коноплей, принадлежала уже арестованному и осужденному на пять лет наркоману-домушнику Дустику. Степа как бросил изъятую улику в ящик стола, так в течение полугода ежедневно собирался ее уничтожить.

— В принципе, — воздел палец к потолку Анастас Ильин, — Лысого я завалил по пьяни и без вдохновения, а вот студента-красавчика убил в бою, силен был, подонок.

— Да ты что?! — восхитились в один голос Степа и Слава, «с уважением» глядя на вдохновившегося Ильина. Степа даже достал из сейфа злосчастный «Ростов» и подвинул по столу Стасику, а Слава с видом корреспондента столичной газеты сунул под нос «улетевшего в космос» идиота диктофон: — Будь другом, Анастас, расскажи нам все в деталях и медленно, неужели в бою ты его, гада, урыл?

4

На факультете иностранных языков таганрогского пединститута, где училась Катя Воскобойникова, Василий Лаптев считался самым красивым юношей. Катя была трезвомыслящей девочкой и понимала, что Василия Лаптева нельзя привязать к себе навечно, да эту задачу она и не ставила перед собой в семнадцать лет. Она просто решила сделать его своим первым мужчиной, отдать ему самое дорогое, отдать во что бы то ни стало...

Первый мужчина — это серьезно и в какой-то мере загадочно. Мало кто знает, что,

расставаясь с девственностью по любви, женщина на всю жизнь обречена принадлежать первому мужчине. Она этого может не понимать, но сколько бы и от скольких бы мужчин у нее в дальнейшем ни было детей, все они будут обладать характерными чертами первого любимого.

В этот вечер Катя не дождалась Василия Лаптева. Да и вообще с этого вечера всякое ожидание Васи Лаптева теряло смысл. Его убили в трех метрах от памятника Петру Первому, и, как утверждали свидетели, он первым ударил в лицо выпившего мужчину, более того, не остановился на достигнутом, продолжал бить и, сбив с ног, пинал ногами, пока мужчина не отскочил, вытащил нож и воткнул его несколько раз в юное тело прекрасноликого хулигана.

— Я не хотел его убивать, — пытался оправдаться Стасик, — попугать только.

— Ага, — согласно кивнул Степа Басенок. — Ты ему почку и печень насквозь пробил и весь кишечник искромсал своей железкой.

— Да ладно тебе, — заступился за Стасика довольный Слава Савоев, — не цепляйся к парню.

— Да я так, — Степа похлопал Стасика по плечу, — пошутил слегка.

Оперативники доброжелательно глядели на Стасика, начавшего по мере ослабления действия конопля осознать, что он сам себе «накайфовал» двадцать лет лишения свободы в лучшем случае или пожизненное в худшем. Доброжелательность оперативников можно было понять. Убийство студента всколыхнуло город и вызвало недовольное ворчание начальства из Ростова-на-Дону. И вот, пожалуйста, не прошло и двух суток, как они раскрыли не одно, а целых два убийства. Хотя, по большому счету, за убийство Лысого и поврежденную ягодицу Акулы они могли бы выпустить Стасика и под подписку о невыезде до суда.

5

— Значит, ты, мерин, — Слава Савоев с укоризной посмотрел на замордованного сутенерским бизнесом Рогоняна, — утверждаешь, что интересы вашей кадровой политики совпали с интересами человека, о котором ты сейчас говоришь?

— Метис я, а не мерин, — гордо вскинул голову Роберт. — Сколько можно путать понятия?

Роберт Рогонян только что пришел на встречу с оперативником и дал ему важную информацию по делу о таинственной пропаже трех молодых женщин. Это дело обрушилось на УВД города как снег на голову. Первой пропала Лариса Мокшина, ранее отбывавшая срок за мошенничество, двадцатичетырехлетняя демонстративная красавица с характерными для женщин этого вида представлениями о роли мужчины на земле, по кличке Куница. «Братья» Рогонян пытались уговорить Мокшину возглавить вместе с ними сутенерский бизнес. Они понимали, что ее знание предмета, стервозная красота и тяга к авантюре помогут им увеличить на порядок прибыль и вывести дело на областной уровень...

— Вы какие-то дурные, — сообщила «братьям» Лариса Мокшина, выслушав предложение. — Таганрог не то место, где можно заниматься сутенерством. Это не Москва и не Сочи, вам менты не дадут развернуться никогда, будете всю жизнь в стойле копейки жевать и стучать для них — это раз. Во-вторых, у меня другие планы, я хочу быть богатой, свободной и защищенной, а это означает, что вы ко мне ближе чем на километр подходить не должны, иначе, а это уже в-третьих, я сделаю так, что вам руки-ноги поотрывают.

Роберт и Олег, конечно же, не стали настаивать, Куница была в авторитете, и ее слово кое-что значило в уголовной среде города, но последить за ней «братья» все-таки решили. Им показалось, что Мокшина хочет самостоятельно заняться сутенерством и оттеснить их на обочину жизни.

— ...И вот этот Сирано де Бержерак в карикатурном исполнении, — Слава Савоев еще

раз посмотрел на сделанный Робертом из засады слегка смазанный фотоснимок, — украл нашу Мокшину.

Первой хватились именно Куницу, она была подозреваемой в краже денег у Рокецкого Федора Ивановича и находилась под следствием с подпиской о невыезде.

— Да, — кивнул головой Роберт, — он ее два дня пас. Мы вначале не обратили на него внимания, а когда поняли, что к чему, было уже поздно. Два амбала в белых халатах ее за руки за ноги подняли, скотчем рот заклеили, сунули в «скорую» и укатали, а этот носатый впереди, возле водителя сидел. Сегодня утром наши информаторы сказали, что видели похожего на него человека и возле Воскобойниковой, и возле Глебовой. Мы за этими девочками тоже наблюдали, особенно за Глебовой, у нее уникальные данные для работы Клеопатрой по вызову. Ну, и всех девушек похитили. Вас в городе не было, вы отгулы взяли и уехали куда-то на сутки, а к другим я не имею права на связь выходить.

— Убить бы вас обоих, — вслух помечтал Слава Савоев, — но вы этого еще не заслужили. — Он поднялся, пожал Роберту руку и сказал: — Уголовное дело на твоих девочек-медичек я заводить не стану в этот раз, завтра выйдут из КПЗ, но если еще раз пойдут жалобы на мелкие кражи из квартир клиентов, то ты сам на нарах окажешься.

«Братья» придумали новый вид интимной услуги, которая пользовалась бешеным успехом среди богатых и стареющих мужчин города и которую почти мгновенно стали применять столичные сутенеры. Девочки приезжали к клиенту под видом врача и медсестры «скорой помощи», мерили температуру, давление, массажировали все подряд, способствуя жизненному тону. Вызов «скорой помощи» стоил триста у.е. в час и восемьсот у.е. за ночь.

6

Лариса Мокшина в отличие от Лидии Глебовой и Кати Воскобойниковой была стройной и опытной жгучей брюнеткой с задатками роковой женщины, неохотно завоевавшей титул «Мисс Мира» после пяти лет занятий проституцией и отбывания трехгодичного заключения в колонии общего режима за воровство и мошенничество. И на самом деле все, исключая титул «Мисс Мира», имело прямое отношение к внешности и биографии двадцатичетырехлетней Ларисы Семеновны Мокшиной.

После того как ее три года назад остановил уголовный розыск в лице Игоря Баркалова и Степы Басенка, отправив за воровство и мошенничество в колонию общего режима, она стала скупее в желаниях. Хотя выглядела так, будто все эти годы провела на курортах Мраморного и Средиземного морей. Это внешне, внутри же в Ларисе бушевали фурии мести. «Гады, — осаждали Ларису мысли, — я вас всех...» Проходивший в этот момент мимо нее преподаватель судомеханического колледжа Рокецкий Федор Иванович приостановился и внимательно посмотрел на Ларису. «Эта девушка прекрасна не только лицом и телом, но, судя по блеску глаз, в ее душе живут ангелы».

Федор Иванович был возвышенно-простоватой натурой и поэтому не мог знать, что любое поэтическое откровение не более чем сезонное обострение хронического идиотизма.

«Козел! — в свою очередь, подумала Лариса Мокшина, глядя на Рокецкого с грустной и доброй улыбкой. — Лох придурочный. Надо его взлохматить».

— Вам помочь? — кинулся навстречу Федор Иванович. — Можете на меня рассчитывать во всем. Меня зовут Федор, — поставил он точку в знакомстве и бережно взял Ларису за руку.

— А меня Лариса, — представилась Мокшина. — Я не нуждаюсь в помощи, со всем справляюсь сама. — И, восхищенно глядя на Рокецкого, добавила: — А вы чуткий и сильный...

— Стой, Мокшина, не вздумай линять, зараза, — сразу же сбился с вежливого «вы» Игорь Баркалов, выходя из оперативного «жигуленка». — Тебя вчера видели с Дыховичным, заведующим второй автобазой, у него штука баксов пропала с хаты.

— Я у него на хате не была, — пошла в отказ Лариса и, выдернув свою руку из закаменевшей в судороге руки Федора Ивановича, сообщила ему: — А ты, озабоченный, иди дальше.

— Проверьте карманы, — посоветовал Рокецкому Игорь и, достав из кармана наручники, потряс ими перед лицом Мокшиной. — Соскучилась, Куница, по хозяину или как?

— Шмонай, начальник, нет у меня баксов, он меня в машине трахнул, на хату не водил.

— Ну ладно, — успокоился Игорь и еще раз обратился к Рокецкому: — Карманы проверили? Смотрите, чтобы потом претензий к милиции не было.

Федор Иванович лишь механически покивал головой.

— Поехали. — Игорь взял Ларису Мокшину под руку и повел к «жигуленку». — Посмотрим в глаза Дыховичному.

— Ох, ох, начальник, какой галантный. — Поддерживаемая Игорем за руку, Лариса села в автомобиль и оттуда помахала Рокецкому: — Чао, рогатенький...

Федор Иванович начал приходить в себя лишь после того, как, сунув руку в боковой карман, не обнаружил там бумажника. ДВЕ ТЫСЯЧИ ПЯТЬСОТ РУБЛЕЙ! Он сразу же стал бодрым и агрессивным. Повертев головой, направился к остановке троллейбуса, намереваясь ехать в первое отделение милиции, хотя туда нужно было ехать на трамвае. Две тысячи пятьсот рублей, ничего себе, зарплата за месяц!

Человек в светлом пиджаке и мятых коверкотовых брюках, наблюдавший за этой сценой, усмехнулся, глядя вслед спешащему на троллейбус Федору Ивановичу. Если раньше лицо человека было совсем невыразительным, то теперь оно стало иронично-умным, а кривоватый нос казался насмешливым и даже в какой-то мере глумливым.

Глава вторая

1

«Не будь я Саша Углокамушкин, если не вижу перед собой пьяного Ренуара. Значит, вот как ходят нетрезвые художники — «ветер в харю, а я шпарю». Сейчас увидит меня, обрадуется и попросит сто рублей на растворитель для кисточек...

— Санек! — обрадовался художник-плакатист Владимир Кузнецов, более известный в городской тусовке богемной интеллигенции под кличкой Ренуар. — Как дела? У тебя не найдется сто рублей на водку для кисточек? А то вот иду на похороны великого Клода Моне и чувствую: не дойду, засохну.

— Леня Светлогоров умер? — удивился Саша Углокамушкин, доставая из пиджака сотню и разглядывая через нее солнце.

— Повесился, — тоже присоединился к рассматриванию солнца через купюру Ренуар, — в дарагановской психушке. Пошли вместе, проводим коллегу в последний путь.

— Пойдем, — принял предложение Саша Углокамушкин. — Смочим кисточки и пойдем...

2

Леню Светлогорова хоронили за казенный счет в слегка улучшенном варианте. Сыграли роль сделанные на эмоциональном уровне пожертвования хронически бедствующей богемы местного уровня и скупое, но веское высказанное мнение мэра Рокотова:

— Человек, переплюнувший Малевича в искусстве расцветки квадратов, заслуживает, чтобы его похоронили в дубовом гробу и с оркестрово-официальными почестями.

Так что Леню пришли провожать все, даже активно спившиеся творческие люди. Был на похоронах и Мурад Версалиевич Левкоев, психиатр загородной психиатрической больницы Дарагановка, в сопровождении нового главврача, бывшей старшей медсестры, Екатерины Семеновны Хрущ, и они были единственными, кто искренне сожалел о смерти художника...

Смерть

Никаких тоннелей, в конце которых виден свет, после смерти не бывает. Как не бывает и состояния клинической смерти — это условный диагноз, констатирующий на самом деле состояние клинической жизни. Если мы зачерпнем ведром воду из океана и нальем ее в аквариум — это не значит, что мы обзавелись домашним океаном. А именно этим, «одомашниванием океана», мы занимаемся, когда пристегиваем к действию Смерть такие мелкие понятия, как «клиническая», «творческая», «нравственная». Смерть невероятно роскошное действие, в ее упругой, стремительной силе даже понятие «бесконечность» становится менее масштабным и более уютным, а «вечность» похожа на кошку, нуждающуюся в ласке и защите. Смерть не объяснима жизненными словами, и говорить о ней приходится приблизительно, в режиме метафоры. Серебристо-призрачные, словно иней на паутине, колокольчиковые звучания Смерти несовместимы с канализационными мелодиями жизни. Смерть похожа на молитву Бога, обращенную к людям, а мы своим стремлением к физическому бессмертию добиваемся того, что, по мере развития нашего стремления, его молитва к нам будет звучать все тише и реже, а когда она утихнет навсегда, к нам подойдет некто Черный и Беспощадный. Он скажет всего лишь одно Слово, и оно будет последним...

— Смотри, смотри, — стал толкать Сашу Углокамушкина в бок Ренуар. — Видишь, бабку толстую в инвалидной коляске два десантника толкают?

— Вижу, — неохотно увидел Саша то, что некогда было Глорией Ренатовной Выщух. — Судьба, что поделаешь.

— Так ты знаешь? — сразу же потерял интерес к разговору Ренуар и, отвернувшись от Саши Углокамушкина, стал рассматривать лица пришедших на похороны.

«Знаю ли я? Конечно, знаю, но почему, не помню. Говорят, эта уродина совсем недавно была объемно-красивой и монументально-сексуальной. У нее убили сына в Чечне, а она в пароксизме ненависти к Кавказу задушила своего мужа, армянина Тер-Огонесяна, и сожгла хороший кабак «Морская гладь». Во дура тетка. Сына убили вахи, а пострадал христианин — армянин. И ресторан хороший был, там в долг могли студента накормить».

— Ну все, — возник рядом Ренуар. — Пойдем помянем Клода Моне, квадрати́ста самоубиенного.

Лицо Кузнецова уже наполнилось светом предвкушения. Рядом с ним стояла группа поддержки. Глеб Бондарев, художник-орфографист по кличке Пэдэ — Паспортные Данные, лет десять назад привлекавшийся за подделку больничных листов к суду и отделавшийся условным сроком, и Гертруда Пронкина, о которой никто ничего не знал, кроме того, что это «девушка, стремящаяся к общению с высоким искусством».

— Что все? — не понял Саша Углокамушкин.

— Закопали, — махнул рукой в сторону свеженасыпанного холмика в венках Ренуар и объяснил: — С концами...

Саша Углокамушкин почему-то посмотрел не в сторону могилы, а вслед уродливо заплывшей жиром женщины, которую признали невменяемой и не стали возбуждать против нее уголовное дело по факту убийства и поджога. Ее инва — ' лидную коляску толкали два недавно демобилизовавшихся десантника, друзья ее сына. Они направлялись к Аллее Славы, где были похоронены солдаты, погибшие на войне. Саша Углокамушкин неожиданно подумал, что нужно прийти на пожарище, оставшееся от ресторана «Морская гладь», найти

там какой-то серый камень возле фундамента и зачем-то перевернуть его. Почему он так подумал, Саша не мог объяснить. Он только понимал, что с ним в последнее время стало происходить что-то странное и абсолютно ему несвойственное...

Люди, умершие в полнолуние, избранные люди. Окончившие жизнь самоубийством в полнолуние чаще всего носители экстренной информации — их вызвали. Но даже эта избранность ни в коей мере не снижает потрясающего и необъяснимого словами момента встречи со смертью...

Сразу же после бесповоротного захлеста петли вокруг шеи маленькая суставная часть шейного позвоночника вдавилась в глубь костного мозга и создала там чрезмерное для жизни давление, которое стало усиливаться благодаря фоновому кошмару удушья, когтисто вцепившемуся в легкие и в лепечущие, хрустяще ломающиеся мысли мчавшегося в черную солнечность Лени Светлогорова. Резкое, молниеносное, как будто кто-то с безжалостной силой всадил в теменную часть черепа гигантскую иглу, внедрение боли в тело, и сразу же этот кто-то, быстрый и умелый, стал заливать его «бетоном» умирания. Вот затвердел «бетон» в горле, стал застывать в дыхательных путях, заливаться, тягуче и тяжело, в легкие. Эта тяжесть выдирала кадык и увлекала его в желудок, заполняющийся пронизывающим холодом постороннего и беспощадного бесчувствия. «Яаа... неее... хоотеел... этогоо...» — выдавил из себя мысль рассыпающийся мозг. Леня Светлогоров увидел перед собой мозаичное НЕЧТО и стал испытывать непреодолимый страх перед жизнью...

...Дряблые, с сиреневыми прожилками, отвисшие щеки Глории Ренатовны Выщух задвигались, и она стала что-то лепетать.

— Остановить? — спросил у нее десантник с медалью «За отвагу» на груди.

Глория Ренатовна покивала головой и рукой, с трудом подняв ее, указала на могилу с уже покосившейся вертикальной плитой из мраморной крошки. Парни подкатали коляску к могиле. На плите очень хорошо сохранилась фотография молодой и улыбающейся красивой женщины. Ниже была надпись:

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА СЫЧЕВА АКТРИСА

Даты рождения и смерти на плите не указывались.

Замогилье

Петля на шее Лени Светлогорова неожиданно из удушающей превратилась в нечто радостно-ненужное, а Леня Светлогоров перестал быть трупом, хотя и составлял с ним одно целое. В том, что мы называем Смертью, оказывается, можно манипулировать временем. Время внутри смерти забавно, мозаично, по-детски порывисто, несуетливо-энергично и клочковато-живописно. Грубая петля, затянутая на шее посиневшего, с уродливо вывалившимся языком футляра Лени Светлогорова, «забетонированного» в психиатрической больнице Дарагановка, для нового и легкокрылого Лени стала серебряной нитью, которая опустила его прямо в центр четверга послесмертной недели, и там, в четверге, его левая рука зовуще помахивала ему из следующего вторника второй послесмертной недели. Приподнявшись так, как живущие приподымаются на цыпочки, он увидел зеркало, разбившееся еще в жизни, но за два дня до его рождения. Леня, будучи уже не Ленией, увидел в зеркале свое отражение, которое увидеть невозможно. И тут же перед ним распахнулся нежный, страстный, протяженностью в триста шестьдесят пять мегагалактик, свет. По его периметру пульсировали затаенные оттенки многочисленных и пока еще формирующихся образов многоцветной смерти. Тем не менее во всем этом чувствовалась грандиозная отдаленность Смерти от умершего Лени. Смерть как бы

издалека показывала его энергетике-ДУШЕ ее колыбель. И вдруг свет с треском, словно кто-то резко застегнул «молнию», исчез, и Леня вступил в гнусное и липкое состояние сорокадневного отвыкания души от разлагающегося в земле тела и нажитых в жизни привычек. Этого не избегнут ни праведники (кроме святых), ни грешники, ни отпетые в церкви, ни безымянно закопанные в канаве. Именно в этот отстойный период идет подготовка души к втягиванию в огненное пространство алогичной действительности — в Ад. Именно в этот момент все умершие начинают понимать, как далека от них Смерть...

Глава третья

1

Действительный академик РАН, физик и одновременно послушник Свято-Лаврентьевского монастыря, Гляделкин Игорь Петрович закончил утреннюю молитву, вышел из кельи во двор монастыря и, вытащив из-под грубой рясы мобильный телефон, позвонил сыну в Москву.

— Чем занимаешься?

— Сплю, святой отец, — лаконично ответил сын.

— Это хорошо, — похвалил сына монах. — Ты сегодня приезжай за мной к половине девятого, отвезешь в Шереметьево, я улетаю на форум.

— В Женеву, — подавил зевок Константин Игоревич. — Надолго?

— На две недели.

— Заеду обязательно, — пообещал сын.

— Ну и с Богом.

Игорь Петрович положил мобильник в карман брюк под рясой и медленно пошел в сторону монастырской хлебопекарни. Оттуда доносился густой и вкусный запах выпекаемых просфор.

— Дай хлеба, — попросил он у пекаря, академика, биолога, трижды лауреата Государственной премии, Горовца Ивана Борисовича, уже постриженного в монахи и носящего имя Павел.

— Бог подаст, — буркнул Иван Борисович и отвернулся от Игоря Петровича. Тот не обиделся и пошел к трапезной. В конце концов академик академику не друг, не брат и не товарищ. Личность на дух не переносит рядом с собой другую личность.

— Здравствуй, человечисе, — погладил Игорь Петрович подскочившего к нему лохматого пса и вновь поглядел на небо.

2

Академики народ неменяемый. Это люди, знание которых о знании превышает само знание. Настоящих академиков отличает от обыкновенных людей всего лишь один момент: они расчленяют иллюзии на составные части, облачают эти части в одежды здравого смысла, раскрашенного формулами четко обозначенной логики, и продают эту фальшивку правительству и народу под видом истины в зримом воплощении: атомные бомбы, ракеты, пистолеты, технологические изыски и тому подобное, то есть делают то, до чего нормальный порядочный человек никогда не додумается.

Игорь Петрович сел в салон «УАЗа-3160» «Симбир» рядом с сыном и спросил у него:

— И чем же ты занимаешься в миру?

— Тем же, чем и все, — удивился вопросу Константин. — Деньги зарабатываю.

— Да, — задумчиво глядя на дорогу, произнес Игорь Петрович, — деньги.

Женевский форум, куда направлялся Игорь Петрович, был первым такого рода в XXI столетии. Ученые всего мира пришли к неожиданному выводу, что атеизм — антинаучное действие. Научные открытия, сделанные без веры в Бога, оказывается, не приносили и не могли приносить человечеству пользу. Аксиомная суть Бога настолько возбудила мир ученых, что они объединились в монастырское международное сообщество, чтобы суметь выработать механизм создания синтетической кристаллической решетки ХСЗ (Христово Сознание Земли) из соображений планетарной геометрии. Предполагалось, что древнеегипетский аспект станет мужским узлом кристаллической решетки, аспект инков, иудеев и майя — женским, а гималайский аспект станет нейтральным, гермафродитным узлом кристаллической решетки.

— Когда Ницше заявлял, что «Бог — это я», — неожиданно для Константина произнес отец, — он имел в виду не себя и не Бога.

— Значит, меня и черта. — Константин не страдал скромностью и не был отягощен большими знаниями.

Игорь Петрович снисходительно взглянул на сына и ворчливо произнес:

— У тебя бензин на нуле.

— Бак полный, это у меня прибор не пашет. По какому поводу форум?

— Был бы форум, а повод всегда найдется. — Игорь Петрович перекрестился и объяснил: — Будем говорить об открытии астрофизиков. Они обнаружили на границе с нашей Галактикой планету, которая в шестнадцать с половиной раз превышает массой Юпитер. Совершенно непонятно, как вообще могла такая планета образоваться.

— А может, это соседняя галактика гигантских планет, и то, что в шестнадцать с половиной раз превышает наш Юпитер, для нее самая маленькая планета, наподобие нашей Луны? — предположил Константин.

— Чуть, конечно, но в этом предположении ты сходишь с американским астрономом, академиком Джоном Пулом. Он утверждает, что существует планета величиной в несколько галактик, монолит, на котором лишь не хватает таблички «Входа нет».

— Это что-то наподобие Великой Китайской стены, — хмыкнул Константин, — чтобы орда человеческая не проникла в небесную империю.

— Если верить еще одному идиоту, академику Сандри Глимуку, лауреату Нобелевской премии по физике, ты не далек от истины. Он утверждает, что наша Солнечная система абсолютно искусственное образование, что внутри Земли существует еще одна планета и что все остальные планеты нашей солнечной яхты имеют такую же двойную суть и густо населены нами же... — Игорь Петрович постепенно увлекся. — Он утверждает, что умирание — это всего лишь способ транспортировки, распределение рабочей силы по всем отсекам космического корабля.

— И что, ему за это вручили Нобелевскую премию? — живо заинтересовался Константин.

— За это психиатр может вручить лишь историю болезни с неутешительным диагнозом. Нет, ему вручили ее за разработку квантовых генераторов.

Константин сбросил скорость из-за стеснившегося в низине тумана и усмехнулся:

— Пятое колесо у телеги?

— Нет, это такая штучка, требующая всего несколько киловатт внешнего питания, с помощью которой можно будет «качать» энергию из космоса практически бесконечно.

— Ничего себе насосик! — изумился Константин. — Это плохо кончится.

— Я знаю, — кивнул головой Игорь Петрович. — В истории человечества еще ни одно открытие хорошо не кончалось. Наука держалась и держится на смертном грехе гордыни. Это ее источник питания. Если бы в ее основу было положено смирение и целокупность мышления, мы бы никогда не вляпались в техногенность нашего нынешнего развития... Видишь, мужик голосует? — неожиданно оборвал разговор Игорь Петрович. — А ну-ка притормози возле него, проверим мою теорию о глобальном мышлении у каждого живущего на земле. Я сейчас задам этому сельскому жителю тестовый вопрос, посмотрим, как он

выкрутятся.

Пожав плечами, Константин притормозил у стоящего на обочине мужика в коротком ватнике и с лицом невыспавшегося тракториста. Игорь Петрович опустил стекло со своей стороны и вежливо спросил у него:

— Вы бы смогли вступить в сексуальный контакт с ежом, не сдирая с него шкуры?

— Дак! — Мужик несколько смущенно сунул кулак в лицо Игорю Петровичу, не готовому встретиться с таким быстрым и прямолинейным ответом.

Константин мгновенно сорвался с места, поглядывая на отца с разбитым носом.

— Ну вот, — удовлетворенно приложил к носу платок Игорь Петрович, — простой работяга сразу же понял, что его оскорбляют, и мгновенно, а главное — правильно,отреагировал. Человек же искусства, погрязший в некачественной интеллигентности, непременно вступил бы со мной в полемику и ехал бы с нами в ту сторону, в какую ему необходимо.

— С ежо-ом... — с досадой посмотрел на выбитый палец Лев Сергеевич Фомин, проректор медицинского университета, — ужом, коровой... Маньяки чертовы! — Он поднял руку и остановил автофургон «Хлеб».

— Куда? — спросил шофер.

— Туда, — махнул рукой Лев Сергеевич в сторону Шереметьева, — до Ревякина.

3

...Во время разложения тела душа Лени задыхалась — это была плата за неестественную привычку дышать легкими. В наполненный трупными водами желеобразно-распадающийся мозг проникли личинки асмодейной кладбищенской гусеницы, и душа Лени Светлогорова — еще Лени Светлогорова, ибо на поверхности еще помнили повесившегося художника — поспешно аккумулировала в себе конвульсивные остатки гниющего мыслетворения трупа. Душа, втягивая в себя и с трудом нейтрализуя привычку тела к ужасу, боли и безысходному отчаянию, постепенно выдиралась из присосочной сети нервных окончаний и вбирала в себя трудолюбивый и полный оптимизма шепот растущих ногтей и волос, которые на самом деле являются законсервированными информаторами подспудного жизнеобразования, распадающегося в третичной — синтезирующей зачатки холодного ядерного биосинтеза — ауре бродильного разложения... Впрочем, душа Лени быстро охрусталилась и отрешилась от трупа. Это произошло на девятый день после его погребения. Резко и пульсирующе бликуя, она устремилась в глубь земли. Досрочно избавив от сорокадневных мучений, ее втягивала серебряная нить элохимов. Ведь только ограниченная мысль телоносителя разделила пространство на небо и землю. Для души всюду небо. И это небо далеко не такое, каким его воображают поэты, священники и романтические идиоты. В небе не существует «расстрельных» и окончательных приговоров. Бог настолько велик и непредставим, что запросто может сесть нам на плечо ранним весенним утром в виде маленькой божьей коровки. Самое главное в этот момент — удержаться и не сбить его с плеча щелчком...

...В Шереметьеве Игорь Петрович встретился с другими академиками, следующими в Женеву.

— И что же, — поздоровался с ним Корзун Сергей Афанасьевич, — монастырь разрешил вам окунуться в мирскую скверну науки?

Корзун был из тех умных людей, которые на первый взгляд кажутся дурацкими, это во-первых, а во-вторых, он никогда не дожидался ответов на заданные им же вопросы. Поэтому Игорь Петрович удивился, когда тот задал ему вопрос и стал ждать ответа.

— Кто это вам лицо разбил? — спросил Корзун и замолчал, с интересом глядя на Гляделкина.

Действительно, лицо Игоря Петровича мало напоминало лицо интеллигентного человека. Нос распух, а под глазами резко обозначились синяки.

— Вполне возможно, что вы и светило науки, — неожиданно вмешался в беседу академик Константин Гляделкин, — но если не перестанете донимать моего отца бестактными вопросами, я вас ударю по голове вот этим. — Он показал на кейс отца в своей руке.

— Отправляйся домой, — строго приказал сыну Игорь Петрович, отбирая у него кейс, — и немедленно извинись за грубость.

— Я прощаю, — махнул рукой Корзун, — какая разница. Он взял Игоря Петровича за локоть и подвел к двум своим спутникам, стоявшим посреди зала и наблюдавшим за ними издали. Константин направился к выходу из аэропорта.

— Преданье старины былинной, — весело приветствовал Гляделкина Антон Серафимович Свинтицкий, академик, специалист по крионике и создатель универсальной крови «Ч». — Монах-ученый — это почти что православный иезуит.

Второй, лауреат трех Государственных премий, академик, профессор Голубев Кевин Иванович, ученый-робототехник, скривился, как от зубной боли, на восклицание Свинтицкого и лишь покивал головой, приветствуя Игоря Петровича.

— В Женеве дождь, — предупредил всех Корзун и продемонстрировал коллегам маленький стеклянный шарик, — но у меня заказан плащ с капюшоном, — он встряхнул шарик, — атомы уже начали перегруппировку.

Сергей Афанасьевич Корзун, похожий на деревенского дурачка, насильно одетого в костюм от Николо Пика за двадцать тысяч долларов, был лауреатом Нобелевской премии за перспективные разработки в области нанотехнологии. Нано — ничтожно малая величина, в сотни раз меньше длины волны видимого света. Нанотехнология позволяет использовать атомы как строительные «кирпичи» природы, из которых мы сможем складывать все, что угодно. Стеклянный шарик в руках у Корзуна был первой, пока что экспериментальной установкой такого рода.

— Ваша нанотехнология, — поспешил сделать комплимент Голубев, — нанесет окончательный удар по человеческому фактору. Мы превратимся в ухоженных, здоровых, хорошо охраняемых обитателей зоопарка. Миром будет править искусственный интеллект.

— Как хорошо! — обрадовался Свинтицкий. — На благоустроенный зоопарк я согласен, но боюсь, что этот ваш разум, уважаемый Кевин Иванович, будет использовать нас на черновых и ассенизаторских работах.

— Хватит чушь молоть, пора на регистрацию, — хмыкнул Игорь Петрович.

— Ох уж эти самолеты, — поежился Свинтицкий, — лучше бы на поезде.

Женевский форум ведущих ученых мира впервые на таком высоком интеллектуальном уровне должен был обсудить вопрос о создании сословия Господ — золотого миллиарда неприкасаемых. Земля перенаселялась, и назрела проблема контроля за народонаселением, а контроль должны осуществлять ГОСПОДА. Призрак ВГС (Высшего генетического совета) бродил по земному шару.

Ведущие ученые мира не знали, что идея такого форума была внедрена в их мысли агрессивными мистиками подземного, окологорюзлитного человечества качественной формации и что Господа обитают в сумеречно-серебряно-зеленом государстве волооких подземных магов, которым покровительствуют демиурги и элохимы, нелюдь и нежить земная...

Пути загробные

Первое, что потрясает умершего человека, — это грозное, гулкое и холодное одиночество Выбора. Проторенных путей в замогилье не бывает, все умершие осваивают бесформенность разноцветного мрака самостоятельно — один на один перед призраком Абсолюта.

Душа человека похожа на сплетенную из трех родников косичку, и душа человека трехобразна; душа детства — не-феи, душа судьбы — рух и душа смертного дома — нешмах. Сразу же после того, как умершего укладывают в домовину (гроб), начинается череда умираний, и каждый должен твердо знать, что бесконечная безнадежность, открывающаяся перед ним, предусматривает бесконечные осуществляющиеся надежды.

...Душа Лени расплеталась. Серебристо-чистый «ручеек» детства, нефеи, влился прямо в нить элохимов, мутно-осадочная «струя» судьбы, рух, вдруг начала завиваться в петлю, и из земной плоти потянулись к ней асмодейные гусеницы, постоянно испытывающие жажду и тоску по своей бывшей бабочковости в районе экранного самоудовлетворения, что находится в зеркальной вселенной, расположенной прямо над Южной Америкой, полностью повторяя ее контуры. Душа смертного дома, нешмах, которая на самом деле и есть ДУША, ласково, как бы проглаживая, проструилась по серебряной нити элохимов, распрямила петлю судьбы, мимоходом отправив несколько асмодейных гусениц в их возделенную бабочковость, и тоже, вслед за душою детства, влилась в серебряную нить, оставив очищенную душу судьбы, рух, одиноко втягиваться в Ад, в государство бледных демиургов.

Когда косички душ Лени Светлогорова расплелись, прекратилось и действие памяти о нем среди оставшихся в жизни. Лени Светлогорова окончательно не стало. Ведь памятью на самом деле считается лишь то, что вызывает в душе вспоминающих болезненное недоумение, злорадство, скорбь, отчаяние; все остальное — профанация. Книги, картины, мосты, памятники — это уже муляж памяти. Истинной памятью, например, об Антоне Павловиче Чехове было лишь одно действие — гроб, доставленный в Москву из Ялты в грузовом вагоне с надписью «Для устриц»; а далее уже была не память, суррогат, забвение.

Глава четвертая

1

Москвичи мерзли. Наступил май, отключили отопление, прошло два теплых дня, и начались сильные заморозки. Минус десять в московском мае — это то же самое, что плюс десять в Экваториальной Африке, жуткий холод.

— Я приехал в свой город, холодный до слез, — продекламировал Степа Басенок, выходя на третьей платформе Курского вокзала из пассажирского поезда Новороссийск — Москва, и, оглянувшись, сказал Игорю Баркалову, следующему за ним: — Москва.

— Я вижу, что не Киев, — буркнул Игорь и поставил у ног Степы большую сумку. — Твоя очередь, — объяснил он. — Я от Таганрога до Москвы, а ты только по Москве.

— Ладно, — согласился Степа Басенок и помахал рукой носильщику: — Эй, татарин, сюда давай!

— Почему татарин? — удивился Игорь, разглядывая направляющегося к ним с тележкой носильщика. — Никакой это не татарин, скорее москвич татарской модификации.

— Нам в Бутово, — обратился к носильщику Степа и, посмотрев на его удивленное лицо, объяснил: — В смысле, к стоянке такси.

— Остроум, — буркнул носильщик, ставя сумку на тележку. — Могли бы и сами сумку донести, не велика тяжесть.

— Я не штангист, — отпарировал Степа.

Где-то на половине пути, возле игровых автоматов нижнего зала вокзала, их остановил патруль из четырех человек и разозленно-мстительного вида мужчина, в котором Игорь и Степа узнали соседа по купе, подсевшего к ним в Туле.

— Они мне сразу подозрительными показались, — радостно сообщил патрульным

мужчина, — ханурики и аферисты. — Он кинулся на ошеломленного Игоря и схватил его за грудки. — Сумка тебе моя понадобилась, скотина!

— Очумел, джейран припадочный, — рассердился Игорь, отталкивая от себя мужчину обеими руками. — Идиот по жизни, что ли?

Мужчина от толчка отлетел к тележке меланхолично отстраненного от конфликта носильщика, перелетел через нее и, ударившись затылком о ногу проходящей мимо женщины, остался лежать, с негодованием глядя на патрульных. Переглянувшись, патрульные окружили Игоря, и старший отстегнул от пояса наручники.

— Я сразу заметил, — вдруг вмешался татарский москвич и гордо выпятил грудь с бляхой. — Они меня хотели до Бутова зафрахтовать за пятнадцать рублей. — Видя, что дело у клиентов безнадежное, он помогал милиции вдохновенно. — А глазами так и бегают.

— Да что тут творится? — возмутился наконец-то Степан. — В чем дело?

— Не знаешь, да? — радостно задал ему вопрос поднявшийся с пола мужчина и замахнулся на Игоря: — У-у, ворюга!

— Пройдемте, — защелкнулись наручники на Игоре и Степе, — там разберемся.

Задержанных повели в отделение. Носильщик, бурча под нос ругательства, толкал тележку в том же направлении. Зловредный мужчина следовал в фарватере. В отделении, в дежурной комнате, было холоднее, чем на улице.

— Воры? — спросил дежурный следователь у старшего патрульной группы и, не дожидаясь ответа, задал еще один вопрос: — Перепутали сумку или внаглую свистнули?

— Внаглую перепутали, — вмешался мужчина, стараясь во что бы то ни стало сыграть главную роль в расследовании.

— Они мне сразу показались особо опасными рецидивистами, — продолжал меланхолично свидетельствовать против своих клиентов носильщик. — До Бутова им на тележке за пятнадцать рублей, а там по голове бы дали, ограбили и все бы забрали.

— Что было в вашей сумке? — обратился дежурный лейтенант к зловредному мужчине.

— Значит, так, — мужчина облизнулся, — аккумулятор на «ГАЗ-31», носки шерстяные, семь пар, восемь банок варенья из абрикосов, водка, четыре бутылки, еще один аккумулятор на «ГАЗ-31», вобла, шесть штук, четыре гаечных ключа на четырнадцать-семнадцать, ватрушки домашние, надкусанные, две штуки, и костюм мужской, пятьдесят второго размера, полушерстяной лавсановый, одна штука.

— Серьезная сумка, — буркнул Игорь и решил из принципа не говорить о своих связях с Московским уголовным розыском. Судя по лицу Степана, он тоже впал в принципиальное состояние.

— А что в вашей сумке? — обратился к Игорю и Степе дежурный, и те озадаченно переглянулись. Если разобраться, в смысле придраться, в сумке у них присутствовало некоторое отклонение от закона. Поэтому Игорь немного замешкался и этим вызвал бурный восторг потерпевшего.

— Не знает! — зашелся мужчина в радостной истерике. — Ханурик подлый!

Мужчина вновь кинулся на Игоря, и тот двинул его плечом в грудь. Мужчина отлетел к злополучной сумке, стоящей возле угрюмого носильщика, и, вторично перелетев через нее, ударился головой о ногу меланхоличного начальника вокзальной тележки. Патрульные, переглянувшись, подошли и сняли с Игоря и Степы наручники.

— В Бутово, — не замедлил очнуться носильщик. — Чтобы, значит, там голову отрезать и в кусты ее бросить.

— Так что у вас в сумке? Не знаете?

— Признавайтесь, признавайтесь, ворюги вокзальные, — услышал Игорь знакомый насмешливый голос. — Небось оружие, наркотики и золото?

Ласточкин должен был их встретить, но поезд пришел раньше времени. Сейчас он стоял в дежурной комнате и подмигивал Игорю.

— Ладно. — Степе понравилось приключение. — В сумке лежат семь килограммов

балыка осетрового, приобретен на рынке, восемь вяленых чебаков, выловлены и завялены мною, три банки икры черной, паюсной, приобретены у рыбаков. В Москве это нарушение, — объяснил он, — а у нас в городе — святое дело и образ жизни...

— Вот ты где, олух царя небесного! — ворвалась в дежурку проводница вагона, в котором ехали Игорь и Степан, и с размаху двинула пострадавшего в зубы. — Ты что в своей сумке вез, которую ко мне поставил? Из-за тебя у нас обыск в поезде был.

Оказывается, мужчина, из-за занятости багажных мест, попросил за тридцать рублей поставить сумку в служебном купе, по мере продвижения поезда к Москве забывая об этом. При виде сумки таганрогских оперативников, точь-в-точь совпадающей обликом и объемом с его сумкой, он возбудился, и получилось то, что получилось. А при виде его сумки в купе проводницы на аккумуляторы возбудилась служебная собака, обходящая вместе с патрульными опустевшие вагоны.

— Ребята хорошие, — без всякого напряжения и паузы перестроился татарствующий москвич-носильщик, — с юмором. До Бутова хотели на моем коне проскакать. А что? За десять сотенок я бы и в Бутово отвез. А этот, — он кивнул в сторону поникшего от удара проводницы мужчины, — я сразу понял, что дурак и вдобавок ко всему умственный эпилептик. С вас пятьдесят шесть рублей, — резко приступил к расчету носильщик, глядя почему-то не на Игоря и Степана, а на Ласточкина. — Они гости столицы, а вы их встречаете, так что платите, — объяснил он удивленному Ласточкину.

2

Игорь и Степа приехали в Москву на время отпуска, но по делу. Впрочем, насчет своего отпуска они не строили никаких иллюзий и отлично понимали, что по окончании «дела» в Москве сразу же закончится и отпуск. Самсонов таким образом убивал даже не двух, а трех зайцев: во-первых, дал отпуск, целую неделю, проявил, можно сказать, отцовскую заботу о подчиненных, пошел навстречу двум лучшим оперативникам, во-вторых, они во время отпуска поработают в Москве, как-никак друзья в МУРе, и попытаются выяснить обо всех случаях, связанных с похищением людей для криминальных медицинско-научных целей, ибо что-то похожее стало происходить в городе и области, а в-третьих, не надо на это оформлять никаких командировок и делать официальные запросы. Отпуск, он ведь и в России отпуск.

— Давайте я третьим поеду, — предложил свою кандидатуру на «отпуск» Слава Савоев. — Я в Москве хорошо ориентируюсь, да и в отпуске уже три года не был.

— Ты с ума сошел, Савоев, — отмахнулся от Славы Самсонов. — Я что, самоубийца, по-твоему? Ты хотя бы представляешь? Ты и Москва! Это же международный скандал. А в отпуск пойдешь через несколько месяцев, в январе, одним словом. Там кое-какие нити к нам из Якутии тянутся, поедешь, проверишь. Они как раз к зиме более отчетливо должны проявиться.

— Ничего себе! — В отделение милиции Курского вокзала вошел Саша Стариков. — Ты же сказал, — он сердито смотрел на Степу Басенка, — что прибытие поезда в 18.40, а сейчас только 18.00. Вы на такси впереди ехали?

— Я сам удивляюсь, — пожал плечами Степа, здороваясь с другом. — Расчет-то на опоздание, а он раньше на час десять приехал, видимо, остановки проскакивал. Знакомся, — Степа показал на Игоря, — старший инспектор уголовного розыска Игорь Баркалов, наш таганрогский капитан.

Саша Стариков пожал руку Игорю, и тот показал ему на Ласточкина:

— Знакомьтесь, Алексей Ласточкин, ваш московский капитан.

— Да знаю я его. — Саша кивнул головой оперативнику и подхватил злополучную сумку. — И знаю, что в этой сумке. — Он насмешливо посмотрел на Степана.

— Что? — не разобрался в ситуации Степа, удивленно глядя на Сашу Старикова.
— Блины для штанги, вот что, — ответил Саша и быстрым шагом направился к выходу с вокзала.

3

Однокомнатная квартира Саши Старикова, после того как там были установлены две раскладушки, стала напоминать комнату общежития с неестественными для нее атрибутами изоляции: ванной, туалетом и кухней.

— А вид какой! — Саша отодвинул на окне штору, предлагая Игорю и Степе полюбоваться. — Такое только в Москве можно увидеть.

Вид действительно оказался потрясающим. С той Стороны окна была решетка из толстенной, покрашенной в черный цвет, арматуры, а далее везде крыша, по которой ходили кругом, искоса поглядывая друг на друга, два разухабистой внешности кота, рыжий и палевый. Крыша оканчивалась поднимающимся над ней забором с колючей проволокой и углом беззаконного мрачного здания.

— Крыши Монмартра. — Степа решил придерживаться романтической точки зрения и сразу же предложил совет по реконструкции: — Ты сюда земли наноси и деревья посади.

— Да-а, — сказал подошедший Игорь, — из нашего окна... — Он задумался.

— Тюрьма Бутырская видна, — помог ему Саша. — Это вдохновляет и помогает работе. Утром хочется пораньше уйти, а вечером нет желания возвращаться. Ну ладно, сейчас перекусим и пойдем куда-нибудь.

Саша прошел на кухню, открыл холодильник и стал его рассматривать. В холодильнике лежала пустая пластиковая бутылка из-под «Сенежской чистой», журнал «Автопилот», фотография знакомой бизнесвумен, иногда заходившей к нему на ночь «отдохнуть от зарабатывания денег», — она была владелицей трех престижных бутиков и женой вечно мотающегося в командировки за границу кинорежиссера Вутетича. Из еды в холодильнике лежал лишь маленький кусочек сыра, позеленевший от времени и пренебрежения.

— Знакомое чрево. — На кухню заглянул Игорь. — И кто только эти холодильники придумал? Как ни посмотришь — все время пусто. Ну да ничего, мы его сейчас дарами Азовского моря заполним.

— А я пока за пивом схожу, — встрепенулся уныло молчавший Ласточкин.

— Всем оставаться на местах, — поднял руку Саша. — Ша, одним словом. Я угощаю, хотя дары все-таки в холодильник можно и, по-моему, даже нужно положить.

4

Полковник Леонид Максимович Хромов живо заинтересовался пропажами красивых девушек в Таганроге лишь после того, как получил описание подозреваемого в этом преступлении.

— Что, так и выглядит — маленький, кривоногий и кривоносый?

— Да, — кивнул Степа Басенок. — Похож на булгаковского Азazelло.

— Литературой, — Хромов кашлянул, — в нашем деле не стоит увлекаться, а вот поподробнее обо всем рассказать можно...

...Лидия Глебова всегда была увлечена мыслями о любви, не в силу романтической натуры, а вследствие своей ярко выраженной гиперсексуальности. Если бы ее мысли можно было спроецировать на большой экран, то получился бы фильм о лирической эротике, время от времени соскальзывающей в жесткое порно с элементами группового секса и стыдливо-девичьего, слегка опозитизированного, садомазохизма с применением лесбийской фактуры.

Но воспитание Лидии Моисеевны Глебовой было до того хорошим и нравственным, что дальше фантазий она не шла.

... — Есть у нас в городе, — Степа слегка смутился, — одна особенность. У нас все друг друга знают, если не напрямую, то через кого-то, если не через кого-то, то напрямую.

— Это как в большой деревне? — догадался Хромов.

— Нет, — поспешно ответил Степа. — Но и не так, как в Москве, конечно. У вас все иначе, а в чем-то даже и проще из-за масштабов. Вы на бытовое убийство и пропажу человека уже давно реагируете так, как мы реагируем на кражу скрепок из Фонда социального обеспечения.

— Не увлекайся, — строго предупредил Степа Хромов, — давай по делу...

...Лида, закончив Новочеркасский политехнический институт, вернулась в Таганрог и устроилась работать секретарем-машинисткой у ректора радиотехнического института Рудольфа Васильевича Беконина, который иногда останавливался на ней долгий задумчивый взор и, видимо, вспоминая что-то из прошлого, ронял в пространство странные фразы:

— Нет, так не пойдет, надо что-то менять, пока Мариночка не увидела.

Или:

— Лидия Моисеевна, — в этот момент он еще задумчивее смотрел на нее, — прекратите приходить на работу в брюках.

Лидия в такие моменты даже немного пугалась, так как приходила на службу всегда в строгом деловом костюме-миди и никогда не надевала брюки из-за чрезмерно жизнеутверждающего объема бедер и ягодиц. А непонятное упоминание некой Марины ее не сбивало с толку. Так звали двадцатитрехлетнюю жену Рудольфа Васильевича, совсем недавно она сидела на месте Лидии и так же, как и она, не носила брюки...

— Кстати, — сообщил оперативникам Хромов, — за вчерашний день в Москве пропало девять человек, правда, сегодня семь из них обнаружили. Двоих в виде трупов, троих в виде заложников, а двоих в виде не помнящих, где живут, стариков. Последних обнаружили за пределами Москвы, одного деда в Рязани, а другого, вот тоже загадка, — Хромов изумленно покачал головой, — в качестве безбилетного пассажира на самолете, летящем в Таиланд. — Хромов строго посмотрел на оперативников, как бы осуждая их за халатность. — Представьте, без билета, с одним пенсионным удостоверением, в резиновых калошах на босу ногу, прошел все системы досмотра и полетел в Таиланд. Это же сатанизм какой-то.

— Мощный старик, — поддержал начальника Саша Стариков. — Представляю, что он в молодости вытворял.

— Да ничего он не вытворял, — махнул рукой с пренебрежением Хромов. — Он как сел в двадцать лет в тюрьму, так и сидел до болезни Паркинсона всю жизнь под кличкой Шекспир. Вот, — Хромов взглянул на Степу Басенку, — а двоих пока не нашли. У вас же пропали всего три девушки за месяц, а вы устроили ЧП российского масштаба...

...Впрочем, Лидия Глебова не считала ректора «видом на будущее». На ее взгляд, будущее с ректором в одной постели — это то же самое, что прошлое без него, то есть фантазии без практического применения, классическая музыка без рок-н-рольных барабанов, прыщавое лицо юности, упершееся взглядом в потолок мечты над кроватью. Правда, кое-что Лидию смущало. Рудольф Васильевич на самом деле даже не помышлял о том, о чем помышляла Лидия Глебова, она ему не нравилась, но сути это не меняло. Если женщина с отвращением думает об интимной близости с каким-нибудь конкретным мужчиной, а затем вдруг выясняется, что этот мужчина даже и не помышляет о такой близости, можно не сомневаться, женщина вывернется наизнанку, но все-таки затащит его к себе в постель лишь ради того, чтобы после с удовлетворением констатировать: «Боже, как он мне противен!...»

— Женщины и деньги суть одна субстанция, — неожиданно заявил Хромов и медленно обвел взглядом оперативников, ошеломленных этой хотя и общеизвестной, но всегда неожиданной истиной.

— Да, — поддержал Хромова Степа Басенок. — Это единственное воплощение поэзии в жизнь.

— Вот, — решил внести свою лепту в разговор Саша Стариков. — Поэтому проституция — самая древняя и самая неискоренимая профессия. Я в эту среду, — он бросил осторожный взгляд в сторону Хромова, — Калевалову из обезьянника вытаскивал, восьмой раз за этот месяц. Кошмар как притесняют иногородних в столице.

— Кто притесняет? — удивился Хромов, зная, что Калевалова, проститутка из Соль-Илецка, является агентом Саши. — Милиция, что ли?

— Ну не уголовный же розыск! — Саша возмущенно нахмурился. — Представляете, до чего уже дошло, коренные московские проститутки собрали бабки и втулили их муниципалам, чтобы они иногородним не давали работать. Вот мою Калевалову и мучают, через каждые пять минут с трассы снимают.

— Непорядок, — возмутился от такого проявления столичной великодержавности полковник Хромов, — ты займись этим. — Он на секунду запнулся и уточнил: — На досуге...

...Перспектива безоблачного будущего с выходом на столичную жилплощадь возникла перед Лидией Глебовой в виде потрясающе бесцеремонного, наглого, невысокого роста мужчины. Он был обаятельно-уродлив, но от него исходила обволакивающая аура могучего интеллекта, денег и сексуальной одержимости сатирофавного темперамента.

— Меня зовут Василий Алексеевич, — представился он, — я все могу, и вы мне нравитесь. В вас есть то, что я когда-то потерял в лице любимой Ирочки Васиной, которую вы, славу Богу, не знаете.

— Что же это? — выдохнула Лида, почувствовав в себе неожиданную и необоримую тягу к необузданному сексу. — Что вы потеряли?

— Видите ли, — сварливо начал «фавн», — она была вакханально-валькириевого психотипа, то есть в ней вырабатывалось ценнейшее для науки фрагментарное сырье, то есть «Вспышка»... — Тут «фавн» внимательно взглянул на Лидочку Глебову и упростил объяснения до уровня лжи: — Я любил ее, но потерял и не жалею об этом, ибо встретил вас и с тем же самым качеством...

— И у вас, конечно же, есть веские доказательства причастности этого человека к похищению девушек и принадлежности его к так называемой медицинской мафии? — спросил Хромов, хмуро глядя на таганрогских оперативников и присоединившегося к ним Сашу Старикова.

— Веских доказательств нет, — вздохнул Степан. — Вообще никаких доказательств нет, одни подозрения, основанные на агентурных данных.

— Это как? — усмехнулся Хромов. — Агент видел, как девочек хватали и запихивали в мафиозный автомобиль с затемненными окнами и красным крестом на дверце? И каковы ваши агенты в профессиональном плане?

— Агенты-профессионалы, — кивнул головой Степа, — в смысле сутенеры, два брата, но они не братья, Рогонян... — Степа слегка смутился от поспешной конкретности своих объяснений. — Все похищенные девушки попадали под их программу поиска новых кадров, они за ними наблюдали, собирали более или менее приличные доказательства их генетически унаследованной предрасположенности к проституции. По их мнению, девочки такого типа проходят по разряду «Восторг под пальмами», а это почти штука баксов за ночь. Но дело не в этом. Наблюдая за ними, они обнаружили, что возле каждой из трех периодически крутился тип, о котором я вам рассказал и фотография которого утеряна

одним нашим опытным, но расхлябанным сотрудником. А затем девочки пропали.

— Штука баксов за ночь? — неожиданно изумился Саша Стариков. — Это же как Алле Борисовне за полкуплета пропетой песни.

— Оставь, — махнул рукой Хромов, — мировые звезды эстрады за тысячу долларов могут только послать по телефону. — Он снова посмотрел на Степана и, вытащив из ящика стола фотографию, протянул ее оперативнику. — Этот?

— Да! — в один голос ответили Игорь и Степа.

— Ну вот, — опечалился Хромов, — здравствуй, УЖАС.

Глава пятая

1

Клэр Гатсинг понимала, что ее сенситивность (агрессивная сексуальность) делала ее позицию в роли невесты Джона Карри уязвимой. Она принадлежала к той чрезвычайно редкой категории красивых и породистых женщин, которые обладают острым аналитическим умом и умением облекать женскую интуицию в холодную броню беспристрастной логики. Уязвимость же Клэр Гатсинг была в другом: она не могла чувствовать себя полноценной вне связи с мужчинами. С самого рождения над ней тяготел рок бликующей сексуальности. О, если бы она была обыкновенной женщиной, просто умной и талантливой или просто яркой и общественно-популярной, наподобие покойной принцессы Дианы, то ее сексуальность была бы уместным, плодотворным и материально выгодным даром. Но в Клэр Гатсинг рождались и жили величественные масштабы формул, теорий и прозрений запредельного научного прагматизма. Она участвовала в суперсекретном проекте НАСА, в программе «Хазары», финансируемой правительством США и обслуживаемой мозгами русских ученых. Перед ее аналитическим умом, выдержкой, объемом и качеством знаний склоняли головы самые изощренные и деятельные капитаны научного мира. Ее жених, руководитель программы «Хазары» Джон Карри, изобретатель наноускорителя для создаваемого в лабораторных ангарах на глубине две тысячи метров в пустыне штата Аризона межпланетного хроногиперболизированного космического корабля, полюбил ее именно за это уникальное сочетание гениальности и сексуальности. Но он как-то не подумал, что такое сочетание предусматривает уникальную ветвистость его рогов в будущем супружестве. Впрочем, у него не было ни времени, ни желания отвлекать себя на обдумывание таких пошлостей. Клэр Гатсинг в принципе тоже не заостряла на этом свое внимание, относясь к сексу, как к перехваченному на ходу бутерброду, смущало только количество «бутербродов». Но ее интересовала фантомная энергия, лежащая в основе сексуальности, нечто коварное, животное-божественное, информационно-голубое, свято-сатанинское, основа какой-то не земной и даже не небесной Вспышки.

2

— Фермент «Вспышка», выделенный из микробиофантомов, возникающих в девственной плеве девушки с необузданной сексуальностью и генетической предрасположенностью к нимфомании, может изменить качество и перспективы жизни, — сказал Алексей Васильевич Чебрак, которого в Ростове-на-Дону все знали и любили как непревзойденного хирурга и диагноста Лутошникова Василия Алексеевича, своему ученику и ассистенту Петру Гарникову. Внимательно посмотрев на него, он уточнил: — Я спасу людей от откровения Иоанна, то бишь Апокалипсиса, и экспансионных поползновений всяких там религиозников и их безначального и единого папы.

— Чего? — испуганно сглотнул слюну преданно глядевший на учителя Петр Гарников.
— Ничего, — отмахнулся от него самозалегендированный Алексей Васильевич. — Кто там у нас на очереди?

— Пуля в центре головы, — сразу же стал собранным Петр Гарников. — Голова принадлежит Долматову Ивану Михайловичу, главе «Донэнерго».

— Давай его в операционную, — хмыкнул Алексей Васильевич. — Посмотрим, как у него все в мозгах перепуталось.

3

Алексей Васильевич Чебрак устроился в Ростове-на-Дону хорошо, даже лучше, чем в Москве. В тороватом южном городе было легче и проще стать неприкасаемым. Весть о волшебных хирургических руках и проникновенно-точном диагностическом чутье нового доктора молниеносно облетела сначала властные, а затем предпринимательские и интеллектуально-криминальные круги южной столицы. Блестящие операции по шунтированию сердца, проведенные им замполпреда президента, мэру города, районному прокурору и криминальному авторитету из хитровато-простецкого Батайска, города-спутника Ростова, были настолько успешными, что даже вызвали задумчивую зависть у лучших кардиохирургов ЦКБ, куда на всякий случай съездил провериться прооперированный Алексеем Васильевичем замполпреда президента по Южному округу.

— Мало того что он прошунтировал ваше сердце отлично, — сказал ему ведущий кардиолог страны, — но он еще каким-то образом омолодил непонятным трансплантатом вашу сердечную мышцу. Против него нужно возбудить уголовное дело по факту незаконной трансплантации. Где он взял фрагмент сердечной мышцы? Где эта улица, где этот дом, где этот труп, что зарезали в нем?

Замполпреда слегка возмутился и с укором посмотрел на высокопоставленного кардиолога.

— Я понимаю, — уловил его взгляд доктор, — можете не беспокоиться. Ни один настоящий доктор не настучит на коллегу с такими новаторскими методами работы. У нас цеховая солидарность во много раз круче мафиозной круговой поруки в сицилийском исполнении. Вот я сейчас вздумаю вам вскрыть, — ведущий кардиолог ЦКБ заметно увлекся, — грудную клетку, чтобы выяснить, что же трансплантировал в сердечную мышцу этот ваш ростовский кудесник, и все мои коллеги одобряют этот поступок, даже несмотря на летальный исход.

— Какой исход? — Замполпреда Фокин на всякий случай отступил к двери кабинета и взялся за ручку. — Летальный?

— Одним словом, хорошо вам сделали операцию, — взял себя в руки кардиолог, — во много раз, как ни обидно в этом признаваться, лучше, чем сделали бы мы.

4

Неугомонная, очарованная тайнами бытия и запредельности натура Алексея Васильевича Чебрака, явившаяся Ростову-на-Дону под маской Лутошникова Василия Алексеевича, не знала ни покоя, ни удовлетворенности. Ему не хватало дня, и он целыми ночами оперировал раненых из Чечни в госпитале Северо-Кавказского военного округа, беря на свой операционный стол только приговоренных к ампутации конечностей и безнадежных. Он отменял эти приговоры и восстанавливал право на жизнь у безнадежных. Вскоре о чудо-докторе заговорили в Москве, и московские врачи с удивлением узнали в нем некогда популярного нейрохирурга. Более того, совсем неожиданно на его имя пришло приглашение на форум академиков-аскетов в Женеве. Естественно, за приглашением стояли научные

интересы устроителей, но на таких форумах всегда можно встретить, например, какого-нибудь доктора-«орилонтолога» из ФСБ.

— Если это Лутошников, то я бразильский плантатор, — сказал полковник Веточкин директору ФСБ. — Это Чебрак из бывшего УЖАСа, чиповнедритель, его надо взять под опеку, как ценный кадр, или сразу ухнуть, чтобы нервы не портил.

— Следите за лексикой, полковник, — поморщился недавно назначенный новый глава ФСБ, — что за «ухнуть»? Бандитство какое-то, мы же не из Министерства социальной защиты. Нам «ухнувший» Чебрак не нужен, и вообще, — директор ФСБ встал и прошелся по кабинету, — я тебе поручаю работу с бывшими подданными УЖАСа, хватит им отходить от шока.

— УЖАС самораспустился, — заметил Веточкин, — но вы, конечно же, правы. А раз так, выберите лишнюю штатную должность для одного очень нужного и хорошего человека. Для работы с контингентом бывшего УЖАСа мне нужен помощник и генеральская должность.

— Карьерист ты все-таки, Тарас, — укоризненно посмотрел глава ФСБ на подчиненного. — Тебе же месяц назад полковника присвоили, орден дали, премию целых... целых... — Он нахмурил брови, заглянул в листок и недоумевающе спросил у Веточкина: — Что, всего полторы тысячи?

— Без вычета налогов, — с глубоко запрятанной иронией ответил Тарас Веточкин и уточнил: — Грязными.

— Не иронизируй. — Видимо, директор ФСБ принял какое-то решение. — Ладно! Создаем новый отдел, присваиваем тебе генерала, а для увеличения капэдэ попрошу назначить тебя моим заместителем с расширенными полномочиями. Одним словом, делай что хочешь, но мы должны быть абсолютно готовыми к двадцать первому веку. Твой отдел назовем отделом модификаций, а работать будете в режиме «Странники». Кстати, для кого я должен выбивать новую штатную должность?

— Для Стефана Искры, — ответил Тарас Веточкин и объяснил: — Он сейчас живет в Чебоксарах.

5

Дабы не обижать Пенсионный фонд России, Стефан Искра регулярно ходил получать назначенную ему государством пенсию, тысячу сто десять рублей, как бывшему военному служащему и ветерану афганской войны. Жил он не в самих Чебоксарах, а в двадцати километрах от них, в Петрунинском районе, в селе Бурашово. Именно на окраине этого села по его заказу и на его деньги в течение нескольких месяцев бригада строителей из Югославии отстроила домик. Сто двадцать квадратных метров жилой площади, со всеми коммуникациями и АГО. Пятнадцать соток территории вокруг дома были обнесены высоким деревянным забором. Во дворе небольшой огород: петрушка, салатик, укропчик, лучок, кинза, редиска. Остальное было занято соснами, карельской березой и бревенчатой, с парилкой, баней.

Весной часть Чувашии покрывается полевыми тюльпанами. Зрелище потрясающее. За особняком Стефана Искры простиралось огромное поле тюльпанов, среди которых бродили священные животные — чувашские розовые коровы. Стефан Искра жил тихо, плавно и задумчиво. После исчезновения УЖАСа он впал как бы в ступор с элементами консервации. В селе его не понимали и поэтому ненавидели. Но Стефан Искра не обращал на это внимания, и по этой причине его не понимали и ненавидели еще больше, но он и на это не обращал внимания. Когда Стефан шел по селу в сторону сельсовета за пенсией, все женщины и девушки изыскивали возможность попасться ему навстречу, взглянуть и сладко вздохнуть от восхищения. А когда он входил в сельсовет, вся женская часть — кассирша, бухгалтер, секретарь и паспортистка — вздрагивала и замирала от демонстративной

влюбленности. Пенсионер Стефан Искра был похож на сорокалетнего Алена Делона в роли преподавателя женского колледжа, и на его фоне женихи и возлюбленные сельсоветских девиц, постоянно заскакивающие в уставшее от времени административное здание, чувствовали себя вышедшими в тираж мужичками, тяжело и с потерями пережившими кризис среднего возраста, хотя на самом деле были кровь с молоком и косая сажень в плечах. Все мужское население Бурашова и часть мужчин Петрунинского района спали и видели тот момент, когда они смогут одернуть и унизить проклятого столичного пенсионера и пижона. Впрочем, вскоре такое желание у мужчин села Бурашова исчезло напрочь...

Дом Стефана Искры стоял даже не на окраине села, а на солидном, чуть более полукилометра, отшибе. В последнее время он полюбил длительные вечерние пробежки, удаляясь от села на несколько километров, иногда добегая и до окраин Чебоксар. «Какого черта меня потянуло на жительство в Чувашию, — иногда ловил он себя на мысли, — никак понять не могу». Он энергично взобрался по склону оврага наверх и с недоумением посмотрел на освещаемое электрическим светом уличных столбов село Бурашово. В эту ночь село с размахом гуляло. Несмотря на весну и посевную, случилось сразу две свадьбы. До осени невесты были бы слишком демонстративно беременны. Стефан Искра медленно пошел к своему дому на руках, выполняя улучшающее кровообращение упражнение «березка». Пройдя около полутора километров, он оттолкнулся от земли и в прыжке стал на ноги, чувствуя непреодолимое желание заснуть. Бурашовское двухсвадебное гулянье охватило все село, и ночь с досадой отступила за околицу. В это разгульное время население села увеличилось за счет прибывших гостей почти вдвое. Село гуляло. Крики, песни, звуки гармошек и самодельной поп-группы отпугнули от Бурашова не только ночь, но и приближающийся рассвет. Попрыгав с ноги на ногу, Стефан Искра решил обежать село, чтобы ни с кем не встречаться, но подумав, что это будет не по-соседски, пошел к дому как обычно. Он не чувствовал себя стариком в свои подкрадывающиеся к шестидесяти годы, так как не знал, что Алексей Васильевич Чебрак вживил ему в печень нервные волокна галапагосской гигантской черепахи, выделяющие вещество амброзин, благодаря чему он мог остаться носителем грозной физической силы до стопятидесятилетнего рубежа.

6

Взрослые парни села Бурашова и их ровесники из районного Петрунина перестали искать поводы для драки между собой, встретившись с объектом общей неприязни в лице Стефана Искры. Усугубленная водкой и самогоном тяга к справедливому наказанию «столичного богатого пижона» искала широкомасштабного выхода, тем более что Стефан Искра был с ног до головы провокационен: трезв, по-мужски красив и интеллигентен. Ровное и грозное обаяние уверенной силы создавало вокруг него как бы энергетическую ауру, вдобавок он был в стильном спортивном костюме «Ричардсон» черного цвета и умопомрачительной цены. Одним словом, было за что его бить. На фоне высоких и широких в плечах деревенских парней Стефан Искра выглядел хрупким, тонким и юным. Парни перегородили ему дорогу.

— Эй, телята, дайте дорогу пенсионеру, уважайте старость, — усмехнулся Искра.

— Гляди ты, дразнишься, — удивился прибывший к молодежи сорокалетний тракторист Завыгин и дрожащим от вождения голосом посоветовал парням: — Дайте ему по рогам, ребята, чтобы на ваших девок не заглядывался.

— Ну? — спросил Стефан у Завыгина, держа его на вытянутой руке в воздухе. — Убить тебя или ранить?

— Лучше в плен взять, — смиренно попросил Завыгин. Молодежь уже давно расплзлась по огородам и палисадникам.

— Ладно, — потерял Стефан Искра интерес к происходящему, — иди.

Он равнодушно отбросил Завыгина в гущу зарослей шиповника и пошел к дому. Его

что-то тревожило, и, выйдя из села, Стефан понял, откуда эта тревога. Огромная, в полнеба, луна завораживала его мысли. Стефан Искра стал свидетелем странного и необъяснимого природного феномена. Вокруг луны образовался мерцающий голубовато-красный нимб, а на самом диске вдруг появились видимые для глаза точки и, вспыхнув изумрудно-ярким, исчезли. Длилось это не более двух-трех секунд, но этого было достаточно, чтобы Стефан Искра, перед тем как увидеть перед собой обрушившийся на него треугольный фиолетово-золотистый странный глаз, успел воздеть руки к ночному небу и громко прокричать:

— Небооо! Я сын твооой!!!

Крик был так силен, что его слышали даже в разгульном Бурашове, и на мгновение на обеих свадьбах все замерли и замолчали. Тихий ангел пролетел над Чувашией. Но через мгновение вновь все задвигались, заговорили, зажевали и заплясали. Свадьба — шумное мероприятие.

Глава шестая

1

Альпийское астрономическое общество при розенкрейцеровской обсерватории, расположенной в горном кантоне Левье, что находится на юге Швейцарии, готовилось к встрече гостей из Женевы, участников Международного конфессионального форума ученых-аскетов. Президент общества, Масалик Турбенрогман, авторитетнейший астрофизик мира, автор дерзновенной гипотезы о «буйстве разума на Юпитере и дублирующего состояния планет Солнечной системы», волновался по двум причинам, каждая из которых оправдывала это волнение. Во-первых, общество должно было принять ученых очень высокого ранга: ожидалось лауреаты Нобелевской премии, итальянец Пикало Фаргон, англичанин Стивен Маллиган, Олег Антонов, физик, разработчик теории конструктивно расширяющихся бионов хронологического сгустка в неакцентированном пространстве, более известном под определением «черные дыры», а также академик Игорь Петрович Гляделкин, впервые обнаруживший мутантные изменения в магнитном поле Земли. Масалик Турбенрогман ожидал также Клайда Гота и Люта Ходокова, американских ученых блокбастерной астробиологии, науки об ассоциативной нелогичности человеческого фактора вне Солнечной системы. Клайд и Лют входили в сверхсекретный отряд астронавтов США, готовящихся к полету на Юпитер, но этого Масалик Турбенрогман, конечно, не знал, ибо, как говорил один полковник из российского ГРУ, секреты штука не кровожадная, но убивают всех, преждевременно проникающих в них.

Вместе с Турбенрогманом встречал гостей и его ученик Крис Вастурци, обладающий фундаментальными знаниями не только в области астрономии и астрофизики, но и в области молекулярной андрогинной биотектоники, молодой науки, утверждающей, что разделение человечества на мужчин и женщин было насильственной акцией во времена праацтекской цивилизации. Тогда все люди были двуполы, гениальны и малочисленны. Они населяли лишь те территории земного шара, где присутствовала пульсация тонких энергий, то есть в тех местах, где ныне находятся месторождения урановой руды. Размножались двуполые люди, хотя и совокупляясь, сложно и даже торжественно. Они были настолько совершенны, что вмещали в себя и отца и мать, то есть рожали все и в одно время. Если в племени было двести человек, то все двести ходили беременными. Более того, ученые-биотектоники, а следовательно, и ученик Турбенрогмана Крис Вастурци, утверждали, что двуполые люди не были подвержены чувственности, умирали по желанию и были столь склонны к познанию собственного внутреннего мира, что всю свою умственную силу, по принципу замкнутого цикла, направляли лишь на самих себя, не думая о благоустройстве мира, поэтому мир тогда был красив и не болен. Далее в истории существует провал, и вся информация о двуполых

исчезла. Вастурци уверял Турбенрогмана, что древние греки поклонялись богам-гермафродитам и что в их пантеонах и храмах хранилась вся информация о тех, кто разделил людей на мужчин и женщин. Выслушивая теории Вастурци, Турбенрогман обычно отмахивался:

— Отстаньте от меня, Крис, со своими гомосексуальными научными комплексами, лучше займитесь систематизацией своих научных увлечений. Две недели назад вы убеждали меня, что всех геев и наркоманов нужно окунуть в кислоту, растворить, затем вскипятить этот раствор и на его основе сделать совершенное лекарство от ВИЧ-инфекции. Скоро придут высокомудрые гости, проследите, чтобы все было на уровне.

Вторая причина, по которой волновался Масалик Турбенрогман перед встречей с учеными-аскетами, вытекала из первой. Он не знал, как отнесутся его титулованные коллеги к полученным буквально три дня назад снимкам Луны и его предположениям по этому поводу. Дело в том, что Луна, которую обыватели всех уровней воспринимают как нечто щекочущее воображение в располагающие для этого минуты жизни, именно такой и является. Масалик Турбенрогман готов был поклясться, что три дня назад альпийская обсерватория наблюдала, как с Луны была осуществлена высадка десанта на территорию Земли. Ни больше ни меньше. Ярко-изумрудные вспышки не могли быть оптическим обманом. Вот эти снимки, а вот фиксированно-направленное движение света в сторону Земли. Турбенрогман по непонятной даже для себя причине неожиданно злорадно усмехнулся.

2

Директор ФСБ после разговора с главой службы внешней разведки Тропаревымпил чай, густо разбавленный молоком, и недоумевал про себя: «Чай какой-то странный». Он вызвал секретаршу и спросил, указывая на чашку:

— Это что?

— Чай, — удивленно посмотрела на него секретарша и, заметив на столе фарфоровый молочник, уточнила: — С молоком, то есть по-английски.

— Разве? — удивился директор, беря молочник и поднося его к носу. — Это точно молоко? — недоверчиво спросил он и плеснул себе в чашку белой жидкости. — Интересное в Англии молоко, забористое, где взяли такое?

— Веточкин и Лапин краснодарский принесли его в запечатанном кувшинчике. Сказали, что это ямайское молоко для вас. А в чем дело? — Подойдя к чайному столу шефа, секретарша взяла молочник и поднесла к носу. — Понятно, — с досадой произнесла она. — Ром кокосовый, ямайский, двенадцатилетней выдержки. Шестьдесят один градус крепости, очень дорогой, эксклюзивного качества. Вы не хотите, чтобы я подготовила текст приказа об объявлении выговора полковнику Веточкину и генералу Лапину?

— Не надо, — предостерегающе поднял руку директор ФСБ и заодно посмотрел на правое запястье с часами, — тем более что уже 19:00, у меня через полчаса встреча с Дождем из ГРУ. Завтра я в Ростов-на-Дону лечу. Кстати, узнайте-ка, где сейчас Веточкин и Лапин.

— Веточкин, Лапин, — сразу же начала докладывать секретарша, — а также примкнувшие к ним полковник Хромов из МУРа и куратор Генпрокуратуры по Южному округу Миронов в данный момент прогуливаются по Казанскому вокзалу, встречают пассажирский поезд Чебоксары — Москва, в котором должен прибыть объект по имени Стефан Искра.

— Это не объект, это наш новый сотрудник. Он назначен на должность заместителя начальника отдела модификаций, руководить которым будет генерал Веточкин. — Шеф ФСБ со стуком поставил молочник на столик.

Директор ФСБ по дороге домой никак не мог понять свои ощущения, возникшие после разговора с главой ГРУ. С одной стороны, ничего нового он не почерпнул из этой беседы, но с другой — предчувствие глобальных изменений в мире усилилось. Разведка и контрразведка последнее время работали в режиме «Секунда». Информация, поступающая из США, давала повод думать, что янки сделали какой-то грандиозный прорыв, не без помощи покинувших страну русских ученых, по всем фронтам научной мысли, реабилитировав понятие «паранаука», доказав, что все обвинения в ее псевдоистинности не имеют оснований. Одним словом, директор ФСБ, Волхв Михаил Григорьевич, получил из рук ГРУ информацию о том, что:

1. США заканчивают подготовку к запуску трех (!) космических кораблей с людьми к Юпитеру.

2. Спецслужбы США осуществляют на территории России розыск бывших сотрудников УЖАСа и склоняют их к эмиграции в США, обещая все блага и выполняя эти обещания.

3. Особо проявляется целеустремленность ЦРУ в поисках некоего сумасшедшего ученого-генетика Алексея Васильевича Чебрака и неких «солнечных убийц» по кличкам Улыбчивый, Малышка и Стефан Искра. Создана специальная группа ЦРУ для поиска и вербовки этих людей на территории России.

4. Стало известно, что почти все более или менее оснащенные передовыми технологиями обсерватории мира зафиксировали необъяснимую, впервые наблюдающуюся активность на поверхности Луны. Служба космического слежения ГРУ зафиксировала этот феномен одной из первых.

5. Почти ото всех источников из научного мира поступили сведения о повышенной активности «Улья шершней».

«Ульем шершней» назывался квадрат 666 в северной части акватории Мирового океана, неподалеку от канадского Арктического архипелага, где наиболее часто наблюдалось появление НЛО. Два корабля ВМС России, «Кронштадт» и «Внимательный», в составе Северного флота, были полностью оснащены аппаратурой и кадрами ФСБ. Они почти всегда находились в квадрате 666. После того как был замечен феномен зеленых вспышек на Луне, от «Кронштадта» пришло срочное сообщение: «Мы, а также корабли ВМФ США и Великобритании, срочно покинули район «Улья шершней» из-за стремительно повышающегося на поверхности уровня радиации. По данным оставленных в квадрате 666 дозиметрических буев, этот уровень превышает норму в миллиард раз, как будто бы на дне взорвался небольшой город, в котором каждый дом — Чернобыль, а каждая единица общественного транспорта — ядерная бомба. Вызывает изумление факт нераспространения радиации за пределы квадрата, словно эта территория стала автономной от океана. Никто из ученой братии не может объяснить, почему за десять метров до «Улья шершней» радиация на поверхности и в глубинах нормальная, а через десять метров такая, что все живое распадается на молекулы. Но самым необъяснимым является то, что все командиры, независимо от страны и без всякого предварительного согласования, за несколько часов до повышения радиации отдали приказ своим кораблям покинуть район квадрата 666. Но даже не это удивительно, а то, что вся морская живность покинула это место вместе с кораблями флота. Так что перед нами сейчас зона абсолютно мертвого океана. Командир линкора «Кронштадт» адмирал Базаров».

«Дела, — подумал Волхв, подъезжая к дому, — сплошные дела...»

Пассажирский поезд Чебоксары — Москва подъезжал к Москве. Стефан Искра принял

предложение возглавить кадровую часть только что созданного ФСБ подразделения ОМ, командование которым было поручено произведенному в генералы Тарасу Веточкину. Стефан Искра знал, вернее, чувствовал, что такое, или похожее, предложение он рано или поздно получит, и он его получил.

— Стефан! — зычно крикнул Хромов и помахал рукой. — Мы здесь!

Полковник Хромов в новом костюме московской модельной фирмы «Апологет» походил на портового грузчика, неожиданно попавшего в Большой театр. Генерал Веточкин абсолютно не ассоциировался с грузчиком в опере, а скорее был похож на оптимиста, склонного к систематическому и профессиональному скептицизму. Новоявленный куратор Генпрокуратуры по Южному округу Миронов, как всегда, интеллигентничал, был в костюме-тройке из сиднейского шевиота, белой рубашке и золотистом, в серую полоску, галстуке. В руке он держал портфель, то есть выглядел совсем не интеллигентом, а чиновником московской мэрии, разглядывающим из окна митинг российских иногородних с требованием отменить московскую регистрацию. В портфеле у Миронова лежали мобильный телефон и четыре завернутых в пищевую фольгу бутерброда с домашним салом. Глава Краснодарского УФСБ генерал Лапин, в джинсах, клетчатой рубашке и кроссовках, выглядел профессиональным спортсменом в отпуске, которому не хочется ни с кем разговаривать.

Как-то так получилось, что встретившиеся друзья оказались в ресторане «Арбатский АРС», кухня которого, на взгляд Хромова, не несла в себе разрушительных последствий для семейного бюджета. На самом же деле владелец ресторана, бывший осведомитель МУРа, работавший в непосредственном контакте с Хромовым, давно и настойчиво приглашал его посетить свой ресторан, но Хромов отказывался. Отношения сыщиков со своей агентурой — сфера особая, можно сказать, деликатная. Когда осведомитель раскрутился и открыл свое дело, он попросил Хромова вывести его из агентурной цепочки на заслуженный отдых. За былые заслуги полковник пошел ему навстречу и вывел источник Гюрза из тайного и могущественного ордена стукачей.

— Куда ты нас привел? — укоризненно посмотрел на Хромова Лапин и тут же озаботился своим реноме: — Нас здесь не арестуют?

Возле сцены, с левой стороны, за столиком сидели трое мужчин с лицами трупов, сквозь тела которых проходит высоковольтная линия.

— Это дартуазеры староконюшенного направления джмейкерного декаданса, — попытался успокоить провинциального Лапина, не спускающего глаз с троицы, столичный Веточкин.

— Так это они? — удивился Стефан Искра, с трудом отрываясь от изучения названий блюд в меню. — Перфомансисты.

— А-а, преферанс, — ухватился Хромов за знакомое звучание и с сочувствием посмотрел на троих эпатажников. — Это же надо проиграться до такой степени. И куда только милиция смотрит?

— Это не дартуазеры, — вдруг подал голос Миронов, — это маньеристы.

— Маньеристы? — уже вполне равнодушно переспросил Хромов и взял в руки меню.

— Да, — подтвердил свои слова Миронов, — куртуазные.

Сидящие возле сцены мужчины были голыми, с раскрашенными телами, в желтых цилиндрах и дорогущих галстуках.

— А вот и я, — предстал перед друзьями слегка запыхавшийся владелец ресторана, бывший агент Гюрза. — Что будем пить и кушать?

— И то и другое, — пообещал ему Хромов и кивнул в сторону сцены: — Это что за карьеристы у тебя там сидят?

— А-а, — пренебрежительно махнул рукой хозяин «Арбатского АРСа», — это великие магистры ублюдочного пер-фоманса, поэты актюбинского ритма. В районе Арбата им иногда разрешают сидеть голыми в ресторанах в целях привлечения иностранных туристов. Не обращайтесь на них внимания. Итак, — он оглядел стол, — вас будет обслуживать Ван

Ваныч, маэстро сервиса, гуру официантского искусства.

Элегантный Гюрза вежливо поклонился и отошел от столика, но, что-то вспомнив, вернулся и, наклонившись, тихо сказал Хромову:

— Все за счет заведения, сделайте одолжение бывшему агенту, не обижайте.

— Ладно, — кивнул головой Хромов, — не обижу.

5

После того как на столе появилось блюдо из жареных морских гребешков, японского риса со шкварками и котлетами «Сорочинские», после того как было подано филе оленя, сердце и язык в остром соусе и бульон из петуха и женишеня с ягодами дерезы, после того как друзья съели по ножке ягненка, замаринованного накануне ночью в остром твороге и обильно политого ромом, только после этого они решились попробовать оригинальное блюдо «семужка пьяная» и эскарго из чего-то такого, что Хромов неуверенно назвал лапками каких-то маленьких птичек.

— Я тоже так думаю, — поддержал полковника Лапин. — Это болотные лебеди младенческого возраста.

— Лягушки, что ли? — догадался Миронов и, взяв со стола бутылку водки «Премиум», стал разливать по рюмкам.

— Вам хорошо, — вступил на путь благодушного завидования Хромов. — Вы все генералы, а я по-прежнему полковник.

— Ну уж нет. — Лапин понюхал водку и отставил рюмку в сторону. — Водку с добавлением мяты не пьют даже сборщики чая в Индии.

Мгновенно появившийся Ван Ваныч выдернул бутылку элитной «Премиум» со стола и заменил ее другой, с изображением национального символа Шотландии на этикетке — красной куропатки.

— Мне вот, генералу, — стал язвить Веточкин, взяв в руки бутылку, — купажированный скотч за две тысячи зеленых никто в ресторане по дружбе не поставит.

— Ну я же поставил, — возмутился Хромов, забирая у Тараса бутылку и с хрустом сворачивая с нее пробку. — И вообще, Тарас, не надо ля-ля, тебе вон Чигиринский прислал на день рождения бутылку «Мак Лауда» за семь тысяч баксов.

— Как же, — засомневался Веточкин, поднося к носу рюмку с «красной куропаткой» и жмурясь от наслаждения. — Это в Москве он семь тысяч зеленых стоит, а в Израиле двести пятьдесят шекелей, это во-первых, во-вторых, я об этой бутылке доложил начальству, и, само собой, ее забрали как вещественное доказательство «попытки подкупа со стороны моссадовской разведки».

— А то они Чигиринского не знают, — буркнул Хромов и тоже стал принюхиваться к рюмке с виски.

Миронов с уважением посмотрел на пустую рюмку и восторженно сообщил:

— Шотландское виски, однако.

— Между прочим, — Лапин приподнял рюмку и посмотрел сквозь нее на свет, — это виски от дистилляции до розлива в бутылки проверяют на качество шесть тысяч два раза.

После этих слов за столом на мгновение установилось почтительное молчание, друзья невольно остановили свой взгляд на «красной куропатке», таинственно мерцавшей на столе тяжелым янтарно-золотистым цветом.

Глава седьмая

Хотел бы я спросить у этого пришибленного классика, как ему пришло в голову восклицание «О утро, как ты благосклонно к молодым!». Со мной этот номер не проходит, мне гораздо легче договориться с вечером. Мое утро начинается в полдень, и оно совсем не обращает внимания на мою молодость. Мне двадцать три, глубокая дряхлость, уже пора задумываться о покое. Но кто же это там буреет и стучится в дверь мою, неужто Капитолина решила взыскать с меня квартплату в не подходящее для этого время дня и года? Иду, иду! Черт, кто это тут валяется рядом со мной? Значит, так, о Боже, как болит голова, ага, брюнетка, нет, не так, надо начинать с головы. Блондинистая голова брюнетки, внизу розовые пятки, размер ноги примерно тридцать пятый. Да иду же, иду! Интересно, как бы выглядело мое лицо, если бы размер ноги у моей соседки по кровати был сорок седьмой? Надо думать, это была бы уже не соседка. А ничего крошка. Иду! Где мои штаны? Ага, вот мои плавки...

— Здравствуйте, Капитолина Витальевна.

— Саша, ты мне балду не пинай, чтобы сегодня вечером все было чики-пики и бабки лежали у меня на столе за три месяца. Иначе щи сипец, я тебя выселю.

Капитолина Витальевна, тридцатилетняя преподавательница музыкального училища по классу духовых инструментов, была похожа на Фаину Каплан в период полового созревания, только гораздо выше ростом и в китайском шелковом халате до пят, в котором она ходила и по двору, благо флигель, снимаемый Сашей, находился в частном секторе. Кроме преподавания в музучилище, Капитолина Витальевна играла на саксофоне-теноре в духовом оркестре Дворца культуры металлургического завода, но денег все равно не хватало, и она сдавала отопливаемый и подключенный к водопроводу флигель в аренду студентам. В данный момент она курила сигарету и, прищурившись, смотрела на своего постояльца, двадцатитрехлетнего, недавно восстановленного в радиотехническом институте, после двухлетнего перерыва на армию, оболтуса, учащегося в институте лишь для того, чтобы оправдывать свой бездельный и разгульный образ жизни.

— Капитолина Витальевна, я, конечно, приложу максимум усилий, чтобы сегодня оплатить арендуемую мною виллу...

— Ты думаешь, я буду пробивать аллилуйю (выражать восхищение) по этому поводу, Саша? — одернула его Капитолина Витальевна. — Это тебе чесать щи, а мне деньги нужны. Не будет, — Капитолина Витальевна хмыкнула, — нарвешься на до-ре-ми-до-ре-до.

— На мой взгляд, неразумно требовать деньги в столь теплое время года, Капитолина Витальевна, наиболее эффективно такое требование в промозглый и слякотный месяц, похожий на декабрь...

— Гони деньги! — ткнула в сторону Саши Углокамушкина сигарету Капитолина Витальевна и, приподнявшись на цыпочки, заглянула через его плечо в глубь флигеля. — Это что там у тебя за морковка в гостях?

— Я еще не выяснил, — с досадой посмотрел на нее Углокамушкин, — вы так внезапно вторглись в арендуемые мною пенаты, что я прямо не знаю.

— Ладно. — Капитолина Витальевна порывисто развернулась и пошла к своему дому в глубине двора за кустами сирени. Остановилась посередине дорожки и, повернувшись к Саше, вновь ткнула в его сторону сигаретой: — Сегодня вечером — бабки за три месяца. Если не тугой, то поймешь, что я не шучу.

— О йес, — поклонился Саша, — мне призрак замка Моррисвиль обещал сегодня много тысяч золотых экю.

— Ну-ну, — усмехнулась элегантная квартирсдатчица, — мне без разницы, лишь бы экю были реальными.

Черт, она настроена серьезно, выгонит без раздумий. А что, если...

— Капитолина Витальевна! — позвал Саша «мисс экстравагантность». — А что, если я вам услугами оплачу?

— Какими это услугами? — вполне угрожающим и вполне заинтересованным голосом

спросила остановившаяся Капитолина Витальевна и добавила: — По-моему, ты вплотную подошел к моменту, после которого наступит твое изгнание с применением физического насилия.

— Да нет, — махнул рукой Саша, — не то, что вы подумали.

— Я ничего не подумала, — весело расхохоталась Капитолина Витальевна, слегка порозовев лицом, — гусь ты лапчатый. Говори скорее, что там у тебя.

— Я обладаю даром ясновидения, — сказал Саша Углокамушкин, скромно потупившись.

— Кому это ты пытаешься вкатить телегу, а, перец? — Капитолина Витальевна с интересом посмотрела на Углокамушкина. — Эту байку ты лучше своей морковке рассказывай, а мне надо только сгрести деньги, и не на пиво, как тебе, а просто на то, чтобы на еду хватало.

— Я обладаю даром ясновидения, — серьезно и торжественно повторил Саша. Лицо его побледнело так, что Капитолина Витальевна испуганно прижала ладонь к губам. — Я могу увидеть прошлое и будущее, — не унимался Саша, — я даже могу видеть дороги умерших.

Было, было что-то такое в голосе Саши Углокамушкина, что насторожило бы даже самого циничного скептика. Даже Капитолина Витальевна, провинциально-концептуально-андеграундная джазмен маньеристского акцента, склонная к лесбийским методам общения в минуты депрессии — мужчинами она интересовалась лишь в благополучные периоды жизни, — даже она почувствовала в его утверждении необъяснимые всплески истины.

— Это же горбыль, Саша? — неуверенно предположила она, но тут же взяла себя в руки, насмешливо прищурилась и присоединила к первому вопросу второй: — Ну а мне зачем париться по этому поводу? Не хочу крошить батон, но мне по фигу твои прогулки с покойниками. Тебе двадцать три года, а ты только прибарыживать шушер на ночь можешь, что говорит о том, что ты обыкновенный лошара и кидала, а это мне вынимает мозги и неинтересно.

— Знаете что, Капитолина Витальевна, — разозлился Саша, — я говорю о ясновидении, но не говорю о том, что не расплачусь с вами сегодня. К тому же ваш фашн-сленг мне не понятен, я говорю только по-русски, московский не изучал.

— Настоящий московский язык уже в коме, — остановила его Капитолина Витальевна, — он умер вместе с последней арбатской бабушкой. Ладно уже, — вдруг успокоилась она, — раз сегодня я бабло сгребу, то и нечего перетирать эту тему. До вечера, ясновидящий. — Она красиво улыбнулась. — И было бы кульно, если бы ты называл меня Капой.

Капитолина Витальевна, словно спохватившись, заспешила, а Саша, неожиданно восхитившись, смотрел ей вслед, пока она не скрылась в доме, и отчетливо понимал, что никакая она не Капитолина Витальевна, а Капа, интересная и талантливая женщина. И будто в ответ на его прозрение, Капа открыла створки окна в спальне и застыла в проеме все в том же халате, но уже в широкополой шляпе вишневого цвета и с саксофоном в руках.

«До-о, — поплыл чистый звук в сторону Саши, — ре-ми-до-ре-до-о...» Саша знал, что именно так профессиональные музыканты посылают друг друга куда подальше.

2

«Не будь я Саша Углокамушкин, если не говорю правду. Никто не верит, что я обладаю ясновидением. Всем надо денег, пророки никому не нужны. Мне, кстати, тоже деньги нужны. Как говорил великий О'Генри, «если вам нужны деньги, то их нужно взять у людей». Блин, люди. Но только не сейчас, башка как у Ленина — озабочена социальной справедливостью плюс каждому капиталисту по электрическому стулу. Пойду посмотрю, кто это всю ночь возлежал со мной на одном ложе, неплохо было бы увидеть там когда-нибудь Капу. Как я раньше ее не замечал?»

Саша Углокамушкин вошел в комнату и в задумчивости остановился возле разложенного дивана-кровати, глядя на девушку, укутавшуюся в одеяло. Подопечная «братьев» Рогонян по кличке Крейсер Аврора. Саша с интересом похлопал ладонью по ягодицам девушки и, когда она открыла глаза, сухо спросил:

— Я что, за тебя бабки белобрысым армянам платил?

— Нет, — девушка перевернулась на спину, — я с тобой из благодарности пошла.

— Ты что, головой стукнулась? Я ничего не помню, было что между нами?

— Все по нулям, — прикрыв ладонью рот, зевнула Аврора. — Я тебя довела, уложила, раздела и сама спать легла.

— Понятно. — Саша снял брюки и лег рядом с девушкой под одеяло. — Расскажи, о какой благодарности ты со мной говорила. Если это так, то нельзя ли отблагодарить деньгами?

— О деньги, — потянулась в постели Аврора. — Можно и деньгами. — Она взяла со стула сумочку, вытащила пачку денег и, отсчитав десять пятисотрублевков, протянула Саше: — Это благодарность.

Саша взял деньги охотно и одобрительно похлопал девушку по щеке.

— Это на время, — объяснил он свое альфонство. — Я тебе в два раза больше верну. Мне срочно нужно с хозяйкой расплатиться. Спасибо за благодарность, а теперь давай вернемся к любви.

— Ну давай, — легко согласилась Аврора, — куда же от нее денешься!

3

«Все бы хорошо, когда бы не хотелось лучшего. Интересно, какую такую благодарность я заслужил от симпатичной овцы из стада Рогонянова? Надо вспомнить вчерашний день, кадр за кадром», — думал Саша Углокамушкин, пока Крейсер Аврора ходила обнаженной по флигелю, с интересом рассматривая предметы быта, отягчающие жизнь Саши Углокамушкина.

— Ну что, так и не сообразил, почему я тебе деньги дала и ничего не требую взамен?

— Ты в меня влюбилась, — зевнул в потолок лежащий на спине Саша и уточнил: — Или ты со мной вчера банк по пьяни ограбила, а я забыл об этом.

— Ну ты даешь! — Изумленная Аврора села на край постели и по привычке выгнула спину, демонстрируя пластичную готовность к исполнению профессиональных обязанностей. — Ты в натуре? Или я в натуре, или я даже не знаю кто?

В словесной несуразице, произнесенной Авророй по имени Галя, присутствовала энергетика авантюрной экспрессии, обычной для человека, готовящегося соврать в свою пользу.

— Ну-ну, — подбодрил ее Саша Углокамушкин и наобум ляпнул: — Где остальные бабки?

— А я и не собиралась тебя кидать, — сразу же выдала себя с ног до головы Аврора-Галя, — иначе еще вчера бы слиняла.

— Я тебя проверял, — соврал Саша и на всякий случай криво усмехнулся, — и ты прошла проверку.

ВСЕ лежало под кроватью, задвинутое в самый темный угол. ВСЕ было похоже на полуметровый кожаный кисет странной угловатой наполненности. ВСЕ полностью уложилось в сумму семьсот пятьдесят тысяч наглых и беспардонно-притягательных американских долларов.

— Е...! — откинулся на кровати Саша Углокамушкин и вновь повторил: — Е...!

Немного придя в себя, он с усмешкой посмотрел на успевшую перепугаться Аврору и понял, почему она не убежала вчера. Такой суммой, не имея навыков и смелости, можно подавиться сразу же и насмерть. Саша вспомнил все: пьянку, длившуюся семь дней и

начавшуюся сразу же после похорон Лени Светлогорова; каких-то людей, Лену Баландину, сдающую сейчас экзамены в школе и намеревающуюся прийти к нему сегодня вечером; пирсинг на пупке, который она ему сделала на память и который, как ни странно, прижился; драку в трамвае — Саша заступился за Аврору, над которой издевались два юнца мажорно-кулацкого типа, — милицию, убегающую вместе с ним по переулкам всхлипывающую Аврору; ночь, Пушкинскую набережную, запах моря и гари на месте сгоревшего ресторана «Морская гладь»; серый плоский камень, и вот — СЕМЬСОТ ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТЬ ТЫСЯЧ ДОЛЛАРОВ.

— Так, — потянулся Саша Углокамушкин, ощущая, как в его мыслях возникают контуры ПЕРСПЕКТИВЫ. — Начнем с того, что забудем об алкоголе.

Глава восьмая

1

— По мнению психиатров, все люди сумасшедшие, ты знаешь об этом, сынок? — говорил Иван Максимович Савоев, участковый инспектор городского района Соловки.

— Не то чтобы все, — засомневался Слава Савоев, — но психиатры — точно привернутые.

— Ну да, — неизвестно кому сказал Иван Максимович, — я тебя понимаю. — Он обошел вокруг новенького «вольво» — подарок от жены ко дню рождения и, указывая на него пальцем, спросил у сына: — Как ты думаешь, твоя мама здорова?

— А что? — Слава с недоумением посмотрел на автомобиль. — «Вольво» как «вольво», обычный подарок женщины-олигарха своему мужу-участковому. Мне, допустим, она «Оку» подарить хотела, ты представляешь? — Слава, улыбаясь, посмотрел на отца. — Это то же самое, если бы я по городу на трехколесном велосипеде ездил.

— Ну, — неуверенно протянул Иван Максимович, — я ей выговор и за «Оку» сделаю. А ты на личную машину не рассчитывай, пока не женишься и внука нам не покажешь, а для работы можешь мой «жигуль» брать. — Иван Максимович почесал затылок и уточнил: — Два раза в неделю, в ночное время...

Отец и сын стояли во двореке частного дома родителей Савоевых. Вокруг них был южный май. Щебечущая юная сила тепла и радости, овладев городом, раскрасила его изумрудной зеленью и нежным смущением белого восторга повсеместно цветущих фруктовых деревьев. Сочная и добрая ярость улыбчивой южной природы несла в себе акцент неумолимого жизнеутверждения, настоящего на запахах древнего моря, окружающего город, и буйно самоутверждающихся древних степей, окружающих море.

— Так что, сынок, — пришел к неожиданному для Славы выводу Иван Максимович, — тебе и «Оку», видишь ли, мать предлагает, и я «жигуль» свой жертвую, а ты никак своим родителям помогать в их трудной жизни не собираешься.

— Я собираюсь, — машинально стал оправдываться Слава, — вы только скажите...

— Я верил в тебя, — обрадовался Иван Максимович, доставая из салона «вольво» папку с бумагами. — Возьми, — протянул он папку сыну. — Мы с матерью на пару недель уедем, нужно куму в Краснодаре провести, а ты вместо меня за участкового побудь. Околоток у меня тихий, люди в основном интеллигентные, да ты сам знаешь: если по ночам с пятницы на субботу и с субботы на воскресенье не ходить в одиночку без оружия да к малолеткам не приближаться, то на Соловках безопасно, как в зрительном зале Дворца культуры во время концерта в честь Дня милиции.

— Но у меня же срочное задание, отец, — стал поспешно отказываться Слава. — Меня Самсонов...

— Я с ним уже переговорил, — остановил его отец. — Он не возражает... — Иван

Максимович сделал деликатную паузу. — Не возражает, сынок, чтобы ты без отрыва от основной работы выкраивал часок-другой в обед и вечером для работы с заявлениями граждан на подведомственной мне территории.

Папка участкового уже была в руках Славы, и все разговоры потеряли всякий смысл, но Слава предпринял еще одну отчаянную попытку избежать работы с заявлениями граждан.

— Хорошо, отец, я поработаю, а невеста пусть подождет. Люба ее зовут, хотел вас с ней познакомить завтра. — Слава довольно хмыкнул. — Кажется, она уже забеременела, ну да оно и к лучшему, молод я еще для отцовства, пусть аборт делает.

— Черт! — Иван Максимович пнул колесо «вольво» и, внимательно посмотрев на него, сделал потрясающий вывод: — Кажется, кардан по шву разошелся. Дай сюда. — Он забрал у Славы папку и, бросив ее в салон через опущенное стекло дверцы, объяснил: — Совсем забыл, что кума сейчас не в Краснодаре, в Турцию собралась, так что завтра мы вас ждем, тебя и Любу, в гости. — Он взглянул на часы: — К часу дня. — Слава хотел что-то сказать, но Иван Максимович покровительственно похлопал его по плечу: — Я договорился с Самсоновым. Он тебе на завтра выходной дал.

2

Разговор Славы с отцом состоялся ранним утром субботы, а вечером этого же дня Слава открыл записную книжку и стал обзванивать знакомых, начав с самой компетентной.

— Таня, это я, Слава, — сообщил он журналистке местной газеты «Городская площадь». — Ты, случайно, не беременная?

— На четвертом месяце, — с первой же фразы призналась журналистка. — Он будет похож на тебя. Я знала, что ты позвонишь, верила, что у ребенка будет отец.

— Так это... — Слава Савоев взял лежащий на столе бутерброд и стал его есть. — Мы же с тобой разбежались после того, как я по оперативным каналам выяснил, что ты лесбиянка.

— Ну и что? — удивилась журналистка. — С кем не бывает, а я полифоничная девушка. И вообще, пока мы тут с тобой болтаем, я уже стала на пятом месяце беременности. Скорее бери паспорт и живо приезжай в редакцию, пойдем в загс заявление подавать, что без толку языком трепать.

Таня Литвинова, Татьяна Кировна Литвинова, когда-то училась с оперативником в одной школе, в одном классе.

— Ну ладно, розовая леди, — доел бутерброд Слава. — Не суй мне в уши рожи соловьиные, а лучше будь другом и найди мне Любу какую-нибудь покрасивее, понаглее, помоложе и слегка, месяца на три, подбеременную. Срочно надо!

— Секунду, — прервала его журналистка, и Слава слышал, как она крикнула кому-то в редакции: — Любочка, иди сюда! Слава... — позвала она Славу. — Восемнадцать лет, Люба, красавица и вообще мулатка.

— Неужто Нефертити? — Слава хорошо знал единственную в городе чернокожую красавицу Любу Кракол. — Она разве беременная?

— Фи, — хмыкнула розовая леди. — Беременность я беру на себя. Ну как, согласен взять в невесты нигерийку по женской линии?

— Да! — восторженно согласился Слава. — То, что надо. Значит, так, раба репортажа, сотвори ее и оформи. Пусть выглядит яркой, морально неустойчивой чернокожей красавицей и месяца на два-три припухшей в области живота. Мне надо папе с мамой завтра представить невесту так, чтобы они стали напрягать все силы для аннулирования этого союза.

— Понятно. — Было слышно, как на том конце провода щелкнули зажигалкой. — Все будет тип-топ. Жених, куда тебе доставить Любочку?

— Давай завтра в двенадцать дня в «Шоколаднице» встретимся?

— Давай, — подражая интонации Лолы Кисс из фильма «Слишком гибкое танго для

юной Доминико», приняла предложение журналистка. — Я ее одену в мини-юбку. Как у твоих родителей с нервами и сердцем?

— Лучше в миди, — принял компромиссное решение Слава и спросил: — Ты, я слышал, зуб на Рокецкого имеешь?

— О да! — На этот раз талантливая одноклассница Славы Савоева изобразила интонацию Кристины Флloyd из фильма «Стервы пера». — Он меня по пьяни изнасиловал на вечеринке у Дыховичного.

— Не ври, Танька, — оборвал ее Слава. — Скорее наоборот, но все равно прими информацию. Его два дня назад в центре города проститутка Мокшина обокрала. Сейчас Мокшина в розыске, но не за кражу. Ее саму вместе со студенткой Воскобойниковой и девицей Глебовой украли, в смысле они все исчезли в неизвестном направлении. Можешь какую-нибудь сенсацию выдумать в качестве мести. До завтра, одним словом.

— Угу, — воспроизвела журналистка, как ей казалось, интонацию филина, — до завтра.

3

Начало следующего дня явилось словно незыблемая, освященная тысячелетиями истина: «И будет Судный день». Нет, сам день начался хорошо. Утром Славу разбудил телефонным звонком отец, сын жил отдельно от родителей в однокомнатной квартире, и сказал:

— Бери «вольво», если хочешь, покажи Любочке, что у тебя серьезные намерения и родители не бедные.

— Папа, — растрогался Слава, разглядывая цифры электронных часов стоящего на столике транзистора «Сименс». Было 5:10 утра. — Спасибо за подарок.

— Да не за что, сынок, — успокоил его Иван Максимович, страдающий жаворонкизмом. Его день всегда начинался в пять часов утра зимой и в четыре в теплое время года. — Не такой уж я строгий, чтобы не дать родному сыну до вечера машину. Кстати, не забудь ее вечером вымыть и заправить, перед тем как в гараж ставить. Ты давно проснулся?

— Да нет. — Слава пошевелил большим пальцем ноги, торчащей из-под одеяла. — Я еще сплю, батя. Дай-ка трубочку матери, мне поговорить с ней охота.

— Раз спишь, так и спи спокойно, — почему-то перешел на шепот Иван Максимович. — Взгляни лучше на часы, в такую рань только такие, как ты, остолопы не спят. Ладно, — неожиданно сменил тему разговора Иван Максимович, — ждем вас с Любочкой к часу дня, мама на сегодня все дела отменила.

«Люба, — подумал Слава, положив трубку. — Будет вам не просто Люба, а всем Любам Люба, целое Любище».

Слава попытался заснуть, но скоро понял, что это невозможно. Одуванчиково-золотистая нежность солнца уже прильнула ко всем окнам однокомнатной квартиры. Слава Савоев вскочил с постели, нажал кнопку транзистора и, взяв в руки гантели, начал делать зарядку. Он вышел из растяжки и привязал резиновым жгутом гантели к ногам. В этот момент — Слава уже поднял одну ногу вверх — резиновый жгут, удерживающий гантели, развязался, и через секунду, успев отклонить голову от одной гантели, а вторую сильно откинуть рукой назад, он услышал звон разбиваемого отброшенной гантелей оконного стекла и после небольшой паузы гневный взрыв возмущения с улицы. «Судный день» Славы Савоева наконец-то обозначился.

4

Иван Максимович, терзаемый жаждой дедовства, вышел во двор и всей грудью вдохнул утренний воздух. Вместе с ним он вдохнул и дым пожара, разрастающегося где-то совсем рядом. Внимательно вглядевшись в сторону столба дыма, участковый понял, что ему пора приступать к своим обязанностям. Горел расположенный в четырех домах от дома Ивана Максимовича особняк Синявского Захара Георгиевича, умудрившегося в черте города жить натуральным хозяйством чуть ли не в промышленных объемах. У него был большой кирпичный дом, во дворе расположились голубятня, птичник, небольшой, на десять поросят, свинарник. Путем склок, стычек и добродушно-изошренной наглости он отвоевал у соседей справа, слева и позади участка по пять метров земли и присоединил их к своим шести парадоксально-дачным соткам почти в центре города, в двадцати метрах от троллейбусной остановки и в сотне метров от отрицающей натуральное хозяйство многоэтажности. Таганрог, как и Рио-де-Жанейро, город контрастов. В нем можно увидеть все, включая море и белый теплоход, можно нос к носу столкнуться с рафинированным, иронично-умным интеллектуалом высшего класса и тут же, буквально в двух шагах от него, схлопотать по физиономии от какого-нибудь недовольного твоим существованием на земле жлоба. Впрочем, в Москве по физиономии можно получить, даже не отходя от интеллектуала, то есть «чисто конкретно» от него лично. Если Москва смогла сконцентрировать в себе ВСЕ, то Таганрог воплотил в себе оставшееся за кадром ВСЕГО. И вот теперь натуральное хозяйство Синявского Захара Георгиевича полыхало со всей силой и со всех четырех сторон. В огне, пожирающем имущество Захара Георгиевича, отсутствовала стихийность начала, зато угадывалась «дружеская» рука со спичкой. Иван Максимович, прибывший к месту пожара за пять минут до приезда пожарной службы, сразу же предположил, что рука, вернее, руки со спичками вполне могли принадлежать Вениамину Смахову, сыну соседа Синявского слева, по кличке Юморист, и Александру Ковтуну, сыну соседа справа, по кличке Колесо. Но он пока не афишировал свои подозрения и подошел с молчаливым сочувствием к застывшему в столбообразной неподвижности Синявскому.

— Все, ты понимаешь, Максимыч, — устало обвел рукой Захар Георгиевич горящее пространство своей собственности, — все медным тазом накрылось.

— Ну что поделаешь, Синявский, не хлебом единым жив человек. Новый дом построишь, Захар, еще лучше этого.

— Крышу три дня назад заменил на новую, — не слушал участкового озаренный всполохами пожара Синявский. — Черепицей стокгольмской покрыл.

— Страховку получишь, государство поможет. — Иван Максимович, увлеченный своими профессиональными задачами, не замечал, что несет какую-то ахинею.

— Поросята сгорели на хрен. Куры, — стал перечислять сосед под звуки сирены приближающейся пожарной машины, — полыхнули ясным пламенем. Баня, — по щеке Захара Георгиевича поползла слеза, — бревенчатая, новая, одно бревно сто пятьдесят рэ, словно свеча восковая истаяла. Кролики мышастые, сорок особей, ошашлычились, и телевизор «Панасоник», — по-настоящему заплакал Синявский, — ляпнулся...

Старший пожарного расчета, хорошо знавший Ивана Максимовича, направился к нему.

— В доме чей-то труп обгоревший, — сообщил он участковому.

— Вот, — покивал головой опустошенный горем Синявский, — папа, простая душа, скрематорился.

— Ты! — опешил Иван Максимович. — Ты! Козел! — окончательно впал в ярость участковый, ибо теперь волей-неволей пожар попадал из простого бытового происшествия в разряд ЧП, повлекшего за собой человеческие жертвы. — Куры, гуси, лопата новая! — передразнил он Синявского. — Скотина бессовестная. Отца родного даже и не вспомнил, а он же в тебе, я помню, души не чаял!

— Прошу вас, — Захар Георгиевич посмотрел почему-то на пожарного, — застрелите меня для полного счастья.

Пожар, Синявский и показавшая свой звериный оскал проблема отцов и детей омрачили настроение Ивана Максимовича настолько, что он перестал замечать майское утро, трепещущее вокруг уже утихомирленного пожара. Он решил не усугублять свое состояние и отложить расследование на завтра. Он знал, что Колесо и Юморист вот-вот должны уйти в армию, они уже получили повестки и даже остриглись под ежик. «Пусть идут и служат, — решил Иван Максимович, направляясь к дому. — Стране два лишних зэка ни к чему, а вот солдаты не помешают». Он вошел во двор, открыл ворота на улицу, сел в салон своего нового скандинавского друга и подумал: «Отгоню Славке, пусть сегодня покатается, перед девушкой своей покрасуетя...»

Сначала Иван Максимович услышал крики людей, на балкон которых посыпалось стекло, а затем гантель, пробив лобовое стекло «вольво», ударилась о спинку пассажирского кресла и упала, комфортно устроившись, на сиденье рядом с водительским местом. «Ага! — не обратил внимания на ранение автомобиля Савоев-старший, доставая из подмышечной кобуры свой «ПМ». — На Славку кто-то напал в квартире». Гантель он узнал сразу, это были его гантели. Слава Савоев просто перетащил их к себе в квартиру. Выскочив из автомобиля, Иван Максимович с пистолетом в руке, в кроссовках, свитере и старых тренировочных штанах с пузырями на коленях побежал вокруг дома к подъезду сына. На его голове была фуражка, в которой он всегда ремонтировал свой «жигуленок», а левая щека была в саже, вольно и густо летавшей вокруг покинутого им недавно пожара. Навстречу бегущему Ивану Максимовичу вывернул из-за угла вышедший выгулять свою собачку породы московский дракон заведующий автобазой номер два Дыховичный, которого Иван Максимович, на свою и его беду, не знал в лицо. Дыховичный был в штанах от полосатой пижамы, в пиджаке от Либрена за две тысячи долларов на голое тело и резиновых калошах на босу ногу. От шести до семи часов утра таганрожцы обычно не следят за стилем в одежде, что, собственно говоря, и является стилем, который, кстати, очень хорошо был описан городским модельером Сашей Смагиным в местной газете «Таганрогская правда» и который он назвал «жлобоватым эстетством допрезервативного периода»...

Увидев бегущего Ивана Максимовича, Дыховичный вдруг во весь голос заорал и, теряя на ходу калоши, стал убегать от него с такой скоростью, что вышедшая вместе с хозяином маленькая собачка породы московский дракон летела за ним на поводке, словно воздушный змей, и мелодично-придушенно повизгивала.

Все-таки есть в действии, превращающем мелкие случайности в непреложный факт закономерности, великая тайна бытия. Раздосадованный Слава вскочил с пола и кинулся к разбитому гантелью окну, моля Бога, чтобы она не упала кому-нибудь на голову. Из окна ничего не было видно, и он выскочил на балкон, откуда сразу же увидел спринтерски бегущего с визжащей крошечной собакой на поводке соседа Дыховичного и преследующего его с пистолетом Макарова в руке Ивана Максимовича. «Ах ты, сука, Дыховичный! — бросился Слава Савоев к двери квартиры, понимая, что дорога каждая секунда. — Хочешь избежать возмездия, коррупционная морда». Слава как был, босиком и в длинных, почти до колен, трусах из цветного ситца с изображением волка из мультфильма «Ну, погоди!», так и помчался вниз по лестнице. Выскочив на улицу, в прыжке преодолев лестницу подъезда и удивив до крикливой истерики дворничиху, он ринулся навстречу только что вывернувшему из-за угла бегущему Дыховичному.

— А-а! — орал бедный заавтобазой, со скоростью экспресса мчавшийся в объятия Славы. — Спаа-сии, Сла...

Но Слава не дал ему закончить фразу, схватил за руку, подсек и уложил лицом на асфальт, чувствуя, как в его задубелую пятку безуспешно пытается вонзить зубы крошечный, но отважный московский дракон. Подоспевший Иван Максимович тут же заломил за спину вторую руку Дыховичному и спросил у Славы, переводя дыхание:

— Ну что, целый?

— Слава Богу, — тяжело дыша, ответил Слава, морщась от крика экспансивно перепугавшейся дворничихи.

— Пожар! — кричала она, твердо усвоив инструкцию из газет, что нужно при виде насильника выкрикивать именно этот лозунг, гарантирующий массовое внимание жильцов. — Пожар!...

— Я так и знала, — раздался рядом с отцом и сыном громкий и приятный женский голос. — Доигрался, подлец!

Жена Дыховичного, красивая пышная дама с огромными голубыми глазами окультуренной образованной клинической дуры, злорадно смотрела на прижатое двумя коленями к земле туловище супруга.

— Возьмите собаку, Алена Кондратьевна, — попросил Слава. — И извините, что я в таком виде.

— Ничего, — взяла поводок в руки женщина. — С вашим рельефным телом можно и без трусов ходить.

— Знаете что, — строго обратился к ней Иван Максимович, — идите-ка лучше домой и ходите там как вам заблагорассудится.

Иван Максимович и Слава быстро поставили Дыховичного на ноги и почти пробежкой повели его к пострадавшему «вольво».

— Та-ак, — вытащил из бардачка наручники и защелкнул их на запястьях Дыховичного Иван Максимович. — Порядочек.

Патрульная машина, видимо, вызванная кем-то из жильцов, вильнула с основной дороги в их сторону.

— Ладно. — Савоев-старший посмотрел на Славу. — Я его сам отвезу и допрошу по полной форме, а ты не отвлекайся, Люба тебя ждет, а мы ждем вас к обеду. Вот, — Иван Максимович протянул Славе ключи от «вольво», — поставишь в гараж, а «жигуль» возьмешь. В машину его, — сказал он подошедшим патрульным, кивая на Дыховичного. — Покушение на жизнь сотрудника милиции с проникновением в его жилище.

— Ах ты, гад! — ринулся на Дыховичного с кулаками Слава Савоев. — Я тебе сейчас все рыло измолочу. — И лишь наручники на руках заавтобазой удержали Славу от расправы. Он не бил беззащитных. — А как там мама? — волнуясь, спросил Слава. — Все нормально?

— Да что с ней сделается? — удивленно посмотрел на сына Иван Максимович. — Спит еще, наверное. Ты скорее домой иди, — кивнул на трусы Славы, — ходишь по улице как придурок.

Потерявшего дар речи Дыховичного патрульные не просто посадили в зарешеченный салон «канарейки», а вбросили туда. «Покушение на жизнь работника милиции» — серьезное обвинение.

— В чем дело? — на всякий случай спросил Слава у соседа по лестничной площадке, выскочившего на улицу в дубленке на голое тело и старой, побитой молью и временем, кроличьей шапке-ушанке.

— Дыховичный, гад, дом поджег и пытался застрелить жену и милиционера, — не стал вдаваться в подробности

Славин сосед, филолог по образованию и каменщик-штукатур по профессии.

Слава тихо проскользнул в подъезд и поднялся в квартиру. Глядя на разбитое окно и одинокую гантель, лежащую посреди комнаты, он неохотно стал догадываться о причинах неожиданного ареста Дыховичного и развернувшихся во дворе событий. Неожиданно зазвонил телефон, и Слава поднял трубку, хмуро бросив:

— Рассказывайте.

— А вы записывайте, — услышал он насмешливый голос Степы Басенка. — Привет, Савоев.

— Привет, — обрадовался Слава другу. — Меня сегодня, видимо, выгонят со службы и убьют родители.

— Да ты что? — удивился Степа. — Не может быть.

— Зачем звонишь? — решил Слава оборвать разговор о своих проблемах. — Пьяный, что ли?

— В Ростов надо ехать, в областную больницу, — перешел на деловой тон Степа. — Девочек пропавших там искать. Чмурик, описанный Рогонянами, врачом-многостаночником в ней работает, но ты его не моги ни рукой, ни ногой. Он какой-то весь из себя талантливый. По нему ребята в костюмах будут работать, но девушки на нас.

— Ладно, — успокоил его уже забывший об утренних событиях Слава, обрадованный интересным развитием событий по делу о пропаже. — Прощупаю эту больницу, а ты Самсонову позвони, лады?

— Позвоню, — коротко пообещал Степа и положил трубку.

— Мог бы и «до свидания» сказать, — свирепо сообщил равнодушно гудящей трубке Слава Савоев и, улыбнувшись пространству квартиры, добавил: — Однако быстро в Москве зажираются.

6

В десять часов утра Слава Савоев вывел из гаража отцовский «жигуленок» и на его место водворил травмированный «вольво». Примерно в это же время Иван Максимович Савоев начал отступать под эмоциональными аргументами Самсонова, а подоспевшие в лице двух сыновей Дыховичного факты, подтверждающие смехотворность предположений о метании в стекло «вольво» гантели и нападении на Славу Савоева в его квартире, вынудили Ивана Максимовича признать незаконным и даже беспредельным задержание заведующего автобазой. Он попытался рассказать Самсонову о заявлении Алены Кондратьевны, сообщившей во время захвата супруга о его причастности к сволочизму и подлости, но пришедшая вместе с сыновьями «мать и жена» заявила о своей любви и нежности к униженному супругу и весьма некстати добавила:

— А вот ваш сын в пьяном виде ходил голый по двору.

— Это ложь! — гневно возразил Иван Максимович. — Он был в трусах и трезвый.

— Понятно, — помрачнел лицом полковник Самсонов. — Не голый, а в трусах.

Потерявший дар речи, с расцарапанным об асфальт лицом, Дыховичный, на голову которого заботливая супруга надела цветастую пляжную панаму, сидел в коридоре перед кабинетом Самсонова и тупо смотрел в стену. Ни он, ни Самсонов, ни Иван Максимович Савоев, никто в УВД и городе не знал, что в эту секунду кавалькада солидных синемигальных автомобилей пересекла границу города и помчалась по его центральной улице. Вскоре один, вполне тянущий на правительственный, «мерседес» отделился от кавалькады и прямоком направился к УВД, через сотню метров еще один,

уже явно правительственный, «мерседес» направился к зданию УФСБ, что на улице Греческой соединяется территорией с Театром имени Чехова.

Первый замдиректора ФСБ Олоничев, глава Управления внутренних дел Ростовской области, и неизвестно какими путями, связями и личными качествами прибившийся к нему на странную должность доверенного лица подполковник Абрамкин, сопровождающие полпреда президента по Южному округу Таганцева, прибыли в Таганрог для участия в открытии ежегодных чеховских чтений в рамках культурных мероприятий общероссийского значения, совпавших с пожеланиями ЮНЕСКО, объявившего весну этого года «Весной Чехова».

Вскоре начальство начало ревизорскую войну — сразу же и по всем направлениям. В 11 часов утра Таганцев уже входил в административное здание на улице Ленина, а первый замдиректора ФСБ как бы невзначай заглянул в городское Управление ФСБ, ну а областной комиссар Кияшко в сопровождении странно-вездесущего Абрамкина вошел в здание городского Управления внутренних дел и сказал, добродушно прижмуриваясь, опешившему

дежурному по управлению:

— Здравствуйте, лейтенант.

— Привет, Подпрыжкин, — помахал рукой нервному лейтенанту Абрамкин. — А вот и я, прямо из Сочи.

7

В 11:40, когда Слава Савоев ехал в отцовском «жигуленке» на встречу с бывшей одноклассницей в кафе «Шоколадница» и воспринимал досадный случай с гантелью и Дыховичным как давнее, ушедшее в былинную историю событие, в Управлении внутренних дел пульсировало и действовало настоящее.

— Какими судьбами, Дых, сколько лет не виделись!

Областной комиссар распростер объятия и пошел навстречу Дыховичному, спускающемуся со второго этажа в сопровождении бережно придерживающей его под руку супруги. Нос, лоб и подбородок Дыховичного были в ссадинах, а пляжная цветастая панاما, лихо сдвинутая на затылок, пижамные брюки и шикарный пиджак, из-под которого виднелась волосатая грудь, делали его похожим на рецидивиста.

— А-а, — слабо улыбнулся комиссару Дыховичный и тоже раскрыл объятия. — Колька, рад тебя видеть, ментяра.

Дыховичный и Кияшко, оказывается, были друзьями с юности, оба из города Белая Глина, оба в один день призваны в армию, где и прослужили в одном полку и в одном взводе всю службу. Далее пути их разошлись: Николай Леонидович Кияшко пошел в милицию, а Илларион Кузьмич Дыховичный поступил в Московский институт эксплуатационной целесообразности (МИЭЦ). И вот друзья неожиданно встретились.

— Рассказывай, Дых, что случилось? — стал требовать комиссар.

И Дыховичный рассказал. Подполковник Абрамкин, увидев торопливо спускающегося навстречу начальству полковника Самсонова, снял с головы фуражку и прижал ее к груди.

8

В 12 часов Слава Савоев сидел за столом кафе «Шоколадница» с предназначенной ему во временные невесты Любочкой. Рядом с ней находилась Таня Литвинова и пила красное вино каберне.

— Ну и как тебе Любочка? — спросила она у Славы. Непонятно, кто у Любы был папа, но мама точно была нигерийкой из женской сборной по баскетболу, оперативник в этом ни секунды не сомневался. Если к параметрам 96-60-96 прибавить большие синие глаза, тонкие, аристократически безупречные черты европейского лица и черный, с нежным тюльпановым оттенком, цвет кожи, то становилось понятным, почему Слава Савоев замер от восхищения, увидев Любовь Александровну Кракол...

Покойный «плейбой» Саша Кракол по кличке Крокодил, до Глории Ренатовны Выщух и до ныне покойной Софьи Андреевны Сычевой, жил одно время с нигерийкой, московской студенткой, много лет назад приезжавшей на летнее время в Таганрог вместе со своей подругой, студенткой журфака МГУ, будущей мамой Тани Литвиновой. Саша Кракол не мог оставить без своей любви чудом залетевшую в город нигерийскую красавицу. А когда она забеременела, он расписался с ней в загсе и дал дочери свою фамилию. Правда, затем он влюбился в китаянку и бросил нигерийку, но все это в далеком прошлом. А в настоящем перед Славой Савоевым сидела африканка с европейскими чертами лица и спрашивала у него:

— Слава, тебя уже выгнали из уголовного розыска или это произойдет через несколько часов?

— А что случилось? — вдруг заволновался Слава. — Ты про что?
— Она у нас колдунья, провидица, ведьма-вуду, — с любовью посмотрела на подругу Таня Литвинова. — Ты лучше не ссорься с ней, а еще лучше женись.
При этих словах Слава заглянул в голубые глаза Любочки, вздрогнул и тихо произнес:
— Ну что, принцесса, замуж за меня пойдешь?

9

В 12.50 Ивану Максимовичу Савоеву было предложено написать рапорт об увольнении из органов внутренних дел по собственному желанию, а комиссаром Кияшко здесь же, в Управлении внутренних дел, был подписан приказ об увольнении из уголовного розыска старшего оперуполномоченного капитана Савоева Вячеслава Ивановича за профнепригодность и возбуждении против него расследования по факту превышения служебных полномочий, повлекшего за собой легкие телесные повреждения и нравственную травму у гражданина России Дыховичного Иллариона Кузьмича. Кроме того, Иван Максимович был обвинен в ношении табельного оружия вне служебной деятельности, хотя все, включая самого Кияшко, знали, что служебная деятельность участкового равна 24 часам в сутки...

Когда Слава Савоев, придерживая Любу Кракол за узкую, воистину аристократическую «эбонитовую» ладошку, помогал ей сесть в салон «жигуленка», возле них притормозила миниатюрная «Ока», и вышедший из нее Николай Стромов печально сообщил Славе, что семья Савоевых с этого момента не имеет к органам правопорядка никакого отношения и что Славе некоторое время лучше избегать встречи с Иваном Максимовичем.

Пока Слава переваривал неожиданное сообщение, к ним широким спортивным шагом подошла Таня Литвинова и спросила:

— Слава, вы сейчас на смотрины или сразу в загс?
— Мы сразу в эмиграцию, — объяснила подруге Любочка, выставив из салона на асфальт одну ногу. — Уже начались политические преследования нашей контрастной любви.

10

— Значит, так, Стромов, — задумчиво произнес Слава Савоев. — Ты меня не видел, а я тебя тем более.

— Хорошо, не видел, — покивал головой Николай. — А дальше что?

— Надо позвонить Игорю и Степану в Москву. — Слава потихоньку стал успокаиваться. — А там посмотрим.

— Ну... Слава, — сразу же огорчился Степа Басенок, которого Слава разыскал по одному из телефонов МУРа. — Даже не знаю, что сказать.

— Я понимаю, Степан, — согласился с начальником группы Слава Савоев. — Такие вот дела.

— Ладно, — продолжал Басенок, — езжай в Ростов, выходи на этого чудо-доктора, ищи пропавших девушек. Никому ничего не сообщай, Самсонову на глаза не попадайся, я ему сам позвоню и скажу, что ты внедрился в ОПГ. А там — как выведет кривая, то ли грудь в крестах, то ли меня тоже выгонят.

— Понятно, — обрадовался Слава. — А вы в Москве, наверное, из казино и ресторанов не выезжаете?

— Почти угадал, — хмыкнул Степа. — Скорее бы отпуск кончался, надоел мне этот МУР...

— Что? — спросил Николай Стромов у выходящего из переговорного пункта Славы. — Жить будешь?

— Значит, так. — Слава показал Стромову на его шавкообразную «Оку», приткнувшуюся за его дворняжистым «жигуленком». — Садись на свой велосипед и езжай на службу. Если Самсонов спросит, скажешь, не видел меня, более того, даже не догадываешься, где я могу быть. Пропал, мол, Славка Савоев, сгинул, как донской казак в джунглях Нью-Йорка.

— Артист, — покачал головой Стромов, садясь в «Оку». — Пистолет дать? Пока не задокументировал. Сегодня утром изъяс на месте убийства. Карася-старшего на Северном завалили.

— Карася завалили? — удивился Слава. — Надо же такому случиться, лучше бы младшего завалили. А пистолет задокументируй и сдай, салага. Видишь, — он ткнул себя пальцем в грудь, — даже такого зубра, как я, съели.

11

Слава Савоев решил ехать в Ростов-на-Дону незамедлительно, не дожидаясь обрушивания на свою голову добавочных неприятностей. Он похлопал себя по карманам пиджака и убедился, что удостоверение на месте, «ПМ» в плечевой кобуре, а пять тысяч рублей, сунутых ему два дня назад в карман матерью, были еще целехоньки. Он сел в автомобиль, доверенность на вождение тоже была на месте. «Ну и ладно, — подумал Слава, трогаясь с места. — В Ростов, в Ростов, в Ростов!»

Слава не знал, что в Таганрог, кроме МВД и ФСБ, прибыла и группа «Синицы» ФСО России. Эта группа осуществляла проверку местности, которую должен был посетить глава России, на «предмет аномально-непредсказуемых ситуаций». Лунный феномен странного проявления активности не прошел мимо внимания «Синиц», как и не прошел мимо внимания астрономов и подразделений, аналогичных «Синицам», в других странах мира. Оптическая, сложно-составная система фантомно-спекторного, пространственно-объемного фиксирования космической разведки ГРУ предоставила «Синицам» детальные снимки лунного феномена. На них отчетливо высвечивалась «возможная тенденция предполагаемого десантирования». «Тенденцией» были названы едва заметные светящиеся росчерки от Луны к Земле. Аналитическое формирование ФСБ «Соты», изучив эти снимки, выдало уклончивую формулировку: «Если предположить, что лучевое направление в сторону Земли, возникшее во время наблюдаемого лунного феномена, имеет искусственное происхождение заинтересованного действия, то территорию России необходимо проверить нейтроизотопной аппаратурой «Литургия» в районе акватории Азовского моря, Москвы и Чувашии. Это в России. Что же касается глобальной информации, она остается в распоряжении ФСБ и президента».

Слава резко затормозил и даже потянул на себя баранку, увидев на шоссе трехметровый огненный треугольник, в центре которого сидел и улыбался голый младенец с большими янтарными глазами. Слава пулей выскочил из салона и бросился к ребенку, но так и застыл в рывке. Вокруг него была гулкая и странная тишина, словно этот участок шоссе, вместе с ним и «жигуленком», кто-то вычленил из жизни и осторожно поместил под стекло в гулком безмолвие.

— Агуу, ва, — улыбался черноглазый малыш, — уу-ууу, ва, агуу.

Полыхающий огнем треугольник приподнялся вместе с младенцем, повернулся к Славе острием и стремительно вонзился в грудную клетку, растворяясь в ней.

— Черт, — с недоумением огляделся Слава Савоев. — Что мне померещилось?

Проезжающая мимо автоцистерна «Молоко» притормозила.

— Что с тобой? — спросил у него вихрастый водитель. — Помощь нужна?

— Нет-нет, — улыбнулся Слава. — Все нормально.

Он медленно сел в «жигуленок», повернул ключ зажигания и, уже трогаясь, подумал: «Интересно, готово ли человечество и существа, управляющие им, к встрече со мной?»

Глава девятая

1

Отдел модификаций приступил к работе. Пока Тарас Веточкин занимался организационными делами и вживался в звание генерала, Стефан Искра стягивал под крышу отдела бывшие кадры бывшего УЖАСа. Работа не из легких. Во-первых, основная часть ценных кадров относилась к категории «Личность», а это самая сволочная категория людей, особенно в неприкормленном и в не достигшем успеха состоянии. А во-вторых, многие ужасники имели громкие имена и должности, были весьма амбициозны и склонны к независимости. Если УЖАС решал благодаря биочипам «Верность» проблему работы с кадрами легко, то ФСБ не имела подобных чипов. Впрочем, был другой, достаточно действенный и надежный аргумент — ДОСЬЕ! В компьютерной памяти всех спецслужб хранится лишь секретная информация «второй свежести» и тщательно продуманные «сенсации» для журналистов и хакеров. Настоящая информация никогда не доверялась и не будет доверяться компьютеру. Она всегда в папочках с тесемочками, всегда где-то там, где ее невозможно добыть непосвященным или сделать достоянием общественности...

Стефан Искра зря беспокоился. Воспитанные биочипом «Верность» бывшие сотрудники УЖАСа шли на контакт с

ФСБ охотно, радостно и даже с чувством глубокой благодарности. У Стефана Искры и Тараса Веточкина создалось ощущение, что биочип «Верность» просто дожидался этого часа и совсем не отключался.

— Видишь ли, — сказал Стефан Искра Веточкину, — впереди самое сложное — контакт с Чебраком и оставшимися «солнечными», а это...

— Я понял, — не дал ему закончить Тарас Веточкин. — Надо идти к Волхву.

2

— Сразу к делу, — предупредил Веточкина директор ФСБ Волхв. — Мне скоро к президенту.

— Мы собрали почти всех профессионалов УЖАСа, — стал докладывать Веточкин, — и все они, включая переехавших в Англию и США, не говоря уже об Аргентине и Турции, согласились сотрудничать с нами безвозмездно и всю жизнь. Не знаю даже, что им такое Искра рассказывал и показывал, но столько радости и счастья я давно не видел в глазах внештатных сотрудников.

— Веточкин, — Волхв взял со стола какую-то коробочку и стал вертеть в руках, — короче.

— Чебрак, ученый-генетик и вообще талант от Бога и черта одновременно, — Веточкин кашлянул, — за ним столько преступлений числится, что его можно и расстрелять по суду, но...

— Я понял, — перебил его Волхв, продолжая вертеть в руках коробочку, — что ты предлагаешь, но не понял, чего ты хочешь — расстрелять его или к ордену представить?

— К ордену, — машинальноотреагировал Тарас и тут же пояснил: — То есть зачислить его в штат ОМа.

— А в чем загвоздка? — удивился Волхв. — Можно подумать, что в мире существуют контрразведка и разведка, способные по нравственным или уголовно-процессуальным мотивам отказаться от такого кадра. На МОССАД лет двадцать бывшие агенты абвера работали.

— Понятно. — Веточкин вновь кашлянул. — Стефан говорит, что чувствует район местонахождения двух супертелохранителей активной модификации — «солнечных», — кстати, это в той же местности, где и Чебрак. Что делать? Они безумцы, их невозможно контролировать, а для нейтрализации нужна полномасштабная войсковая операция силами спецподразделений ФСБ, ФСО, ГРУ, да и то не факт, что все закончится удачно.

— Смотри, — Волхв встряхнул в руке коробочку, — ученый Корзун Сергей Афанасьевич образец нам подарил.

Вокруг коробочки возникло легкое завихрение, и на столе, на глазах изумленного Веточкина, возникла точно такая же коробочка, как в руке Волхва.

— Нанотехнология. — Глава ФСБ осторожно отодвинул от себя обе коробочки. — Это тебе не из пистолета стрелять куда ни попадя, а наука — вещь, — Волхв назидательно поднял к потолку палец, — в нашем деле просто необходимая. Не спецназ элитарный надо применять против «солнечных», а нашего штатного сотрудника Чебрака Алексея Васильевича. Такие кадры, как «солнечные», на дороге не валяются, а только с неба в виде удачи падают.

Глава десятая

1

Женевский форум ученых-аскетов и приглашенных в большом количестве ученых-неаскетов набирал обороты. Более двух тысяч лучших умов человечества собрались в благопристойно-разжиревшей на иностранные деньги Швейцарии и пытались выработать общую точку зрения на создающуюся в мире ситуацию. В отличие от обывателей всех уровней капитаны науки, отчасти напоминающей флибустьерский корвет, знали истинное положение вещей наряду с посвященными представителями политической власти. Впрочем, высший эшелон теневой и явной власти владел более глубокой информацией, чем представители науки, по нескольким причинам, главной из которых была их принадлежность к грозной двухуровневой касте дзог, проникшей во власть поверхностных государств несколько веков назад из срединного, околоразрушительного государства качественного человечества. Дзоги были именно кастой, а не племенным видом. В нее наряду с ацтекскими гардами входили жрецы майя, египетские липиды, делатели фараонов и будущих ситуаций, волхвы Самарии, Этрусии, Гардарии и лунной страны Киж, центр которой находился в лесах неподалеку от нынешнего Новгорода, иудеи, маги шестигранных вертикалей, построившие Иерусалим на спиральной развязке параллельностей, владеющие мастерством входа и выхода из них. Дзोगами были и светоносы православного золотого сечения, объединяющего тайное родство невидимого мировой толпой вероисповедания России, Китая, Израиля, Ирана, Индии и Тибета. Никто не знает, что Китаем вот уже сотню лет правит в разных обликах тот, кого в России некогда почитали как Серафима Саровского. Такова сила дзотов, умеющих воздействовать на восприятие времени двухуровневой системной волей. Но вернемся к женевскому форуму ведущих ученых мира.

Форум — это нечто среднее между публично декларируемым и приватно обсуждаемым. Гляделкин Игорь Петрович и Сандри Глимук сидели рядом на балконе в здании Большого кантонального собрания Женевы без наушников синхронного перевода и слушали речь докладчика, англичанина Стивена Маллигана, искоса поглядывая друг на друга. По правую руку от Глимука сидел ученый из Нижней Вольты, а по левую руку от Гляделкина увлеченно внимал докладчику француз. Оба были в наушниках синхронного перевода и, судя по их растерянным лицам, плохо понимали своих переводчиков.

— Слишком много отвлеченных приоритетов, — говорил Стивен Маллиган. — Мы больше уделяем времени унитарам, определяющим болезни по консистенции стула, чем

глубинной сути процессов, происходящих вокруг нас...

Гляделкин и Глимук отлично владели английским и поэтому слушали англичанина с легкой презрительной усмешкой.

— Неадекватность, — вещал Маллиган, — вот ключевое слово в оценке нынешней научной мысли. Тратятся огромные суммы денег, чтобы спасти человечество от СПИДа или еще какой-нибудь заразы, а то, что все обсерватории мира, включая службы космического слежения, потеряли из виду астероид ОХ4, который с вероятностью 99,5% может пересечься с орбитой Земли, никого не волнует, хотя если он столкнется с нами, эпоха СПИДа покажется золотым веком человечества.

— Оракул, — поделился своими мыслями с Глимуком Игорь Петрович. — Пафос, как у проповедника в церкви для умалишенных.

— Да, да, это точно, — с готовностью согласился Сандри Глимук и, чтобы поточнее выразить свое отношение к Маллигану, добавил несколько фраз по-русски: — Он этье, как этье, козьел.

— Или тревожное сообщение астрономов, в частности, такого авторитетного, как Масалик Турбенрогман, о предположительной агрессии против Земли с поверхности Луны. Я, конечно, не имею в виду голливудскую версию инопланетной агрессии, но лунный феномен подобного рода наука еще не наблюдала...

— Ну уж нет, — вскинулся Игорь Петрович, — наблюдала.

— Да, да, — готовно закивал Сандри Глимук. — Он этье, как идьют. — И, перейдя на английский, добавил: — Об этом лунном феномене есть свидетельства в шелковых письменах тибетца Трон-чхен-ргйас, первого Ситу Ринпочэ.

— Когда слышу о Тибете, — неловко пошутил Игорь Петрович, — я хватаюсь за револьвер.

А французский ученый восхищенно взирал на докладчика Стивена Маллигана.

2

В конце первого форумного дня в кулуарах стали набирать обороты разговоры о возможности создания ускорителей для космических кораблей. Для этого было много предпосылок. Во-первых, открытие месторождения нового энергоносителя «бафометин» в акватории Азовского моря, а во-вторых, странные манипуляции США в подземных ангарах аризонской пустыни. На данное время геологи всех стран мира уже прощупали чуть ли не каждый метр земного шара в поисках «бафометина» и нашли еще два месторождения. Одно на дне Марианской впадины, а второе в самом центре Северного полюса, на дне Ледовитого океана. Нашли, естественно, США и сразу же схватились за голову. Чтобы добывать «бафометин» со дна Марианской впадины, необходимо вложить средства, равные сумме ста годовых бюджетов со всем профицитом и стратегическими запасами. Мировая война и устранение ее последствий дешевле стоят. А в районе полюса добывать «бафометин» никто и не помышлял, люди, даже американцы, еще не настолько сошли с ума, чтобы приступить к прямому убийству Земли, со всеми признаками особой жестокости. США стали муссировать вопрос об уникальности Азовского моря и необходимости спасти его экологию силами ООН, но это так, на всякий случай. Все всё понимали. Пентагону оставалось только сожалеть, что вокруг Азовского моря Россия, а не Африка. Правда, была еще Украина, но хохлы, как назло, задружили с москалями, а ждать, пока они поссорятся, не позволяло время, русские уже активно разрабатывали свой ускоритель.

В кулуарах говорили много и о хроногиперболизированном квантоотражаемом ускорителе, сотворяемом американцами в Аризоне, упоминались даже такие слова, как «звездолет» и «Юпитер», но как-то неуверенно.

— Это ведь и ежику понятно, — уцепился за пуговицу Игоря Петровича Гляделкина Ефим Яковлевич Чигиринский, без участия которого такой форум, конечно же, не мог

обойтись. — Я тут один честный и независимый служитель научной мысли, да и то раввин.

Гляделкин и Чигиринский были знакомы еще по Москве, посещали один и тот же ресторан «38 попугаев» на Цветном бульваре. Впрочем, это уже давно стало общим моментом. Все более или менее значимые люди Москвы в той или иной степени были знакомы с вездесущим равви.

— Фима, оставь мою пуговицу в покое! — возмутился Игорь Петрович. — Ты меня на Берлинской конференции этой своей привычкой идиотом выставил. Иду к трибуне, а у меня пиджак на животе как у придурка расходится из-за того, что ты пуговицу оторвал. Скажи лучше, что грядет?

— Американцы, Огин, полетят вместе с русскими к Юпитеру. — По лицу Чигиринского как бы пробежали мгновенные всполохи сине-желтых огоньков. — Но не это должно нас тревожить, Огин, а то, что пришли «лунные бабочки», и возможно, пришли с решением изъять с Земли и душеносителей качественно-околохоружлитного человечества, и статик-рабов поверхности.

Ефим Яковлевич Чигиринский, Свити, был дзотом предварительного испытания, а Игорь Петрович Гляделкин, впрочем, как и несколько других светил науки на форуме, был агентом влияния в поверхностной науке и принадлежал к айрини, великому племени околохоружлитного государства агрессивных мистиков. То есть Огин как был десятисантиметровым айрини в глубине земли, так в глубине и остался, наполняя оттуда жизнь статик-раба Гляделкина Игоря Петровича умом, талантом и дерзновенной мыслью. Чигиринский, с тайным именем Свити, благодаря полномочиям дзога мог общаться через Гляделкина и с айрини Огином, и с самим Игорем Петровичем, абсолютно не ведавшим о своей двойной сути.

Глава одиннадцатая

Легкость и звон, напоминающие пробуждение после кошмарного сна. Лазурный лама Рими пробликовал по изгибу эластичного времени и легкой контурной тенью втянулся в хоружлитно-лунитную оболочку.

— Рими, — легло в него пониманием внутреннее и облаченное время хоружлита, — ты весь запыленный. — В хоружлите Время исполняло контролирующие функции, с ним можно было общаться, оно было сотворено из той же космической субстанции, что и элохимы. — Войди в аидный нейтрализатор, Рими, отряхни с себя пыль поверхностной жизни статик-раба, пообщайся с демиургами. Сейчас в Аду и у нас моменты концентрированного осмысления. Опять пришли «лунные бабочки».

Рими был раньше Леней Светлогоровым, а до Лени — главным специалистом по иудаизму в ООН Адином Штейном, а до Адина Штейна — архитектором Гусаком Вайсом в Праге, а до Гусака Вайса — осведомителем гестапо Арнольдиной Шмерлин в варшавском гетто. До Арнольдины Шмерлин он пребывал в созвездии Агност, проходил через очистительное безумие Серой звезды, параболический вакуум которой заглатывает «черные дыры» и мини-секундных белых карликов Вселенной, до очищения в Агносте был римским императором, а еще раньше — богом Шивой, то есть человеком доэлохимно-демиургового периода. Теперь же Рими — лазурный лама, вернувшийся из информационного поля статик-рабов на поверхности земли, временно вошедший для прохождения карантина в аидный изолятор и сразу же увидевший за его прозрачно-прохладной оболочкой пламенно-плазменный мир бледных демиургов...

— А, Рими, — вырвался из вязко-густой крови огненной плазмы причудливо-лицеобразный овал лемурианца Василиска. — Ты умер, потому что опять пришли те, кого мы не можем объяснить?

Действительно, лазурные и демиурги не могли понять природу «лунных бабочек», как не могли понять природу самой Луны, которая была инородной в плывуще-схемной

конструкции Солнечной системы. Земля тоже когда-то была инородной, но ее адаптировали, благо в то время энергия клио-вселенных была в пределах досягаемости, и даже планетарное межгалактическое облако Рааай было на расстоянии мыслетворения. Тогда Рими был Шивой, плоть от плоти настоящим землянином.

— Я всегда удивляюсь, когда вижу задающего вопросы лемурианца. — Рими увидел вдали полыхающе кольцообразные контуры самого мудрого демиурга Велиала. — И не беспокоюсь при мысли о «лунных бабочках».

— Мы тоже, — уплыл в воющее плотное пламя Василиск, и за ним долго уплывала его шестиметровая усмешка.

Рими, в отрезке Шивы, был преобразован демиургами в неодемиурга и вовлечен в сотворение хорузлита-лунита, а затем погружен в информационный свет элохимов. Он, Шива, и другие перволюди, возникшие одновременно с Землей, — Кецалькаатль, Сатана, Кришна, Вишну, холодный Арктик, расплывчатый и грозный Стрибог, скальный Один, обволакивающий Агар, Ахей, Куикуилько и другие, — все прошли через ритмично-временную неодемиургность и все рожали нити хорузлитно-лунитной планеты внутри земной плоти. Если бы не они, то хорузлит не смог бы вживиться в чрево земли, произошло бы отторжение. Любопытным было то, что перволюди багрового периода очень комфортно чувствовали себя в алогичной действительности и легко, пройдя через провалы умирания, вливались в элохимство.

Рими чувствовал, как аидный нейтрализатор вытягивает из него вирусы последнего воплощения по имени Леня Светлогоров. Из спрессованного до монолитной непроницаемости огня выдавился глаз Сатаны, первоземлянина-неодемиурга, зрачок которого напоминал взрыв ядерной бомбы.

— Шива, — прошел через лазурного Рими на диапазоне параллельности зов, — а ведь эти беспороды, статик-рабы, слишком заразились от промежуточных людей дерзостью мысли, и опять, уже во второй раз, явились «лунные бабочки».

Рими откликнулся на зов одного из своих многочисленных братьев безучастной отстраненностью, и глаз Сатаны задернулся пламенем.

Ясность и чистота созвучия с элохимным миром постепенно заполняли Рими, лазурного ламу седьмой агностической степени спирального знания. Сатана вновь выдавился губами из пламени:

— Шива, а ведь статик не такие уж и рабы. Вот ты, например, должен был воплотиться в статика, чтобы понять причину высшей деградационности. К тому же у меня есть уверенность, что они собираются к Юпитеру, да, Шива?

— Уйди, Сатана, — свирельно прозвучал Рими. — Я хочу отсутствовать, мне неинтересно говорить об этом.

И Сатана вновь, на этот раз окончательно, запахнулся пламенем, из которого еще несколько раз выдавливались оттеночные образы демиургового мира неформности, духигении двадцати четырех состояний существования, но видя, что лазурный сосредоточен на возникающем решении, они оставили его в покое.

Колокольчики внутреннего времени сообщили Рими об окончании карантина, и он, покинув аидный нейтрализатор, сразу же стал пропускать через себя непрерывный поток глобально-детальной информации...

Глава двенадцатая

Ростова-на-Дону, Иван Степанович Нечитайло, был погружен в думы. Еще бы. На территории АО, сконцентрировавшегося в трех приазовских селах Чулек, Нахапетово и Люлякино, поселилась молодая семья невиданной для этих мест колоритности. Мало того что фамилия у них была Волчанские, так они вдобавок к этому бросили вызов и руководству акционерного общества, и районной власти, и даже, в какой-то мере, всему привычному и накатанному укладу жизни приазовских сел юга России. Во-первых, Волчанские купили лучший дом на центральной усадьбе в Нахапетове, прямо на берегу моря, и тут же, разрушив его, приступили с помощью наемных строителей с Украины к постройке нового, который своей архитектурой напоминал гибрид канувшей в Лету французской Бастилии с виллой московской звезды театра и кино Александра А. в ближнем Подмоскowie. Легко представить себе, как выглядел этот дворец среди далеко не убогих, но очень уж простецких усадеб села Нахапетова. Это была наглость номер один. Во-вторых, вокруг своего демонстративно-экзотического дома Волчанские воздвигли, с помощью тех же строителей и двух арендованных автокранов, высокий забор из огромных глыб дикого кремниевых камня, тем самым скрыв дом и двор от любопытных взглядов. Это была наглость номер два. А в-третьих, они вели себя так, будто вокруг них не существовало начальства. Установили у себя спутниковую антенну, связь, завели дружбу с наиболее предприимчивыми и работающими аборигенами. Но волновало руководителя и фактического владельца АО «Приазовское» другое. Из Ростова стали поступать так называемые намеки для дебилов, то есть его покровители из областной администрации сообщили ему прямым текстом, чтобы он, черт побери, продал свой пакет акций, позволяющий владеть несколькими десятками кубических километров Азовского моря, вот этому, напоминающему Пьера Ришара, клоуну по имени Григорий Прохорович Волчанский, которому там, в Ростове, как сказали его покровители, кто-то тайно и мощно покровительствует. «Киллера нанять, что ли? — подумал Иван Степанович и тут же отмахнулся от этих мыслей. — Да нет, нельзя, я же не мразь с рогами».

2

Что бы там ни думал Иван Степанович Нечитайло, а жители Нахапетова полюбили и зауважали супружескую пару Волчанских. Конечно, никто в рыбацком селе не знал, да и не мог знать, что Григорий Прохорович и Анастасия Гансовна были убийцы категории «солнечные», способные к интеллектуально-аналитическому восприятию как классифицированных, так и неожиданно-хаотических ситуаций. Откуда жители Нахапетова могли знать, что «Григорий да Настя» обладали интеллектом уровня «2 трилистника» и аномальными физическими возможностями? Не смогли бы жители Нахапетова понять разницу между системой «Вольфрам», по которой обучался Григорий Прохорович, и системой «Черная вдова», по которой обучалась Анастасия Гансовна. Зато аборигены села хорошо усвоили, что «Гриня да Настя» разбираются в деревенских делах, не отказывают в помощи, грамотные, богатые, нос не задирают, в общем, хорошие люди, хозяева, одним словом. Им даже не завидовали, сразу же признав за ними право на исключительность. Конечно, некоторые странности замечались за Волчанскими, но они только прибавляли чете дополнительный шарм ХОЗЯИНА. Так, однажды подросток, сын бригадира Жарова, Колька, ранним туманным утром видел, как Анастасия Гансовна, будучи на сносях — на девятом месяце, определили женщины села, — шла босиком вдоль Донца к дальней роще. На ней было широкое лиловое одеяние странного покроя, напоминающее одновременно сарафан и рясу. Подходя к десятиметровой ширины протоке, пересекающей ее путь, она не пошла, как все, к галечной отмели выше по течению, а, разогнавшись, высоко подпрыгнула и, совершив в воздухе сальто, опустилась на ноги уже на другом берегу протоки. Кольку до того потрясла картина летящей через протоку беременной женщины в странном одеянии, что он даже влюбился в нее и рассказал об этом по секрету лишь своему закадыке другу Васке Ветрову, а тот разнес по всему Нахапетову. Правда, «разнес» как-то странно, начиная свой рассказ с

вопроса: «Слышал, Колька Жаров головой так сильно стукнулся, что у него видения начались и его скоро в больницу увезут?» Если человек «не слышал», то Васька начинал рассказывать ему о «видении», о «летающей ранним туманным утром через протоку беременной Анастасии Гансовне с развевающимися волосами и в сиреневых одеяниях». В Нахапетове именно так и решили, что Колька «сильно стукнулся», мать даже повезла его, несмотря на протесты, к доктору в районное село Неклиновку, но доктор отправил их обратно, объявив матери Кольки: «Не морочь мне голову, баба дурная».

Справедливости ради нужно сказать, что странные, богатые, зловеще утонченные, с явными элементами снисходительного высокомерия, да еще и пришлые люди ни в русских, ни в немецких, ни в английских, ни в японских селах не могут рассчитывать на любовь и уважение, им будут вставлять палки в колеса при первой возможности, особенно если обнаружится возможность сделать это безнаказанно. С Улыбчивым и Малышкой этого не произошло по нескольким причинам. Во-первых, им нужен был покой на период Малышкиной беременности, во-вторых, они всем своим необъяснимым обликом и поведением исключали любые проявления безнаказанности, а в-третьих, Малышка научила Улыбчивого психологическому приему «Любовь и уважение», который входил в обучение по системе «Черная вдова».

3

Насколько процесс умирания зависит от качества жизни, настолько начало жизни, рождение, зависит от целой череды подробностей и форм, настигающих нас в загробье. Рождение сложнее смерти по исполнению и проще по дальнейшему действию...

— Ты чувствуешь? — спросил Улыбчивый у Малышки. — Если да, то как ты его чувствуешь?

— Это сын, — ответила ему Малышка, — и он хочет уже выйти, но я удерживаю его пока, отговариваю. — Она положила руки на свой живот и погладила его с торжественностью Творца, сотворившего мир.

— Он кто?

— Пока Сергей, — призналась Малышка. — Я еще не чувствую, что о нем можно говорить Убийственный.

— Уже десятый месяц.

— Я помню.

Ребенка, рожденного на пятом месяце, нельзя оставлять в живых. Пятый, пентаграммный, самый опасный месяц беременности. Это период Иерофанта, мага, находящегося в центре четырех стихий и управляющего как внешними, так и внутренними природными силами. В этот период оживляется левая рука плода, и если он выйдет из чрева на этом месяце и останется жить благодаря усилиям врачей, то его жизнь будет преступной, несчастной и неприятно-загадочной. Впрочем, загробье он пройдет без особых мук, и пребывание его в алогичной действительности будет недолгим. Видимо, на таких имеет виды какая-то из параллельностей.

На шестом, гексадном, месяце обычно не рождаются, ребенок этого месяца несет в себе элементы Андрогина под знаком Вишны, полувыкидыш-полурожденный. Такие приходят в жизнь лишь с помощью врачей, искусственное прерывание беременности с дальнейшим водворением плода в барокамеру, имитирующую чрево матери. Шестимесячный ребенок, даже при отсутствии внешних признаков, гермафродит. На шестом месяце в плоде проявляется звук, умеющий выражать волю. Если бы человечество не утратило в себе понимание совершенства, инстинкт самосохранения и связь с ведизмом, оно бы никогда не выпускало в жизнь недоношенных детей, но человечество впало в ложный гуманизм и получило то, что получило — статус статик-рабов.

Ребенок, рожденный на седьмом, гептадном, месяце, находится под воздействием

гипнотического излучения созвездия Плеяд. Плеяды — дочери Атласа из племени перволюдей, сына Лилит и Геи. Мальчики, рожденные на седьмом месяце, незначительные в простом варианте и заносчивые карьеристы в сложном. Девочки же постоянно получают от шести видимых и одной невидимой Плеяды тайные уроки негромкой магической власти.

Ребенок восьмого, огдоадного, месяца беременности при рождении чаще всего умирает, слишком велика в этом месяце концентрация божественной Аритмии в чреве матери, это месяц рождения перволюдей, таких, как Шива, у которого было восемь ртов и форм. Впрочем, это излишние сложности. Умерший при рождении восьмимесячный ребенок уходит в мягкую мебиусность, более известную как колесо Иезекиля, и он счастлив. Оставшиеся в живых склонны к грубому фанатизму во всех проявлениях.

Ребенок девятого, эннеадного, месяца несет в себе эмбриональное начало океана и горизонта равных возможностей. Он полностью и качественно наполняет собой круговоротное пространство жизни во всех направлениях, в том числе и преступных. За могильной чертой иногда выясняется, что рожденный на девятом месяце человек толпы, проживший отмеренный срок жизни «никак» и классифицирующийся как «быдло», «маргинал» и прочее, на самом деле носитель «чудного божественного ока», заслуживший НЕВОЗВРАЩЕНИЯ в жизнь.

Десятимесячные, декадные, дети рождаются тайно и редко. Так приходят в мир статик-рабов элохимы седьмой степени магического посвящения, так некогда пришел в мир Моисей, один из перволюдей багрового периода, санкцию на рождение которого давал Иегова, элохим 999-й степени юпитерианского посвящения.

4

Вечер 28 мая, как бы почувствовав, что ему суждено стать историческим в планетарном масштабе, был тихим, нежным и теплым. Солнце, приготовившись рассматривать пространство другой половины земного шара, напоминало о себе лишь розовато-красным в структуре горизонта. Тоненький серп уже почти истаявшего месяца, не дожидаясь ночи, занял свое место на лилово-вечернем небосводе, украсив себя «колокольчиком» первой звезды в верхней части серпа. Ночь обещала быть звездной и тоже нежной. Схватки начались ближе к полуночи.

— Ну? — глядя в глаза Малышки, спросил Улыбчивый. — Что?

— Это он, сын. — Малышка вслушивалась в себя. — Он не такой, как все, он гораздо выше титула «Убийственный».

— Я знаю. — В глазах Улыбчивого запылало пламя высокомерного безумия, но усилием воли он погасил его. — Так и должно быть. Больно?

— Это не боль, — ответила Малышка. — Это наслаждение ею.

— Я приму роды, — сказал Улыбчивый. — И первым возьму сына на руки...

Вскоре отошли околоплодные воды, и наконец Малышка обратилась к Улыбчивому:

— Возьми.

Из запредельного междунужного тоннеля, ведущего плод из бесконечности, показалась голова младенца. Улыбчивый протянул руки, и вдруг на мгновение ему показалось, что его опередили чьи-то другие, словно бы вытканые из света и тумана, руки. Они погрузились в темя рвущегося в жизнь младенца, и видение рук исчезло. Рожденный в «рубашке» младенец лег в ладони Улыбчивого, который стал быстро и профессионально делать то, что в таких случаях делают акушеры.

Глава тринадцатая

Десятилетиями господствующая мысль о том, что Юпитер более чем наполовину состоит из газа повышенной плотности, на самом деле оказалась ложной мыслью. Все как один ученые вдруг озаботились тайной Юпитера, понимая, что именно там существует разгадка всех земных тайн и проложены дороги будущего. И хотя люди уже привыкли смотреть в будущее без оптимизма, они все-таки не настолько деградировали, чтобы смотреть с оптимизмом в прошлое.

— Я думаю, все правильно, — сказала Клэр Гатсинг. — Юпитер — сокровенная и живая планета. Ее энергетика сильнее земной, так что формула «человек — хозяин» там не будет работать, скорее возникнет новая: «человек — пища».

— Для этого не обязательно посещать Юпитер. — Блокбастерный астробиолог Клайд Гот, как всегда, был склонен к депрессивному оптимизму. — Земля нас тоже ест.

— Она же и выплевывает, — вмешался Лют Ходоков. — Давайте по делу.

— А дел, собственно говоря, и нет, — развел руками сенатор штата Аризона Арчибальд Соукс, — пока не будет решен вопрос, имеем мы право на применение хроногиперболизированного ускорителя для полета на Юпитер или нет. Существует очень серьезное опасение, что первый «хлопок» ускорителя, возможно, и добросит нас до Юпитера, но так, что после него мы не увидим в звездном небе планету Земля.

— Чушь! — стремительно поднялась с кресла Клэр Гатсинг. — Сенат США, как всегда, напоминает собрание винторогих козлов. «Хлопок» ускорителя рассчитан на изменение энергетического времени внешнего и скоростного пространства, а вы рассуждаете в диапазоне литературных «машин времени».

Арчибальд Соукс с удовольствием посмотрел на Клэр Гатсинг, в женской красоте и сексуальности которой был лишь один недостаток — ум, и медленно проговорил:

— Вы, Клэр, одна из самых гениальных мыслителей планеты, но дело в том, что вы, как и все женщины, дура...

Таганрог «штормило». Не раз и не два здесь поминали матерным словом ЮНЕСКО с его «Весной Чехова». Досталось и самому Антону Павловичу. Был вымыт и обновлен памятник, отремонтирован дом-музей «Домик Чехова», подправлен облик «Лавки Чехова» на Гоголевском, отреставрирован фасад Театра имени Чехова и побелена гимназия его имени. Казалось бы, на этом все, но нет, гром грянул с другой стороны. Был снят с должности начальник горотдела полковник Самсонов, свой в доску, здешний, и на его место водружен сочинец и карьерист, успевший стать полковником, Абрамкин. Это потрясло город до самого основания и оскорбило горожан до глубины души. Кто угодно, пусть ростовчанин, пусть станичник, даже кубанский, если нет донского, пусть, но сочинец во главе городской милиции — это то же самое, что коренной москвич во главе государства, полнейшее безобразие, смута и разгул коррупции. «Шторм» над городом крепчал. Был уволен из органов лучший участковый всех времен Иван Максимович Савоев, а против его сына начато служебное, грозящее перерасти в уголовное, расследование. Поэтому и не видно нигде Славы Савоева, он ушел в бега, решили горожане. И правильно сделал! За всеми этими событиями виделась зловещая фигура сволочи, предателя городских интересов и пижона Дыховичного. Иначе его и не называли за глаза. Сволочь! Неблаговидную роль во всей этой истории играла и жена Дыховичного, Алена Кондратьевна, позволяющая себе передвигаться по городу, на глазах у своих ровесниц и подруг юности, за рулем собственного «Порше-911». Гадина!

Но неожиданно все изменилось с точностью до наоборот. Был арестован Дыховичный. Выяснилось, что он уже несколько лет сотрудничает с американской разведкой и передал

недругам копии секретных чертежей нового суперсамолета-разведчика, разрабатываемого на Таганрогском авиационном заводе имени Бериева. Оперативники местного УФСБ его до поры до времени не трогали. Чертежи, которые Дыховичный передал американцам, хотя и были секретными по-настоящему, но только не для самих американцев. Дело в том, что главный конструктор завода, исполняя роль любителя американских долларов по сценарию оперативников УФСБ, деньги у Дыховичного взял, но передал ему чертежи, скопированные нашими разведчиками с чертежей американского суперсамолета «Хайпер Икс-43». Самое интересное, что ЦРУ посчитало это редкой удачей по добыванию новых технологий в авиации и увеличило денежное вознаграждение Дыховичному. Затем, после тщательного изучения, чертежи были переданы крупнейшему авиакосмическому концерну США для создания нового самолета. Остается только гадать, как будут выглядеть лица американских военных, когда они увидят свой «Хайпер Икс-43», собранный по чертежам, добытым в России. Так бы все и продолжалось, но открытие вблизи Таганрога месторождения «бафометина» усилило вопросы режимной безопасности на много порядков, и Дыховичный был арестован. Вскоре по городу поползли слухи, что Дыховичный регулярно устраивал на своей даче в районе станции Морской оргии, в которых принимали участие не только представители криминальных структур автотранспортных фирм Ростова, Батайска и Азова, но и преподаватель судомеханического колледжа Рокецкий Федор Иванович, автор и исполнитель популярной в городе песни «Колокольчик треснул, а я сошел с ума». Слухи ширились. Чернокожая журналистка, красавица Люба Кракол, которую опекали и которой покровительствовали все бывшие возлюбленные покойного плейбоя Саши Кракола, а это было более половины женщин города, рассказала о том, что однажды Рокецкий на одной из таких оргий наткнулся возле дачи на журналистку газеты «Городская площадь» Литвинову Таню, проводившую журналистское расследование этих безобразий, и изнасиловал ее. Люба была убедительна настолько, что супруга начальника конвойной службы городской тюрьмы майора Шкири после долгих раздумий растолкала его в два часа ночи и закатила скандал, уверяя бедного майора, что если он до сих пор не арестовал Рокецкого, который живет в соседнем доме, значит, он и сам принимал участие в дачных оргиях. Александр Ильич Шкиря долго не мог понять, чего хочет от него супруга, а поняв, взял в руки служебный «ПМ» и, направив его на жену, коротко приказал: «Спать!» Лишь после этого в доме установились тишина, мир и благополучие. Но арест Дыховичного, как иностранного шпиона, настолько потряс горожан, что дальнейшие слухи ассоциировались только с ним. Рокецкий выпадал из памяти, и Татьяне Литвиновой пришлось смириться с тем, что ее изнасиловал Дыховичный. Но не смирился с этим Рокецкий. Он пришел в редакционный кабинет Литвиновой, рухнул на колени и, никого не стесняясь, зарыдал, выдавив из себя:

— За что, Таня?

На следующий день в газете появилось опровержение слухов. «Это не так, — деловито опровергала журналистка Литвинова. — Я не была и не могла быть изнасилованной своим женихом Рокецким Федором Ивановичем, и никогда мы не были на даче у шпиона Дыховичного». Действительно, весь город буквально через день после выхода опровержения узнал, что Литвинову и Рокецкого видели выходящими из дверей загса под руку, а вечером этого дня Рокецкий перевозил на такси вещи Литвиновой и саму Литвинову к себе в дом. Так что слухи оказались ложными, тем более что, как вскоре выяснилось, у Дыховичного не было дачи, а следовательно, и оргий на ней, и вообще его вскоре выпустили под подписку о невыезде до суда. Шпионить-то он шпионил, но принес ведь пользу, а не вред. Вскоре город успокоился, но не надолго. Неожиданно директор обувной фабрики, мать пропавшей Лидии Глебовой, получила из украинского женского монастыря под Донецком письмо от настоятельницы, игуменьи Агриппины, в котором та сообщила, что ее дочь приняла постриг и теперь она не Лидия, а монахиня Анна. Директор помчалась в монастырь, надеясь вернуть свою красавицу дочь в мир света и секса. Поговорив с ней два часа в келье игуменьи, она вернулась в город тихой и пристыженной. Пошла к родителям Кати Воскобойниковой, и те помчались в другой, под Млавенском, женский монастырь, где и обнаружили свою

просветленную дочь под именем Мария, но еще раньше уголовный розыск обнаружил свою подопечную Мокшину в Клино-Злотневицком женском монастыре готовящейся принять постриг, и сыщики с охотой аннулировали уголовное дело, возбужденное против нее. Объединял этот странный уход полнокровных женщин из мира один момент — все три говорили о том, что подарили миру какую-то «Вспышку» и что эта «Вспышка» спасет мир от гибели. Вскоре город забыл и об этом случае под натиском новых событий. МВД России не утвердило назначение Абрамкина на должность начальника горотдела, оставив на месте полковника Самсонова и почему-то отправив в отставку комиссара Кияшко. Самсонов сразу же восстановил в милиции Савоева Ивана Максимовича и, позвонив в Москву, спросил у Хромова:

— Это ты за меня ходатайствовал?

— Нет, — честно признался Хромов. — Миронов ходил на прием к нашему министру и убедил его в твоей компетентности.

— Где мои ребята? — хрипло спросил растроганный до глубины души полковник Самсонов. — Пусть едут домой, работы много.

— Так они же в официальном отпуске, — удивился Хромов. — Я своим, а заодно и твоим, путевки на турбазу МВД под Сочи достал, пусть в море поплавают.

— Да ты что? — возмутился Самсонов. — Какие могут быть путевки этим оболтусам?

— Приказ министра. Он Баркалова вспомнил.

— А, — сменил гнев на милость Самсонов. — Тогда пусть отдыхают.

Судя по интонации Самсонова, было ясно, что этот отдых дорого обойдется оперативникам.

— Семен Иосифович, — просунула голову в кабинет секретарша Любовь Антоновна, — где будет располагаться кабинет вашего нового зама по связям с общественностью полковника Абрамкина?

— Значит, так, — радостно озаботился Самсонов. — Из-под лестницы, где кладовка возле туалета, пусть пятнадцатисуточники все швабры, ведра и прочий хлам вынесут, побелят и стол поставят. Кабинет получится шикарный, в Сочи у него и такого не было.

Как только секретарша скрылась, полковник Самсонов мрачно задумался: «Где капитан Савоев? Это к добру не приведет». Самсонов понимал, что исчезновение Славы Савоева чревато лишь двумя, но обязательными последствиями: или с ним что-то случилось, или скоро случится что-то с городом и погонами самого Самсонова...

Часть II

Оперуполномоченный ангел

Глава первая

1

Далай-лама взял в руки глиняную чашу, зачерпнул из источника, бьющего в пещере, воду и сделал несколько глотков.

— Где-то здесь, — сказал он двум своим спутникам и неопределенно кивнул головой в сторону выхода из пещеры, — она и располагается.

Вокруг неглубокой пещеры висело безмолвие, прерываемое гулом срывающихся в пропасть лавин. Безмолвие было огромным и белым, непредсказуемым и опасным, но в то же время чистым и хрупким. Гималаи. Перевал Орджанмин. Высота — 6821 метр.

— Это место действительно существует? — спросил у далай-ламы европеец с характерной для русских непредсказуемой искренностью в чертах лица. Он был в теплой,

слегка модифицированной для гор рясе. — Для нашей веры даже предположение о существовании такой страны греховодно.

— Просто вы не знаете своей веры, — спокойно ответил далай-лама. — Православие слишком тонкое и глубокое вероисповедание, оно не по плечу современным пастырям. Страна снов Агнозия, или, если угодно, Шамбала, где-то здесь, но не надейтесь, что вы встретитесь со своими детскими снами, которые у всех до пяти лет пророческие.

— А мне кажется, — сказал третий спутник, — что даже если мы столкнемся с этой страной, в основе все равно будет грубая реальность, чудодейственность которой обуславливается лишь ее уникальностью и неизученностью.

— Это очень удобное предположение, — равнодушно ответил ему далай-лама. — Наверное, приятнее веры, оптимистичнее. Всегда есть шанс уверовать. Обратный процесс катастрофичней. Уход из веры в неверие дестабилизирует ангельское и уничтожает дьявольское внутри человека, а это опасно, дьявол мстителен.

— Да простит меня Аллах, — заметил третий спутник, — но это лишь слова, а их много, есть и более убедительные, но ты-то знаешь, правитель Тибета, что в словах истины нет.

— Истины нет нигде. — Православный монах, точнее, человек, представившийся православным монахом, опустил глиняную чашу в источник и, наполнив ее прозрачной водой, протянул мусульманину, точнее, человеку, похожему на мусульманина. — Познание истины предусматривает финал, то есть несуществующее действие, которое, конечно же, существует, но истина к этому не имеет никакого отношения.

— Зачем вы изобразили своего Бога человеком? — Мусульманин бережно принял из рук монаха чашу с водой. — Хотели возвысить человека, а на самом деле унизили Бога...

Неожиданно их беседу прервал порыв холодного ветра, донесший до их слуха гул далекого камнепада. Гималайские горы жили своей жизнью. Боги, духи и демоны гор пренебрегли бы людьми, сидящими в небольшой пещере, но их беспокоила судьба источника, бьющего в ней, поэтому они окружили пещеру и пристально следили за людьми, за каждым их шагом.

— Бога унижить нельзя, — вздохнул человек, похожий на православного монаха. — Да ты и сам это знаешь, но все равно говоришь. Если я начну отвечать, ты станешь искать слабые места в моих ответах, и у нас, — монах улыбнулся, — возникнет религиозный конфликт креста и полумесяца.

Мусульманин осторожно пошевелился, усаживаясь поудобнее, но сделал это неловко из-за ушибленной ноги, ставшей причиной их привала. Из наклонившейся чаши в его руке пролилась вода на освобожденную от обуви ступню синевато-багрового цвета. Буквально на глазах ступня стала принимать обычный цвет, и вскоре о месте ушиба ничто не напоминало. Мусульманин потрогал ногу рукой и, подняв глаза на далай-ламу, хриплым от удивления голосом спросил:

— Что это?

— Это гималайские горы, Тибет, — спокойно ответил ему далай-лама.

2

Тот, кто выдавал себя за православного монаха, в миру носил имя хотя и великое, но в сочетании с фамилией вполне дурацкое. Кузьков Коперник Саввич, уроженец Татарстана, города Чистополя, где, кроме церквей, тюрьмы и часового завода, выпускающего часы «Командирские», больше ничего не было, особенно если не принимать во внимание дома, улицы, собак и, стилизованное под татарское, русское небо над головой. Коперник Саввич проявил недюжинные способности и волю для того, чтобы вырваться из Чистополя навсегда, и он из него вырвался в Москву, ибо талантливому человеку в России больше некуда вырваться, только в Москву или в эмиграцию. В Москве он стал доктором медицинских

наук. На пути к докторскому званию познакомился с нейрохирургом Лутоненко, тот представил его Ивану Селиверстовичу Марущаку, и Коперник Саввич занял в УЖАСе должность «радостного гостя», то есть стал исполнителем приговоров, палачом. Коперник Саввич входил в группу «Тайная вечеря» и был лучшим в мире знатоком ядов и специалистом по их применению в самых невозможных для этого условиях. Там, где он исполнял верховную волю, люди умирали со счастливой улыбкой на губах. Не важно, где это происходило: в купе поезда, на приеме у папы римского, в постели любовницы, во время получения правительственной награды или ссоры с женой. Как только яд начинал устанавливать в организме свои порядки, человек сразу же становился счастливым, просветленным и мечтающим войти в смерть с нетерпеливой улыбкой желания на губах. Коперник Саввич знал более трех тысяч разновидностей «счастливых» ядов, которые подразделялись на «грубые», с наркотическим эффектом, «эльфовые», когда человек путает умирание с блаженным засыпанием, и «мудрые», когда человек настолько задумывается о смысле жизни, что продолжает этим заниматься и после ухода в мир иной. Такой яд применялся лишь к людям, ни в какой мере не заслуживающим преждевременной смерти, но которых, дабы они не мешали устоявшейся гармонии, требовалось убить. Группа отравителей «Тайной вечери» была настолько высокопрофессиональной, что знаменитый Чезаре Борджиа стоял бы в ней где-нибудь на предпоследнем месте.

Вторым спутником далай-ламы был Ахмет Ветхалиль, представившийся как правоверный мусульманин дуалистического направления, призванного устранить противоречия между суннитами и шиитами. Если отбросить изыски объяснений, это означало, что с Ахмета Ветхалиля в любой момент могли снять шкуру и те и другие. Дуализм в мусульманстве — это то же самое, что антисемитизм в израильском кнессете. На самом деле Ахмет Ветхалиль был никакой не Ахмет и тем более не мусульманин, а профессиональный разведчик Виталий Халимович Радецкий, подполковник ГРУ, русский еврей с татарскими корнями и полным отсутствием привязанностей во всем, что касалось вероисповедания. Ему ничего не стоило впасть в религиозный фанатизм, в знаменитую мусульманскую ярость и носиться с перекошенным от крика лицом по любому ближневосточному городу, отстаивая интересы Аллаха, и тут же, сменив гнев на милость, ворвавшись в посольство христианской страны, разорвать на груди одежду, показать крест и заявить, что его преследуют за христианские убеждения мусульманские фанатики, что, впрочем, не мешает ему этим же вечером подарить крест проститутке в сауне или, за неимением зажигалки, оторвать кусочек священного текста из свитка Торы в синагоге, чтобы поджечь его от семисвечника и прикурить сигару. К буддизму он вообще относился с пиететом и даже хранил у себя дома, в московской квартире по Дорогомиловской улице, кусочек мизинца гигантского Будды от скальных статуй в Афганистане. Виталий Халимович был знаком талибам как первоклассный взрывник и правоверный мусульманин. Взорвав Будду, он не удержался и взял на память осколок мизинца, заодно прихватив, но уже в Кабуле, и карту с обозначением тренировочных лагерей на территории Афганистана, в которых обучались террористы Северного Кавказа и Средней Азии. Вот такие спутники были у далай-ламы, и вел он их не куда-нибудь, а в страну снов Агнозию, в которой осуществляется ритм незнакомого людям времени и пространства.

3

Психиатры — это люди, склонные к мифологизации и поэтическим изыскам. Есть некая, тщательно заретушированная, легитимная несусветность в деятельности психиатров. Женщин, в основном бальзаковского возраста, регулярно жалующихся на бессонницу и при этом спящих ночами крепко и сладко, они диагностируют как страдающих агнозией — неузнаванием сна. В народе таких женщин называют попроще и поточнее — ведьмами.

Впервые об Агнозии, как в свое время Платон об Атлантиде, упомянул старец Ливии

Слепой, тридцать пять лет бродивший в рясе монаха и с двухпудовыми веригами под ней по горному Тибету, Китаю и Непалу в поисках молитвенных, таинственно возникающих на всем пути православного золотого сечения, потоков. В конце концов, покинув Тибет в 1148 году, он оказался в Иерусалиме, где его случайно закололи крестоносцы, приняв за сарацинского мага, хотя на самом деле он выглядел как христианский праведник. Ливии Слепой использовал для описания своих странствий по буддистско-ламаистскому миру зоряную письменность, которую будущие историки называли «шелковыми письменами» безо всяких на то оснований. Зоряную письменность изобрел в III веке н.э. Хромой Баймут, колдун из воинственного племени синти, проживавшего на территории нынешней Венгрии и пришедшего туда из Северной Индии. Зоряная письменность — это что-то наподобие больших мусульманских четок, где каждое звено покрывается определенной системой точек и бороздок, по которым сведущий человек мог узнать обо всех событиях, потрясших путешественника, сделавшего эти записи. Синти, предки нынешних, деградировавших под натиском современности цыган, владели зоряной письменностью все как один, и поэтому версия константинопольских ученых-монахов о разведывательной миссии цыган, племени синти и романи, вполне здравомыслящая. Впрочем, все это отступление... Ливии Слепой первым, но далеко не последним упомянул о тибетской стране снов Агнозии, в которой всех упавших в нее предупреждают о страшной катастрофе, постигшей Землю два миллиона лет назад, и о приходе на нее «огненных младенцев с глазами параллельной вечности без зрачков».

4

Коперник Саввич и Ахмет Ветхалиль остались при своем неверии в страну Агнозию, а далай-лама и не пытался скрыть радости, ибо его ни на секунду не оставляло чувство какой-то неправильности. Ни в монахе, ни в магометанине он не видел той особой, свойственной людям веры, просветленной аскетической глубины, без которой встреча со страной снов может закончиться клубящейся катастрофой, и Гималаи с хрустальным всхлипом поглотятся нейтральной параллельностью, как это некогда произошло с градом Китежем в России, то есть они по-прежнему будут, но их не станет. Агнозия — страна нелепой, бессомненной истины, в ней слишком много неподконтрольных, неизвестного происхождения, сил и целенаправленной доброты безумия.

Далай-лама облегченно вздохнул, когда показались холмы Поталы, а вскоре и высланная навстречу ему свита.

— Мы прибыли, — сообщил он спутникам, — нас ждет отдых.

— Какой такой отдых? — возмутился Ахмет. — У нас другие задачи. Какого черта вы нам впаривали про бредовую Агнозию, а привели в задрипанную Лхасу?

— Действительно, — поддержал Ахмета Коперник Саввич, — какого черта?

— Заткнитесь, — посоветовал им далай-лама, садясь в поставленные перед ним носилки и глядя куда-то в небо, — а не то я прикажу, чтобы вас убили.

— Всю жизнь мечтал отдохнуть в резиденции далай-ламы, — широко улыбнулся белозубый Ахмет, — увидеть Поталу, одним словом, и... — он взмахнул рукой, — отдохнуть, к чертовой матери.

Любой, даже самый опытный и самый гениальный, психолог-физиономист, глядя на того, кто представился Ахметом Рустани Джумбадским эль-Ветхалилем, засвидетельствовал бы его абсолютную искренность и глубочайшее уважение к далай-ламе, хотя на самом деле полковник Радецкий с удовольствием застрелил бы его.

— К тому же Лхаса — удивительный экологический заповедник, — согласился с Ахметом Коперник Саввич. — Здесь воздух даже от острого аппендицита вылечивает.

Монах явно издевался над ситуацией, но далай-ламу это меньше всего интересовало, он уже вошел в состояние легкой медитации. Открыл глаза лама лишь в большом зале своей

резиденции. Медитация не помогла ему ответить на вопрос: «Почему лама Горы попросил доставить этих людей, встретив их в селении Коолты, за которым начинается пустыня Гоби, в Агнозию?» Далай-лама лично, без свиты, встретил их в Коолты и повел в Агнозию, но по дороге передумал и направился напрямик в Поталу.

Далай-лама еще раз попытался войти в мысленный контакт с ламой Горы и вновь не смог этого сделать.

— Как устроились наши гости? — спросил он у невзрачного на вид тибетца, похожего на кого угодно, только не на тибетца. — Хорошо ли им?

— Да, — кивнул великий палач Тибета, — я убил их, Святейший.

5

В конце XX века Тибет стал более доступен миру. Китаем были сняты некоторые ограничения на посещение Тибета. Как всегда в случаях неожиданной открытости миру закрытых систем, туда повалили все, кому не лень. В Тибете пышным цветом расцвели уголовщина, наркомания, теневой туристический бизнес и склонность к упрощению великих постулатов до уровня голливудского мировоззрения. Французское географическое общество, лондонский научный центр, кембриджское братство тектоников, мюнхенский академический совет и санкт-петербургское научное общество «Радонеж», которые на самом деле были филиалами разведок этих стран, аки волки кинулись поглощать знания еще недавно недоступного для их заинтересованности Тибета, посылая туда экспедицию за экспедицией. Выяснили, что «Крыша мира», великое Тибетское плоскогорье, впрочем, как и все Гималаи, образовалось в результате столкновения двух континентов, как бы выдавилось из глубин океана. Подтвердилась более двух веков существующая теория о круговоротности природных катаклизмов на поверхности земли и регулярной, раз в сто сорок четыре тысячи лет, смены местами суши и воды. Путем сложных, на уровне расчленения нейтрино и фиксации его в специальной ловушке «Агафодемон-700», расчетов ученые пришли к окончательному выводу, что «суша становится океаном, океан сушей, и начинает развиваться абсолютно новая цивилизация других, отличных от человека, биологических видов»...

Среди множества других вопросов женевский форум ученых-аскетов обсуждал и это открытие.

— Если брать цифру сто сорок четыре тысячи лет, а «Агафодемон-700» не может ошибиться... — У Джона Пула, астрофизика из США, был такой глубокомысленный вид, что Корзуну Сергею Афанасьевичу захотелось сказать ему что-нибудь матерное, но, понимая, что и сам выглядит не лучше, он, вежливо улыбаясь, молчал. — ...выходит, что все мы невольные участники какого-то эксперимента, от которых ничего не зависит.

— Ну, знаете, — неожиданно для Пула и Корзуна вмешался в разговор стоящий рядом с ними миллиардер Вильям Хогинс, приглашенный на форум в качестве почетного гостя, — как это ничего не зависит, разве мы статисты в бродвейском шоу?

Гости-миллиардеры, по мнению ученых, должны молчать и платить, а не вкаты в столь высокомуудром окружении. Пусть радуются, что приобщились к бессмертному.

— Хуже, — удивленно глянул на Хогинса Корзун, — и смешнее.

Проходивший мимо Чигиринский оставил в покое академика Сандри Глимука, с которым прогуливался по фойе, что-то внушая ему на ухо, и подошел к беседающим.

— В баре есть редкий «мак», глубокой очистки, шестьдесят градусов, — сообщил он новость Корзуну, не обращая внимания на остальных, — а ты тут прохлаждаешься.

— Они говорят, — решил найти в Чигиринском союзника Хогинс, — что в Тибете обнаружены доказательства того, что каждые сто сорок четыре тысячи лет кто-то топит все человечество и разводит новое, как будто мы крокодилы на ферме.

Ефим Яковлевич доброжелательно окинул взглядом пиджак Хогинса в районе

внутреннего кармана с выпирающим бумажником и ответил, почему-то глядя на Сергея Афанасьевича:

— Это же явный перебор, сто сорок четыре тысячи лет, трехгодичного цикла смены людей на людей было бы вполне достаточно, а если серьезно, то в Тибете еще не то обнаружат, и все будет обманом, там же все мошенники, от далай-ламы до играющего роль оккупанта председателя КНР. Для того чтобы узнать о катаклизменных циклах на поверхности Земли, совсем не обязательно влезать на Гималаи и тратить огромные средства на использование «Агафодемона-700». Все уже давно написано у Иоанна Богослова, надо было спросить у меня, я все объяснил бы.

6

Нью-Йорк вовсе не город, а союз городов с разными нравственными, имущественными и даже национально-политическими установками. Между Манхэттеном, Бронксом, Бруклином, Куинсом и прочими составляющими Нью-Йорка такая же разница, как между пьяным бомжем и пьяным сенатором, арестованным вором-карманником и задержанным наркобароном, между черным и белым, между «инь» и «ян», то есть никакой особой разницы.

Слегка выпивший сенатор от штата Аризона Арчибальд Соукс был одет в светлое кашемировое пальто, на голове шляпа из дублированного пролаксированного твида, а во рту сигара. Он весьма странно выглядел в узкой, продуваемой ветром зловонной щели, соединяющей 52-ю и 74-ю улицы. Поздний вечер, осень и даже для Гарлема грязный переулок, единственным сомнительным достоинством которого был теплый воздух из аварийного воздухоотвода подземки, не предназначенный для пеших прогулок в одиночестве сенаторов США. Особенно если они шикарно одеты и на пальце носят массивный платиновый перстень. Арчибальд Соукс с отвращением отшвырнул ногой с дороги мятый газетный лист и медленно пошел в сторону 52-й улицы между мусорных баков, время от времени посвечивая фонариком себе под ноги. Он то и дело чертыхался, когда дорогу, выскакивая чуть ли не из-под ног, перебегали крысы. Луч фонарика скользнул к стене, рядом с которой раздавался гул воздухоотвода, и осветил кучу тряпья и «стильный», с элементами андеграундного дизайна, навес в виде китайской пагоды из картона над ним. В благоухающем естественными запахами тряпье лежал сильно хмельной, старый и больной негр Клит Римбуч. Он смотрел усталыми глазами в сторону ослепившего его луча фонарика.

— Везет тебе. — Соукс выключил фонарик. — Свободен, да к тому же избавлен от обязанности заседать в сенатской комиссии.

— Ты прав. — Старик прислонился спиной к стене и, поджав по-восточному ноги, стал похож на слегка обезумевшего и почерневшего от горя Будду. — И шутишь как белый человек. — Он насмешливо и равнодушно посмотрел на Соукса. — Мне почему-то казалось, что белые в это время, впрочем, как и в любое другое время, не ходят по Гарлему.

— Тебе это казалось, старик. — Соукс кашлянул и оглядел переулок-щель. — Когда нужно, белые появляются всюду.

— Нет ни белых, ни черных, — хриплым голосом проговорил негр. — Есть только дураки и умные. К первым относишься ты, Арчибальд Соукс, сенатор Аризоны и куратор суперпроекта «Хазары» от правительства США.

Что-то насторожило Соукса в словах негра, и вообще все это ему казалось странным и неприятным с самого начала. Утром к нему зашел полковник Генри Ольктом. Зашел без предупреждения, словно грабитель, но Арчибальду Соуксу ничего не оставалось, как приветливо улыбаться. Этот англичанин, помешанный на ламаизме и русском православии, что не мешало ему быть гражданином США и полковником сектора «Экстерм» ЦРУ, мог сделать с ним, Арчибальдом Соуксом, все, что угодно. Три месяца назад Соукс был делегирован президентом США и утвержден сенатом на участие в проекте «Хазары». Это

придавало ему дополнительный политический вес, а то, что он член, хотя и номинальный, без последствий и практического применения, команды астронавтов, готовящихся к полету на Юпитер, в будущем поможет ему поселиться на правах хозяина в Белом доме. Все было как нельзя лучше, пока не пришел полковник Генри Ольктом и не рассказал, заодно дав послушать и посмотреть кассету с цифровой записью, что он, Арчибальд Соукс, до сих пор полностью так и не избавился от пристрастия к трубке с опиумом в часы вечернего отдыха, и это грозит ему полным крахом политической карьеры. С тех пор Соукс «дружил» с полковником. И вот сегодня утром Генри Ольктом предложил Соуксу странную, но выгодную сделку. Он объяснил ему, как добраться до старика, «вонючего бродяги», и беседовать с «этим чучелом» до той поры, пока тот не «изучит тебя» и не передаст «кое-какие пленки». После выполнения задания Генри Ольктом пообещал уничтожить весь компромат на Соукса и более не беспокоить его до конца жизни. Это была выгодная сделка. Соукс не колеблясь согласился, поверив Ольктому, что тот уничтожит компромат. Такие не врут. Если бы Соукс не разбирался в людях, он никогда бы не стал влиятельным человеком в политике.

— Я даже не спрашиваю, — стараясь быть вежливым, Соукс походил на человека, пьющего горячую водку без веских на то оснований, — откуда ты меня знаешь. Получается, что я в проигрыше, ибо ты не знаком мне, старик.

— Да, — неожиданно по-юношески белозубо улыбнулся негр. — Я не был тебе представлен.

Арчибальду Соуксу стало зябко, неуютно и даже страшно. Он вдруг почувствовал, как со стороны 52-й Восточной улицы в переулок-щель вползла плотная необъяснимая тишина и стала двигаться в их сторону. Соуксу захотелось убежать, но он посчитал, что это слишком для сенатора.

— Меня попросили, — неуверенно продолжил он, — кое-что взять у тебя.

— Тебя не попросили, — усмехнулся негр, — тебя заставили.

Арчибальду Соуксу показалось, что от негра стало исходить свечение, как будто вокруг его шеи разгорался ровный огонь, охватывающий черную голову по кругу. Соукс выпустил изо рта сигару, но она так и не упала, ибо плотная тишина с беззвучным хрустом обрушилась на него, на Нью-Йорк и на мир вокруг них. Голова негра лепестково, словно водяная лилия, через которую пропустили ток высокого напряжения, раскололась, пламя стало ярче и приобрело форму треугольника, в центре его сидел русоволосый младенец, почти копия изображаемого художниками Купидона, если бы не глаза, черные до вороненого блеска, без зрачков и по-азиатски, но утрированно узкие. Треугольник пламени приподнялся вместе с младенцем и остановился на уровне сенаторской переносицы.

— Агууу-га-я, — засмеялся малыш, протягивая руку в сторону Соукса, — га-гаа, ульгууу... — И острие пламени с шипением ворвалось в глаза Арчибальда Соукса.

Глава вторая

1

Блин, Москва. Невменяемая столица моей невменяемой родины. Интересно, пережевывая-то судьбу, она сплевывает или проглатывает ее?

Саша Углокамушкин стоял на площади Курского вокзала, возле входа в кассы, держа в одной руке хозяйственную сумку с вещами, а в другой полиэтиленовый пакет с термосом горячего чая и четырьмя бутербродами с ветчиной, завернутыми в газету «Общество и садоводы». Пакет ему организовала соседка по купе, Степанида Грунина, москвичка, возвращающаяся домой из Новороссийска, где она, по ее собственным словам, «десять дней пыталась понять, какого беса ее туда занесло». Пока пассажирский поезд Новороссийск —

Москва, принявший Сашу Углокамушкина в Таганроге, мчался в сторону столицы, Степанида Грунина сумела вбить себе в голову, что Саша в нее влюбился и надо срочно объяснить ему, что она уже замужем, детей нет, но мужа любит и бросать его не собирается.

— Я тоже женат, — соврал Углокамушкин, забираясь на верхнюю полку. — У меня жена американка. Детей нет, точнее, есть, двое, но они не мои, соседские.

— Все вы, провинциалы, ущербные какие-то, — голова Степаниды исчезла, — не то что мы, москвички.

В общем, сорокатрехлетняя заботливая рука Степаниды Груниной уложила бутерброды для Саши в пакет, сунула листок с телефоном в карман мужика — «смотри не потеряй», и напоследок, уже покидая купе, сексуально-респектабельная Степанида Грунина сказала Саше Углокамушкину:

— Звони обязательно, я тебя в беде не брошу.

Она небрежно забросила спортивную сумку на плечо и вышла, оставив Сашу в полном недоумении, но тут же вновь заглянула и уточнила:

— Чао, дорогой.

2

Саша не видел, радуясь избавлению от столь внимательного проявления зрелой влюбленности, что к Степаниде Груниной, вышедшей на платформу, подошли двое молодых, профессионально обаятельных мужчин. Они пошли рядом с ней, отставая на полшага. Степанида даже не повернула голову в их сторону, лишь слегка повела плечом, и соскользнувшая сумка была мгновенно подхвачена молодым человеком слева. Они вышли на привокзальную площадь и подошли к желтому «опелю». Все происходило быстро и четко. Степанида Грунина села на пассажирское место впереди одновременно с мужчиной, занявшим водительское место, а мужчина с сумкой скрылся в салоне синего «санта фе», стоящего позади «опеля». Мгновение, и обе машины, тронувшись, покинули площадь Курского вокзала.

Степанида Грунина, Степанида Исаковна Грунина, полковник ФСБ, преподавала в закрытой высшей школе СВР, вела курс, который начальник школы, академик РАН, генерал-майор бета-войск службы внешней разведки, называл

«Альфонсы». Отобранные кадровиками СВР в среде курсантов военных училищ и студентов провинциальных вузов молодые плеейбоистые люди с генетической предрасположенностью к патриотизму обучались у полковника Груниной высокому искусству казановости, ибо пути, ведущие к информации, охраняемой мужчинами, в девяноста девяти случаях из ста пролегают через женщину. Впрочем, полковник Грунина считала, что все бабники, включая исторически-литературных Казанову и Дон-Жуана, это не понявшие свою ориентацию гомосексуалисты.

— Дорогой, — позвонила Степанида Исаковна мужу домой из автомобиля, — я через час буду, можешь начинать готовить обед.

3

Оказывается, июнь в Москве не всегда означает лето. Закройте форточки, москвичи, в городе сквозняк.

Саша Углокамушкин стоял на привокзальной площади и думал: «Я — Саша Углокамушкин, простой среднестатистический провинциал, припершийся в столицу с тысячей долларов в кармане без ясной цели и планов. Впрочем, цель есть...»

Его мысли перебил подошедший постовой милиционер:

— Ваши документы, что у вас в сумке?

Саша молча протянул ему паспорт и расстегнул сумку, демонстрируя тапочки без задников, лежащие поверх свитера, двух рубашек и спортивного костюма, в который было завернуто полотенце, мыло и зубная щетка с пастой.

— Зачем приехали в Москву? — Милиционер вернул паспорт.

— Давно мечтал посмотреть, как люди в развитых странах живут, — вежливо ответил Саша.

— Умничаешь? — поинтересовался постовой и, сняв с пояса дубинку, стал похлопывать ею по ладони.

— Не вели казнить, барин.

— Живи... — начал было патрульный, но тут же, забыв о Саше, развернулся на месте и бросился в сторону переполоха, возникшего возле двери в зал с кассами на поезда дальнего следования. Со всех концов площади туда спешили патрульные. Углокамушкин увидел на асфальте лежащего навзничь мужчину, который даже в последний миг жизни не выпустил из рук мобильник. В центре его лба индийской точкой, символизирующей третий глаз, темнело отверстие явно не от индийской пули.

Глава третья

1

Игорь Баркалов и Степа Басенок стояли в кабинете полковника Самсонова и, тщательно подбирая слова, объясняли ему, почему московский полковник Хромов отправил их отдыхать в Сочи по служебной разнарядке, то есть бесплатно.

— Там, в Москве, генералы за свой счет к морю отдыхать едут, никаких им служебных, а вы раз, и в Сочи, да?!

— Нет, — отрицал Игорь Баркалов, — мы попали под сугубо случайную поощрительную акцию Министерства внутренних дел.

— Это как? — не понял Самсонов. — Мимо вас министр проходил и две путевки в пансионат «Витязь» машинально в руки сунул?

— Да, — кивнул Степа Басенок, — примерно так.

— Вот видите, — неожиданно успокоился Самсонов. — Я вам уже давно говорю, что чем дальше от начальства, тем слаще сахар и горше хрен. А теперь скажите мне, где Савоев? Степа, ты ему без моего ведома поручал задание?

— Поручал, — кивнул Степа, — по розыску пропавших девушек и сбору информации о личности ростовского доктора. Я докладывал вам об этом.

— Правильно, — согласился с ним Самсонов, — докладывал. Но не до того, а после, то есть тебя можно уволить за превышение служебных полномочий и тут же, прямо в кабинете, арестовать. Савоев пропал, его автомобиль, точнее, автомобиль его отца, обнаружили брошенным в лесопосадке, неподалеку от археологического музея «Танаис» в Сущенковской. Так что вполне возможно, и тело его где-то неподалеку зарыто.

— Исключено, — отмахнулся от невероятного предположения Степа Басенок, — хрен его закопаешь. А где Стромов? — вдруг заинтересовался он. — Он его видел последним.

— Видел, — кивнул головой Самсонов, — его многие видели, и всех уже допросили. Но Россия велика, всех не допросишь, так что, — он неодобрительно оглядел оперативников, — переоденьтесь, курортники, и приступайте к поискам Савоева.

2

Слияние мента и ангела, наложение космического всезнания на бесшабашную молодую

отвагу провинциального оперативника, нечто недостижимо-божественное и бесцеремонно-мудрое поселилось в Славе Савоеве. Свернулось клубком в области сердца и, слегка прищурившись, задремало...

Приазовская степь бросала в сторону молодого высокого человека пригоршни слабого теплого ветра, наполненного печальным и равнодушным запахом трав. Пасший стадо коров Серсемич, генетически блеклый мужичок из станицы Сущенковской, более известной почти всей Ростовской области и миру как место, где находится историко-археологический музей под открытым небом «Танаис», смотрел на приближающегося к нему человека с двойственным чувством. Во-первых, мало ли кто по степи ходит, а во-вторых, неплохо было бы куревом разжиться. Коровы, умиротворенные полуденной жарой, лежали в низине, а сам Серсемич, терзаемый привычным нездоровьем, полулежал, подстелив ватник, на невысоком холме. Приазовско-донская степь буквально усеяна такими холмами, придающими местному ландшафту стильную волнистость. Рядом с пастухом лежал, высунув от жары язык, Аржек, старый, но все еще достаточно сильный огромный пес, смесь алабая и овчарки, высокопрофессиональный пастух и верный друг. Серсемич лениво удивился тому обстоятельству, что Аржек никак не отреагировал на приближающегося к ним человека. Обычно он мчался незнакомым навстречу, предупреждая взрывкая и останавливая их на подступах к стаду, разрешая движение лишь после команды хозяина. Сейчас он положил на передние лапы голову и прикрыл глаза. «Значит, хороший человек идет, — успокоился Серсемич, подслеповато щурясь в сторону путника. — На Ивана, плотника из Недвиговки, похож». Аржек по-прежнему никак не реагировал, даже не взмахнул хвостом, лишь как-то слишком уж сильно прижался могучим телом к земле. Молодой человек поднялся на вершину, молча кивнул Серсемичу и оглядел окрестности. Пятнисто-желто-зеленая волнистая степь, еще не разбежавшаяся до бескрайности из-за близости станицы, железной дороги и шоссе Ростов — Таганрог, походила на приевшуюся тайну.

— Заблудился, что ли, мил-человек?

— Сам ты заблудился, — усмехнулся молодой человек, присаживаясь возле пастуха на землю, — и притом давно.

— Да уж, — окончательно успокоился Серсемич. — Как родился, сразу же и заблудился, — охотно согласился он с утверждением незнакомца и, со свойственной для селян юга России неосознаваемой мудростью, добавил: — Это со всеми людьми случается рано или поздно.

— Родился? — Молодой человек пристально посмотрел в глаза пастуха и покачал головой. — Умер ты, только не понимаешь этого.

— Оно конечно, — не замедлил обидеться Серсемич, — мы люди простые, от зари до зари в навозе да земле, не видим настоящей...

Но он не успел сформулировать обиду до конца. Аржек несколько раз вздрогнул, поднялся с земли, обошел вокруг сидящих и, остановившись напротив молодого человека, пристально посмотрел ему в глаза.

— Не торопи, — осторожно отпихнул пса юноша, — и вообще это не твое дело.

— Ишь ты! — Серсемич с каким-то испуганным удивлением посмотрел на странного человека, пришедшего к нему из степи. — Вы с собакой словно и не с собакой разговариваете.

Молодой человек усмехнулся и положил руку на голову Аржека.

— Видишь ли, жить в трехмерном мире очень скучно, особенно если ты создан для жизни в шестимерном мире. Поэтому люди так часто недоумевают и иногда вспоминают о звездах. Собаки же, — он потрепал пса за холку, — о звездах думают беспрерывно.

— Да-а, оно конечно, конечно, оно, ну да, это вот оно конечно... — намертво, до меловой бледности, перепугался Серсемич. — Я вот как бы, ну да, тоже вот, — он ткнул пальцем в коров, дремлющих в центре полуденного зноя, — служил полгода в стройбате. А вот, — от страха Серсемич осмелел, — насчет сигаретки «Прима» или так, сигарки какой-нибудь, слабо, а?!

Молодой человек извлек из кармана сторублевую купюру и, сунув Серсемычу, сказал:
— Сходи купи, а я за коровами пока посмотрю.
— Ага, — готовно вскочил Серсемыч, — я мигом. — И, не оглядываясь, почти бегом, заспешил в село, даже не заметив, что выронил деньги.

В этот момент Серсемыч не думал ни о сигаретах, ни о коровах, ни тем более о звездах. Все его помыслы были устремлены к встрече с органами правопорядка. Благо что в селе есть человек в форме, участковый Федюшин, капитан милиции и казачий ротмистр по совместительству.

3

Капитан Федюшин смотрел на двигатель под поднятым капотом своего подержанного «опеля» и задумчиво вытирал вымазанные мазутом руки, когда во двор вбежал пастух Серсемыч.

— Петрович, твою мать, — завопил Серсемыч, бросаясь к Федюшину, — дай скорее сигарету, а то я волнуюсь, как синее море!

Капитан флегматично сплюнул на пробегающего мимо куренка и кивнул головой на салон «опеля»:

— Там, на сиденье, пачка.

Серсемыч подскочил к раскрытой двери, схватил пачку сигарет «Ростов», закурил, глубоко затянулся и, выпуская дым изо рта, сообщил:

— Маньяк.

— Кто? — удивился молодой ротмистр и флегматично пообещал, склоняясь над двигателем: — Ты у меня сейчас тумачков наполучаешь.

— Маньяк в поле, — ткнул рукой в сторону выпаса пастух. — Страшен в своих словах и помыслах. Городской, зараза.

— Говори внятнее, — досадливо поморщился участковый, отрываясь от ремонта.

— Я видел его портрет на доске «Разыскивается преступник» в Неклиновке, — сразу же взял быка за рога Серсемыч. — Это он. Сидит сейчас на моем бушлате, а может, и не сидит уже, а безвинную скотину жизни лишает. Вот, — он показал Федюшину сильно сжатые большой и указательный пальцы, — даже деньги на сигареты дал, лишь бы я пост покинул. Так что бери-ка ты, Петрович, оружие свое и в бой, а я домой за берданкой сбегаю.

— Я тебе сбегаю, — одернул Серсемыча невозмутимый ротмистр, вытирая руки ветошью. — Будешь месяц по-пластунски передвигаться. Пошли. — Он положил ветошь на крыло машины и пошел через огород в сторону выпаса, предупредив пастуха: — Если что, на глаза не попадайся.

— Ишь ты, не попадайся, — сварливо затрещал Серсемыч, еле поспевая за широко шагающим высоким капитаном. — Не по-милиейски ведешь себя, Петрович, я бдительность проявляю.

— Вот я и говорю, — терпеливо объяснил флегматичный ротмистр. — Плеткой огуляю за бесперспективную бдительность.

4

Слава Савоев, именно он и был тем молодым человеком, который до смерти напугал Серсемыча, стоял на вершине холма и смотрел на солнце не щурясь, словно это было яблоко на ветке. Рядом с ним сидел на задних лапах огромный Аржек и смотрел на Славу, глаза у него слезились. Слава Савоев понимал, что с ним произошли какие-то непонятные изменения, но не удивлялся этому, принимал как само собой разумеющееся. В нем действовала бесстрастная, холодная и деятельно-циничная эмоция, не подавлявшая

личность, а просто не обращавшая на нее внимания, позволявшая существовать рядом с собой и делать все, что ей заблагорассудится.

«Интересное сочетание, — отстраненно думал о себе Слава, — союз мента и ангела».

Слава мыслил по-земному, пока еще даже не подозревая, что теперь может мыслить, как элитарный лаоэр, существо, знающее все девятьсот девяносто девять имен Бога во всех девятиста девяноста девяти параллельностях и тоже бывшее Богом, не являясь им.

— Гляди, — изумился Федюшин, — стольник нашел. — Он поднял сторублевую купюру, зацепившуюся за вершину цветущего коровяка.

— И у меня тоже есть, — показал участковому крепко сжатые пальцы Серсемич, — и тоже стольник.

— Придурок, — горестно покачал головой капитан, — ни хрена у тебя нету. — Он не глядя сунул сто рублей в руку пастуха: — Держи, раззява.

Федюшин остановился, сощурился, вглядываясь в человека, стоящего на вершине холма, и решительно зашагал по склону вверх. Человек повернул голову, и капитан узнал в нем старшего оперуполномоченного капитана Савоева из Таганрога, с которым встречался не раз и не два, по делу и просто так, город был рядом.

— Здорово, Савоев! — еще издали закричал Федюшин. — Пастухом решил стать?

— Привет, Федюшин, — удивился Слава, увидев станичного участкового. — На дневную дойку пришел или что?

— Да в основном «что», — хохотнул казачий ротмистр, пожимая руку Славе Савоеву. — Серсемич вот, — он кивнул на заскучившего лицом пастуха, — тебя за сексуального маньяка принял.

— Те чё брешешь, оглобля? — рассердился Серсемич. — Я по другому факту его ошибочно заподозрил.

— Да ладно, — отмахнулся от него участковый, — молчи лучше. Какими судьбами? — спросил он у Славы Савоева.

— Вселенскими, — ответил Слава. — Решил от города отдохнуть, по степи побродить в одиночестве.

— Понятно. Это всегда у городских при сильном похмелье — то в степь, то в море тянет.

Федюшин решил не отягощать себя длительной беседой, попрощался и, развернувшись, пошел в станицу, предупредив сконфуженного пастуха:

— Еще одна бдительность, и я тебя в Донец закину, придурок.

Слава, Серсемич и Аржек остались возле стада и глядели вслед удаляющемуся Федюшину.

— Эх, — вздохнул пастух, — пора коров к реке гнать на водопой и дойку.

— Гони, — равнодушно откликнулся Слава, — а я тут в тишине посижу часок и пойду на электричку, домой.

«Надо все-таки звякнуть в Таганрог, — решил Федюшин, входя в станицу. — Сообщить, что у нас оперативники по степи непонятно зачем шастают».

5

Станица Сущенковская затихла сразу же после полуночи, даже не было слышно шепота и смеха влюбленных. Лишь слегка выпивший Серсемич сидел на бревне в своем дворе, возле давно требующего капитального ремонта саманного домика, и тоскливо смотрел на луну. Он вздохнул, и вместе с ним вздохнул окружающий его мир, то есть лежащий рядом Аржек, положивший свою морду на передние лапы. Серсемич выбросил почти достигший губ окурочек сигареты «Прима» и поднялся с бревна, намереваясь идти спать. Завтра чуть свет предстояло гнать стадо на дальний выпас, чуть ли не до Недвиговки. Опять приезжают

иностранцы, носят их черти, чуть ли не каждую неделю кто-то приезжает, завтра вроде бы французы припрутся. Все из-за этого музейно-археологического комплекса «Танаис», да еще какой-то Тур приезжал из Норвегии и сказал, что казаки — потомки викингов. «А я из-за них, — с досадой плюнул Серсемыч, — хрен знает куда коров гнать должен». Он широко зевнул, глядя на небо, и вдруг увидел, как от того места, где он сегодня пас коров и встретил опера из города, которому забыл отдать стольник, исходит какое-то странное, напоминающее огромный распахнутый веер оранжево-синее свечение. Увидел это и Аржек, вскочил и бросился в сторону свечения.

— Аржек! — попытался остановить собаку Серсемыч, но вздрогнул и тоже пошел в сторону света.

В природе нет черного цвета. Мы называем черным один из оттенков синего. Если при ярком солнце миру показать настоящее черное, то, по всей видимости, он ослеп бы от его яркости. Славе Савоеву, продремавшему весь день, вечер и начало короткой ночи на вершине холма, в полночь захотелось взглянуть в глубину истинной черноты. «Сбесился я, что ли, — начал пугаться самого себя оперуполномоченный, чувствуя, как в его душе шевельнулось нечто совершенно непонятное, — или действительно я такой лихой парень?» Спустившись с холма до середины, Слава остановился, встал на колени и стал разгребать землю. За короткое время он углубился почти на два метра, разодрав руки и посрывав ногти на пальцах, в спрессованную веками землю и наткнулся на большой квадратный камень. Слава разгребал землю, пока не ухватился за низ камня обеими кровоточащими руками. Он напрягся, на лбу вздулись вены, сначала из носа, затем из глаз потекла кровь, мышцы тела взвыли от перенапряжения, но благодаря молодости выдержали, и Слава оторвал присосавшийся к земле камень и сдвинул его в сторону. Под камнем открылось нечто напоминающее склеп, в центре которого инородным телом лежал черный яркий прямоугольник. «Вот и конец мне, — подумал Слава-оперуполномоченный, с трудом спуская в склеп свое надорвавшееся тело. — Вот, значит, какую смерть мне придется принять». И тут Слава-ангел сделал то, что умели делать только древние хазары: запрятал тело внутрь души и лег посередине склепа, опустив окровавленное лицо прямо в центр прямоугольного окошка в мир Агнозии, находящийся на расстоянии ста сорока четырех триллионов световых лет от Земли...

Все-таки мал наш оскорбленный существованием внешнего хаоса ум, ничтожны и примитивны слова, которыми не объяснишь, даже приблизительно, вечно осуществляющуюся надежду, внедренную в абсолют Бога. Как объяснить словами, что бесконечность конечна до бесконечности и что существует форма хаоса, в которой нет ничего, даже пустоты?...

Могущество существа, ворвавшегося в космос Славиного тела, заключалось в том, что оно было аристократически-великодушным и божественно-объективным. Как только использованное и убитое тело Славы Савоева упало окровавленным лицом в центр черного окна Агнозии в хазарской могиле, рядом со станицей Сущенковской, так сразу же под его мертвеющие веки начало проникать потустороннее любопытство миров, клубящихся за ним. Взгляд неумолимого участия, ясно проявившегося по воле существа, расположенного в Славе, стал осматривать уже агонизирующее тело. Реакция потусторонней медицины была мгновенной, словно росчерк метеорита в ночном небе. Амброзианные эолы неведомой людям молодости восстановили разорвавшиеся связки мышц, заменили лопнувшие сосуды головного мозга на более жизненные и выносливые, какие-то сгустки микроорганизмов, напоминающие формой рой пчел, стали ввинчиваться в костно-позвоночный мозг тела, а кровяные тельца, весь невероятно насыщенный информацией мир лейкоцитов, стали наполняться какой-то черной субстанцией. Все тело Славы подверглось ревизии, критике и принципиально-кардинальной модификации. Вскоре он открыл глаза, и в них тягуче и медленно стала вливаться безбрежная, бездонная и густая река космической информации.

Сначала он увидел, как из глубины хазарского заоконья к нему приближается планета, и он узнал Землю. Затем Слава «повертел» перед глазами Солнечную систему, зажмуривая их на ярких защитных пульсациях Юпитера, и не смог рассмотреть его. Потом изучил соседние галактики, но не стал сосредоточивать на них внимание, потому что увидел, как сразу же за прозрачными контурами алой вселенной вспышкообразно родился, заполняя собою все, знак хаоса, и Слава понял, зачем он явился на Землю...

В эту ночь затрепетали в молитве великие раввины ашкеназской каббалы «Шаарей шамалм» («Врата небес»), главной ешивы города Хеврона, древней столицы царя Давида, мистического центра Израиля. И в эту же ночь был прочитан «серебряный текст» из тайной Торы, который в одном-единственном экземпляре хранился у раввина, последователя Виленского Гаона, «мертвого» хасида Аврома Переса. Текст этот был спасителен и одновременно страшен, ибо прозвучало в нем слово «Очищение». Сто сорок четыре тысячи раввинов мира в эту ночь молитвенными свечами затрепетали во всех уголках земного шара в ровном сиянии алого откровения, и лица их стали источать миро. Его источали в эту ночь лица суфийских шейхов, православных архиепископов и старцев, индийских белых монахов Сатья-Юга и черных монахов истаивающего храма Кали-Юга. Миро источали лица великих отшельников Тибета, замерших в пламенном шепоте льющегося из вселенной откровения, и хранителей Чжун-наньхуа, запретного пурпурного города в Китае, могущественных шаманов Тувы, Якутии и сокрытых Будд Монголии. Сто сорок четыре тысячи раввинов, «мертвых» хасидов, молились в эту ночь на земном шаре. Это начиналось освобождение Иерусалима от оккупирующего его атлантизма, и сто сорок четыре тысячи раз звучало слово «очищение». В эту же ночь над всеми хазарскими курганами России, Украины и на Масленичной горе в Израиле видели бликующие облака, которые были похожи на НЛО. В ночь, когда Слава Савоев лежал в хазарской могиле, уткнувшись лицом в мир Агнозии, откуда-то из глубин земли пришла к поверхности зыбь землетрясений, а на «серебряном тексте» тайной Торы, которую читал хасид Авром Перес, выступила кровь. И тогда он сделал то, что умели делать лишь царские хазары: выбросил из своей души тело, и под восходящими потоками родниковой молитвы радости ста сорока трех тысяч девятисот девяносто девяти раввинов Авром Перес, лама Горы, вошел в начало юпитерианской смерти...

6

В эту же ночь, когда самое странное, серебристо-седое море земли, Азовское, лениво отсылало свои волны на берег возле села Нахапетова, входящего в рыболовецкий комплекс АО «Приазовское», и медленно, с легким шепотом, вбирало их обратно, Анастасия Гансовна Волчанская, в девичестве Величковская, супертелохранитель упреждающего действия категории «солнечный убийца», нейтрализатор класса «Черная вдова» по кличке Малышка, любящая жена и заботливая мать, впервые со времен своего детства в станице Георгиевской вспомнила о Боге и перекрестила спящего сына.

— Даже так? — удивился, внимательно посмотрев ей в глаза, Григорий Прохорович Волчанский, нынешний владелец контрольного пакета акций АО «Приазовское», крепкий хозяйственник и грамотный бизнесмен, повысивший уровень жизни жителей трех сел, входящих в АО, почти в четыре раза, а на самом деле «солнечный убийца» по кличке «Улыбчивый».

— Даже так, — кивнула головой Малышка и улыбнулась мужу. — В этом что-то есть. Я почувствовала энергетику.

Отец и мать посмотрели на спящего в кроватке сына. По его лицу пробежали блики сновидений, и он то грозно хмурился, то печально и всезнающе улыбался. Далее произошло то, что могло бы свести с ума любых других родителей, но только не таких, как Малышка и Улыбчивый. Ребенок вдруг открыл глаза, и родители восхищенно вздрогнули, радостно и

самодовольно улыбнувшись сыну. Один глаз у него был черного цвета, и в его глубине угадывалось присутствие зодиакальных созвездий, а другой — аквамариновый, цвета моря. Через мгновение ребенок закрыл глаза, повернулся на бок и вновь уснул.

— Надеюсь, люди скоро вспомнят о своих грехах, — улыбнулся Улыбчивый жене.

— Надеюсь, — эхом откликнулась Малышка...

7

В эту ночь в городе Таганроге Шадская Капитолина Витальевна, преподаватель музучилища, самая оригинальная саксофонистка города, тоже вздрогнула во сне и широко открыла глаза навстречу темноте спальни. Ей показалось, что в соседней комнате кто-то трижды ударил в большой бронзовый гонг, которого там не было и не могло быть. Капитолина Витальевна относилась к чрезвычайно редкой категории тридцатилетних женщин, которых в народе почему-то называют ведьмами, хотя никто толком не знает, что это такое. Не знала о своем ведьмовстве и Капа. Она медленно опустила ноги с постели и, не зажигая свет, вышла из спальни в соседнюю комнату. Так и есть, Капитолина Витальевна в глубине души ожидала этого и не ошиблась. Старинное зеркало в позеленевшей бронзовой оправе, которое она несколько недель назад приобрела при помощи и за деньги Саши Углокамушкина в комиссионном магазине в Гоголевском переулке, отражало в себе луну. «Интересно, — подумала Капа, садясь перед зеркалом, стоящим на бронзовых лапах грифона посередине стола, — почему некоторые старинные зеркала не тускнеют со временем?» Она посмотрела на свое отражение и неожиданно увидела, что в зеркале перед ней не она, а ее призрак, действующий самостоятельно и независимо, ибо, когда она провела ладонями по своим волосам, отражение не сделало этого...

8

...Слава Савоев оторвал свое лицо от хазарского окошка в другое небо, и оно сразу же захлопнулось. Лишь пыльный камень и равнодушную яму, полузасыпанную землей, увидели его глаза. Вставая во весь рост, Слава Савоев как бы по-прежнему был Славой Савоевым, но его удивляло и сбивало с толку хладнокровное знание сути, с которым он смотрел на мир. Новосотворенный Слава вышел из хазарской могилы и увидел рядом с ней... стоящего на коленях Серсемыча, молитвенно сложившего руки и глядевшего на него фанатично-умиленными глазами. По лицу Серсемыча катились слезы. Он возносил молитву восставшему из праха капитану Славе Савоеву. Аржек, словно восторженный щенок, время от времени вставая на задние лапы и воздевая к небу передние, носился вокруг излучающего сияние оперуполномоченного и, судя по всему, был счастлив...

Такого Серсемыч не мог даже представить. Когда он и Аржек стали приближаться к холму, от которого исходило свечение, Серсемыч еще предполагал, что этому можно найти нормальное объяснение типа мощного фонаря с аккумулятором у доморощенных охотников, высвечивающих в ночи зайцев, но когда он подошел к холму почти вплотную, перед ним восстал, словно серафим в свете небесном, его дневной знакомец, и Серсемыч как подкошенный рухнул на колени.

— ...Ангел небесный, — плакал Серсемыч, воздевая к Славе руки. — Возьми меня с собой, заberi из этой юдоли!

— Гав-ав-юю! — выкрикивал носящийся вокруг Славы старый Аржек.

Но Слава был настолько далек от станицы Сущенковской Неклиновского района Ростовской области, что даже не сразу понял уверовавшего в него пастуха, а поняв, повернул к нему лицо, в мягком сиянии постепенно успокаивающихся амброзианных эолов похожее на иконописный, облагороженный скорбью и печальной мудростью лик.

— Посланец небесный, ангел, — шептал потрясенный Серсемич, — возложи на меня руки, отгони от меня судьбину неудачную.

— Я не ангел, — отверг Слава Савоев непривычные для него обязанности, спускаясь с холма, и, проходя мимо пастуха, положил на его склоненную шею руку. — Я мент, старший оперуполномоченный уголовного розыска.

И он на ходу погладил по голове подбежавшего Аржека, оставляя на его шерсти, как и на шее Серсемича, уже начавшие потихоньку истаявать искорки амброзианных эолов. Слава не останавливаясь пошел в сторону ночи, удаляясь все дальше и дальше, и вскоре возле холма остался лишь потрясенный убогий пастух, стоящий на коленях. Огромный пес Аржек заскочил на вершину холма и застыл на фоне звездного неба, глядя вслед ушедшему ангелу. Легкие, едва заметные немногочисленные искорки, оставленные ладонью Славы Савоева на шее, волосах Серсемича и шерсти Аржека, осторожно проникли через кожу человека и собаки и ушли в их тела.

9

Этот день войдет в историю станицы навсегда. Из уст в уста будут передавать жители Сущенковской, близлежащей Недвиговки и даже Синявской о чуде и о странных делах Господа. Долго будут поминать к слову, покачивая головами, о лихом и славном казаке Мишке Трофимове, Михаиле Серсемовиче...

Утро выдалось солнечным. Выгоняли из дворов подоенных коров, и они стекались к пустырю на краю станицы. Задымилась трубы летних кухонь. Раннее утро в селах юга России — разгар рабочего дня, и поэтому бабы, пригнавшие коров на пустырь, возмущались от всей души.

— Ну все, — сказала востроносая, худая и черноволосая, — запил Лушпайка, зараза такая. У него вчера сто рублей было, на десять бутылок самогона.

— Все мужики как мужики, — откликнулась круглолицая, пышная и русоволосая, — пьют по праздникам да вечером, а наш пастух — когда деньги есть.

— Так он рази мужик? — возразила ей востроносая. — Он Лушпайка, не зря же от него Натаха сбежала.

— Черный рот у тебя, Варвара, — осуждающе покачала головой круглолицая, — поганый. Рази можно над убогим издеваться?

— Это у кого черный? — радостно, в предвкушении скандала, затараторила востроносая. — Корова! А сама все на мово Кольку поглядываешь. У, дурища, на кой ляд ты ему, морда у тебя как сковородка, жалелка, тоже мне. Да тебя Витька взял-то, что ты забрюхатела, и дочка твоя, корова, ходит в туфлях порванных. Интересно, куда вы деньги, что наворовали на ферме, деваете? Иди сама коров паси, можа, ты и ночью Серсемича пожалеешь...

Востроносая оборвала монолог и заорала во все горло, ибо стоящая позади спорящих пожилая казачка атлетических габаритов Ангелина перетянула ее хлестко и с оттягом кнутом, которым пригнала своих трех коров в стадо.

— Как тебе не стыдно, Варвара? — упрекнула она востроносую, которая вмиг замолчала, но не от стыда, а от того, что на мгновение потеряла дар речи от неожиданности и гнева. День явно не удался.

— Я!... Я!... Я!... — никак не могла начать атаку на Ангелину обвиненная в бесстыдстве Варвара. — Да я тебя...

Но тут же запнулась, увидев широко раскрытые глаза Ангелины, устремленные куда-то за ее спину. Она резко обернулась и тоже замерла. Непонятная, торжественная тишина, даже коровы перестали мычать, установилась на этом пятачке земного шара. К стаду, со стороны степи, спускался по склону Серсемич, рядом с которым бежал огромный густошерстый молодой пес с умными и странно большими глазами зеленого цвета. У пригнавших на выгон

коров молодая вспыхнул в глазах огонь бескомпромиссной и готовой на подвиг заинтересованности. Застыли с открытыми ртами только что подошедшие на шум участковый Федюшин, муж востроносой Варвары, и ветеринар Осмолко, муж Ангелины. Никто не сомневался, что по склону спускается Серсемич, но это был не он. Викинг, наполненный упругой, стремительной мощью воина, с отчетливым светом мужества в чертах красивого лица шел им навстречу. Викингом, воином, князем, а не Лушпайкой подошел к своим землякам Серсемич, и можно было не сомневаться, что теперь-то он справится с земной юдолью, оседлает капризного скакуна удачи и человеческого счастья, а мы оставим его на время, ибо влекут нас другие дороги, зовут другие судьбы и люди, манят другие миры и тайны...

Глава четвертая

1

— Видите ли, — сказал вернувшийся в свои имя И фамилию Алексей Васильевич Чебрак. — Земле от нас не отвертеться. В мире все меняется, а в современном тем более, и доказательством тому моя «Вспышка», являющаяся не чем иным, как проявлением термоядерного синтеза в теле человека и, что самое забавное, только в женщине.

— Все понятно, — кивнул Волхв, директор ФСБ России. — Дальше понимать уже некуда.

Он впервые столкнулся с феноменально-гениальным безумием Алексея Васильевича и поэтому с молчаливым упреком посмотрел на Веточкина и Стефана Искру, как бы говоря: «Что вы мне подсунули?» — но те делали вид, что все идет хорошо. В кабинете главы ФСБ присутствовали директор СВР, министр обороны вместе с генералом Дождем из ГРУ, министр финансов и, страшно подумать, куратор силовых ведомств администрации президента, Славиков Баскунчак Петрович, более известный в среде силовиков как Бас Петрович, тембр его голоса был похож на шаляпинский.

— Хорошо, «Вспышка» — это понятно даже во втором определении. — Славиков солидно помолчал и поинтересовался: — Ну и что нам приготовили женщины?

Директор СВР переглянулся с руководителем ГРУ. Становилось ясным как Божий день неоправданно высокое финансирование научной программы ФСБ в ущерб финансированию СВР и Министерства обороны, но Дождь отвел глаза, ибо приблизительно знал о деяниях Чебрака и поэтому не торопился с выводами, несмотря на явное безумие ученого, для финансирования работ которого Волхв запросил у Министерства финансов шестьдесят миллионов долларов в год. «Просил бы больше, — мысленно усмехнулся Дождь, — все равно больше миллиона не дадут». Чебрак утверждал, что он обуздал термоядерный синтез без всяких тороидальных магнитных камер наподобие «Токомака У» в Курчатовском центре и что не обязательно сталкивать ядра водорода друг с другом для высвобождения колоссальной энергии, все это можно обнаружить в... — «Прости меня, Господи», — вздохнул Дождь -...женщине определенной и весьма загадочной формации. Одним словом, Чебрак явно нуждался в услугах психиатра.

Игорь Петрович Гляделкин, эксперт РАН, был явно раздражен и разочарован тем, что на столь высоком уровне выслушивается человек, которому место в психиатрической лечебнице. Как и все талантливые ученые, совершившие одно крупное открытие, он считал, что ученые, о которых он ни разу не слышал, не могут быть учеными. «Надо перебираться в США, — принял Гляделкин окончательное решение. — Россия для меня бесперспективна».

— Вы ведете себя, как американский ученый, — хихикнул Чебрак. — Вы недостаточно чувствуете хаос, чтобы понимать меня, и недостаточно изощренны, чтобы стать таким, как я...

— Мы слушаем, слушаем, — благодушно напомнил о себе Бас Петрович и, выразительно посмотрев на директора ФСБ, уточнил: — Тем более что я сегодня же доложу президенту о результатах работы отдела модификаций на бюджетные деньги.

— А все уже сказано, — огорошил присутствующих Алексей Васильевич и, подойдя к демонстрационному столику-тележке, который прикатил с собой, сдернул с него покрывало.

На стерильно-белой поверхности столика стоял куб несовместимого с реальностью черного, живого, как бы шевелящегося цвета, и в глубине этой разгневанной и оскорбленной черноты угадывалось нечто, напоминающее яростный и беспощадный свет. Все присутствующие в кабинете, кроме дремлющего на стуле Стефана Искры, замерли и поняли, что беспощадный свет в разгневанной черноте не принадлежит земному миру, он где-то в непредставимой запредельности. А Игорь Петрович Гляделкин проникся к Алексею Васильевичу симпатией, осознав вдруг, что он такой же маленький десятисантиметровый айрини.

— Алексей Васильевич, — добродушно и вместе с тем начальственно произнес Волхв. — Объясните досконально, что это такое, люди ведь не подготовлены к восприятию вашего открытия, как мы.

— Конечно, Михаил Григорьевич, — вежливо поклонился Чебрак своему начальнику и, указывая рукой на излучающий запредельную энергию куб, сказал: — Если это выйдет из-под контроля, оно уничтожит Солнечную систему, а сейчас способно заменить собой все атомные и обыкновенные электростанции земного шара на протяжении нескольких тысяч лет.

Алексей Васильевич насмешливо и даже пренебрежительно стал обводить взглядом лица властных и неординарных людей, находящихся в кабинете. В душе ученого звучала величественная музыка гордыни, но неожиданно он вздрогнул, столкнувшись взглядом со Стефаном Искрой, и ощутил себя слабым, никчемным и маленьким. «В чем дело, что случилось? — заметалась в нем пугливая мысль. — Я же его фактически создал и, видит Бог, совсем не таким». Он почувствовал себя ущемленным и несчастным, ибо привык доверять своему собственному чувству, а оно ему говорило, что перед Стефаном Искрой его интеллект почти ничто.

2

Отдел модификаций, несмотря на иронию Баса Петровича, на деле сумел стать основным отделом ФСБ России. Все остальные структуры, официальные и не очень, работали на него.

— ОМ, — сразу же после удачной демонстрации достижений отдела сказал Волхв Тарасу Веточкину и Стефану Искре, — должен работать так, как будто это Соединенные Штаты Америки.

Нельзя сказать, что руководитель ОМа и его начальник отдела кадров удивились словам директора ФСБ, но Тарас Веточкин на всякий случай поинтересовался:

— Вы имеете в виду размер нашей зарплаты в долларах или запрещаете брать на службу курящих и уступающих места женщинам в метро мужчин?

— Разве в Москве есть и такие подонки? — удивился последнему Волхв и, отключив правительственную связь, чтобы не мешала беседе, продолжил: — Соединенные Штаты — государство, действующее в стиле вампир, оно высасывает со всего мира идеи, жизнь, душу, пророчества, нефть, полезные ископаемые и делает из этого кофе без кофеина, сахар без сахара, женщин с силиконовыми грудями и мужчин, мечтающих превратиться в женщин. Я уже не говорю о том, что они собираются лететь на Юпитер, проводить модификационные опыты по геноконструированию нового человека-киборга и забодали весь мир своими долларами. Флаг им в руки, одним словом, молодцы, — похвалил Волхв Америку. — Но Россия на всякий случай должна иметь что-то наподобие маленьких тисков, чтобы при

надобности и по-приятельски, — уточнил глава ФСБ, — можно было зажать в них американцев. А то...

Тут на столе Волхв мелодично затренькал городской телефон. Так как по городскому телефону могла звонить только жена, он взял трубку и дипломатично спросил:

— Это кто?

— Я, — ответил ему гулкий, словно космическое эхо, голос, — Бог. — И сразу же в трубке раздались обычные земные гудки.

— В общем, — Волхв положил трубку и завершил инструктаж, — вы должны действовать как США, но эффективнее. Самые умные люди, глобальные открытия, выгодные тайны, продуктивные идеи и хорошие деньги для их претворения в жизнь должны стекаться в наш ОМ.

— И деньги, конечно же, не бюджетные? — решил уточнить Веточкин, хотя знал ответ.

— Конечно, нет, — строго посмотрел на него Волхв. — Я же сказал, все как в США, то бишь в ЦРУ. — И он широко улыбнулся, давая понять, что разговор окончен.

3

Оставшись в кабинете один, Волхв согнал с лица улыбку и с возмущением взглянул на телефон. В кабинет заглянула секретарша.

— Михаил Григорьевич, к вам из ГРУ, космонавты.

— Давайте. — Волхв щелкнул тумблером, переключаясь на кодированную связь «Миус».

— Михаил, — услышал он низкий настороженный голос начальника службы космической разведки, своего старинного приятеля полковника Грюнвальда. — У меня к тебе нетелефонный разговор.

— Да ладно тебе, — успокоил его Волхв, — вполне телефонный. Ты же не из иностранного посольства звонишь?

— Ну ты скажешь, — перепугался Грюнвальд. — Я на «Миусе».

— Тогда говори.

— Слушай, — настороженно прокашлялся полковник, — тебе по игрушке звонили?

Игрушкой назывался телефон, «подключенный» к миру лучом «Ольга».

— Звонили, — ответил Волхв, — угрожали, и весьма авторитетно.

— Слушай, штатовский «Полет эльфа» еще вчера сверзился с орбиты, что-то там у них замкнуло, и ляпнулся в Австралии, а наша «Ольга» ушла в свободный полет, мы ведь не отключали ретрансляторный универстикс.

— Ну, — насторожился Волхв, — дальше.

— Ты же знаешь, я обязан игрушку слушать во время соединения.

— Ну, — поторопил его Волхв, — дальше.

— Так вот, — прокашлявшись, осторожно сообщил ему Грюнвальд. — Звонить тебе мог только он.

— Кто? — впервые в жизни растерялся Волхв.

— Бог, — уверенно сказал Грюнвальд, и по его голосу можно было понять, что он взял в руки чашку горячего чая с ромом и с удовольствием сделал первый глоток.

Словно чудная космическая «лампочка» включался и выключался внутри Стефана Искры безмерно-расчетливый, оперирующий какими-то неизвестными головокружительными формулами понимания мир. Мир страшной и беспощадной доброты. Буквально несколько минут назад, во время встречи с Чебраком, когда «лампочка» другого понимания неожиданно вспыхнула в нем, он, вместо того чтобы почувствовать удивление, ощутил рост и трансформацию нервных волокон галапагосской гигантской черепахи, вживленных ему в печень Алексеем Васильевичем Чебраком. Они адаптировались к ней и

изменили ее функции не только в лучшую, но и в более сложную сторону. В печени Стефана Искры развилось чувство океана. Объяснить он этого не мог, но, даже сидя за рулем автомобиля и сворачивая с Цветного бульвара на Малую Сухаревскую улицу, знал, что в данную секунду в районе волнистой низменности Атлантического океана, на которой расположена цивилизация нен, контактирующая с планетой Тъиви, приближенной к звезде Сириус из созвездия Большого пса Южного полушария, родилось седьмое свечение эфирной волны, высшее и последнее достижение цивилизации нен, и поэтому она, просуществовав семьдесят миллионов лет в режиме стабильного процветания, самоликвидировалась, выполнив свою миссию. Это почему-то радовало Стефана Искру и его галапагосскую печень. А также свет космической «лампочки» позволил ему увидеть в Алексее Васильевиче то, о чем тот сам не ведал: гибкую и высокоорганизованную интеллектуальную волю глубинного народа айрини, вздумавшего вытащить планету Земля и ее вынужденных обитателей из пут хорошо продуманной и безукоризненно осуществленной Катастрофы нахлеста времени на безвременье и внедрения чрева жизни в чистую радость Смерти. Айрини хотели это сделать против воли существ, пришедших из клио-вселенной и планетарно-блуждающего облака Рааай. Еще Стефан Искра точно знал, что Бог есть, но не такой, каким его представляют на Земле. И действительно ему нравилось, удивляло и восхищало то, что и при «включенном» свете, и без него он как был, так и оставался, теперь уже без отклонений в УЖАС, чекистом и солдатом.

Тарас Веточкин сидел за столом и разговаривал по телефону. Увидев заглянувшего в кабинет Стефана Искру, он помахал ему рукой, сообщил в трубку:

— Стефан, — и передал ее Искре: — Хромов на проводе.

— Здравствуй, полковник, — поздоровался Стефан Искра. — Мне сказали, что вам никто не пишет.

— Здравствуй, генерал, — хмыкнул Хромов. — Я опер, а оперу в России пишут все, когда петух в одно место клюнет.

— Давно не виделись, полковник, — не выходил из роли Стефан Искра. — Есть о чем поговорить.

— В двадцать ноль-ноль у меня, — коротко бросил Хромов. — Жена в Севастополе у сына.

— Есть, в двадцать ноль-ноль.

— Кстати, — заявил Веточкин Хромову в трубку, — пока вы там в домино круглые сутки режете, ФСБ работает.

— Кто тебе это сказал? — не на шутку изумился Хромов.

— Оперативник, — Веточкин взял со стола папку и потряс ею в воздухе, как будто бы Хромов мог его видеть, — по фамилии Андреев. — Он помедлил и уточнил: — Фамилия в интересах следствия изменена.

— Хороший псевдоним, как у моего тезки-писателя, — похвалил неведомого оперативника Хромов и поинтересовался: — Видимо, опять карманника по дороге на службу задержал?

— Почти, — согласился Веточкин. — Пиво пил вместе с господином Литовченко Сергеем Ивановичем в Самаре.

— Прямо так, — удивился Хромов, — с самим Сержем Липецким, застрелившим Колюню Песочного и Тимура Иркутского, а также жажнувшим из пистолета «беретта» своего подельника Хосу Кутаисского, чтобы не делиться с ним бабками, взятыми в обменном пункте на Кутузовском, где они убили кассира и охранника, и вот так в Самаре и пиво, да?

— Представляешь, — тоже удивился Веточкин, — какие у нас оперативники неразборчивые: пьют пиво с кем попало, вместо того чтобы делом заниматься. Он даже... — Веточкин раскрыл папку и стал перебирать бумаги, — адрес его берлоги в Самаре указал. Вот: Соколовский переулок, 28, частный сектор, сплошные проходные дворы. Может,

подождать, пока он в более или менее приличный район переберется, с хорошими подъездными путями?

— Это пустяки, — отмахнулся Хромов. — Нам зарплату резиновыми сапогами выдали. Сейчас хлопцы партию в домино закончат, сапоги натянут и сбегают. Самару посмотрят, заодно и Сержа на Москву посмотреть пригласят.

— Это конечно, — согласился Веточкин. — Самара хорошо, а Москва так и вовсе бы глаза не глядели. Да, чуть не забыл, вы Сержа к нам, по дороге в МУР, заведите на пару минут, а то Андрееву не с руки было его приглашать. В Сочи парнишка спешил, море хотел увидеть.

— Все вы там на Лубянке прохиндеи, — печально заключил Хромов, — любите жар руками сыщиков загребать. Кстати, — оживился он, — тебе фамилия Кузьков, Коперник Саввич, ни о чем не говорит?

— Леонид Максимович, — сразу стал серьезным и официальным Тарас Веточкин, — с этим по телефону нельзя. Когда встретимся?

— В двадцать ноль-ноль, — напомнил ему сидящий в кресле Стефан Искра.

— У меня на квартире. Я сейчас Миронову тоже позвоню, — уточнил Хромов.

— В девятнадцать пятьдесят девять, — безапелляционно заявил Веточкин и положил трубку.

4

Заместитель Генпрокурора, куратор правоохранительных органов Южного административного округа России, государственный советник юстиции высшего класса Миронов Сергей Антонович говорил по телефону:

— Если у нас полностью извести коррупцию, то Россия будет называться не Россией, а Германией. Я знаю, что говорю, я историк, в смысле юрист, и авторитетно заявляю, что, если бы в России не было коррупции, мы не победили бы централизованное наступление масонов в лице Наполеона и Гитлера. А если бы у нас не воровали, а? Если бы все было тип-топ? Где бы мы были, я спрашиваю, если бы привыкли к изобилию, удобству и хорошим дорогам? Вы можете представить наших солдат, протестующих против отсутствия туалетной бумаги и дезодорирующих гимнастеров во время войны? У нас воруют лишь с любовью к родине. Если бы не коррупция, — Миронов поднял палец и ткнул им в сторону пола, — мы бы уже давно были в безлико-синтезированной семье государств Шенгенского соглашения и шли бы в смертельный капкан глобализации с гордо поднятой головой. Все.

— Я тоже так думаю, — сообщила Миронову голосом Генпрокурора телефонная трубка. — Все, и никак иначе. С сегодняшнего дня вы в отпуске.

— А с кем это я говорю? — всполошился Миронов, приподнимаясь в кресле. — Бросай шутить, Ниточкин.

— Успокойтесь, Сергей Антонович, — вновь заговорила трубка голосом Генпрокурора, — это я, ваш дорогой начальник. Отдохнете, полечитесь, а там посмотрим, куда вас лучше послать на пенсию по инвалидности. — Дипломатично отстранив Миронова от юридической карьеры, Генпрокурор отключил связь с его кабинетом.

— Подставила? — сурово спросил Миронов у трубки, держа ее перед лицом на расстоянии вытянутой руки. — Тварь безмозглая.

Он аккуратно, с каким-то нежным отвращением, положил трубку на место. Вышел из-за стола и стал ходить по кабинету, заложив руки за спину и напевая лицемерную песню обосновавшихся в Москве провинциалов: «...Ах как хочется ворваться, ах как хочется вернуться в городок...» Если бы все провинциалы осуществили это желание, то в Москве остались бы одни домашние животные, тараканы и закон о регистрации иногородних граждан.

Миронова действительно подставили. Его вызвал на телефонный разговор о масонах и

коррупции прямо из кабинета Генпрокурора, по его указанию, делопроизводитель Ниточкин, с которым Миронов иногда играл в шахматы после службы, а выслушивал его монолог сам Генпрокурор, до которого дошли слухи о неадекватности Миронова. В последнее время об этом уже говорили не таясь. Миронов и сам чувствовал, что с ним не все ладно, и даже получал от этого удовольствие. После нейтрализации биочипа, вживленного ему в мозг Алексеем Васильевичем Чебраком, к нему стали возвращаться дооперационные странности, но не отягощенные головной болью. Чебрак таки был великим доктором, и, прежде чем вживить экспериментальный биочип, он удалил опухоль... В кармане Миронова, отрывая его от дум, затрещал мобильник.

— Привет, — буркнул Хромов. — Как дела?

— Меня сняли с должности, — пожаловался Миронов и уточнил: — Ни за что.

— Это хорошо, — успокоил его Хромов. — Там скоро всех снимут, включая Генпрокурора. Сегодня у меня дома в двадцать ноль-ноль собираемся. Разговор есть. Придут Веточкин и Стефан Искра.

— Ну да, — согласился Миронов. — Приду, конечно.

Судя по безмятежному выражению лица, Миронову действительно было наплевать, сняли его с должности или нет, что косвенно подтверждало его психическую неадекватность и прямо указывало на правоту Генпрокурора, отстранившего его от должности куратора в частности и предполагавшего отстранить его от юридической деятельности — в общем.

5

Веточкин и Стефан Искра остановились возле исторического гастронома России и почти одновременно посмотрели на часы. Было 19 часов 10 минут.

— Нужно что-нибудь купить, — предложил Веточкин, — коньяк, например.

— Да, — кивнул головой Стефан Искра, — коньяк.

Покинув салон скромного «жигуленка» красного цвета, они направились в гастроном. Вокруг них был центр Москвы, наполненный энергетикой бессонницы, которая приснилась крепко спящему существу Иальт, настоящему покровителю Москвы, но Москва об этом не знала. «И не узнает, — решил Стефан Искра, — если я не скажу». Существо было субтильно-белесой формы в стиле спирального, мозаично-агрессивного секси. Оно имело прямую связь со звездой второй звездной величины Альфард из созвездия Гидры и осуществлялось в Москве под видом частичной женщины пульсирующе-фаллосной ориентации. Если на Москву взглянуть с высоты космоса глазами горной волосатой гадюки Нкуб, кошмара Кордильер или, на худой конец, через прибор «Боярушка» новосибирского НИИ неовизуальной космогонической оптики, можно увидеть красновато-серебряную, горизонтально раскинутую, светящуюся паутину. Глаза волосатой гадюки Нкуб могли бы видеть, что все действующие женщины Москвы, точнее, их параллельные двойники, нанизаны на один красновато-серебряный гибкий луч, они как бы сидят на нем верхом, свесив ноги, и слегка напоминают бусинки орнаментального ожерелья на раскаленной вольфрамовой нити. Существо Иальт, покровитель Москвы, было субстанциионным вампиром диффузно-туманной нежности. Стефан Искра не считал Иальта достойным внимания. По его мнению, в Солнечной системе все, исключая Юпитер и Луну, да и то она была не от Солнца сего, не заслуживало особого внимания. Вот если только...

В это вечернее время зал знаменитого гастронома был многолюден. Мало кто знает, что центр Москвы — излюбленное место прогулок эмпирически-вдохновенных женщин, очень опасных для обыкновенных людей, очень проникательных и по-настоящему, разнузданно, свободных. Эмпирически-вдохновенные москвички, а попросту ведьмы, принадлежали другой, странствующей звезде, Лисоокой Ундине, которую астрономы Земли фиксируют то как звезду второй звездной величины Кастор из созвездия Близнецов, то как звезду второй звездной величины Беллатрикс из созвездия Орион, то как звезду второй

звездной величины Денеб из созвездия Лебедь, и, видимо, будут открывать ее, как новую звезду в новых созвездиях, до тех пор, пока существуют звезды и полюбившие их астрономы. Аолиэтный лаоэр Стефан Искра воспринимал эмпирически-вдохновенных женщин как своих подданных, ибо сине-оранжевая Лисоокая Ундина была отправлена в путь из его пронизывающего все миры мира. Проявляя к ведьмам равнодушную благосклонность, он подарил им встречу с собой и на это время перестал считаться со Стефаном Искрой, супертелохранителем и сотрудником ФСБ. Аолиэтный лаоэр открыл ведьмам «свет своих очей», и они сразу же синхронно повернули в его сторону головы со всех сторон гастрономического зала и, раскинув руки крестом, пошли к снопу света, возникшему в виде стелы посреди зала, в который обратился лаоэр Стефан Искра, теряя по пути сознание. В центре этого чистого луча был виден, словно застигнутый врасплох, фантом леопарда, выдавленный из забвения и мышечно-нервной ткани, вживленный в тело Стефана Искры Алексеем Васильевичем Чебраком...

Оказывая милость своим звездным подданным, аоэлитный лаоэр проигнорировал земные обстоятельства. А они были весьма шумными. На пульте дежурного по городу обрушился шквал вызовов. «Вооруженные бандиты осуществляют массовый грабеж Елисеевского! Там огонь и смерть!» — зывали звонившие. В гастронOME в срочном порядке был отправлен отряд ОМОНа.

— Господа, тихо! — орал Веточкин на омовцев с автоматами, держа в одной руке взведенного «мишеньку», а в другой удостоверение генерала ФСБ. — Это наш сотрудник в режиме эксперимента.

— Надо дома, в своих лабораториях испытывать! — таким же ором огрызнулся примчавшийся на ЧП замминистра внутренних дел Окоемов. — Ничего себе эксперименты в центре Москвы! — Но команду «отбой» омовцам все же дал.

— Это накладка, — словно издалека донесся до Стефана Искры голос Веточкина. — Можно подумать, у вас не бывает.

— В чем дело? — спросил Стефан Искра. Ему казалось, что он только что вынырнул из моря. — Война, что ли?

— Ага, — раздраженно и обрадованно воскликнул Веточкин, с тревогой глядя в лицо друга, — война! — Он вытер пот со лба и уточнил: — Ядерная.

6

Окончательно вышедший из режима «включенного света» Стефан Искра стал внимательно оглядывать зал гастронOME. На полу в разных концах зала лежали упавшие в обморок женщины с раскинутыми в стороны руками и устремленными в потолок испуганно-влюбленными лицами. Лишь юная продавщица из отдела чая лежала поперек прилавка, слегка повернув лицо вбок. Между лежавших женщин ходила старуха, которой на вид было где-то от ста двадцати до ста двадцати пяти лет, и, восхищенно цокая языком, разглядывала их. Время от времени она поднимала голову и пристально смотрела в сторону Стефана Искры, показывая ему поднятый кверху большой палец, демонстрируя свое уважение и восхищение. За старухой ходил здоровенный омовец и, боясь до нее дотронуться, строгим голосом канючил:

— Бабуля, ну свали отсюда, ради Бога, а то как дам пинка, будешь неделю спутником Земли работать. Нельзя тут посторонним находиться, сколько раз тебе говорить.

Но старуха не обращала на него никакого внимания, продолжая цокать языком и демонстрируя Стефану поднятый вверх большой палец. С улицы слышались звуки сирен «скорой помощи». Сквозь плотный слой начальства и омовцев продирался полковник Хромов.

— Зачем ты их застрелил, Тарас? — деловито спросил пробившийся Хромов, кивая на разлегшихся в зале дам. — Да еще в таком людном месте? — Он с интересом посмотрел на

юную продавщицу, начавшую подавать признаки жизни, выраженные легкими движениями из стороны в сторону. — Места другого не нашел?

— Леонид, что ты несешь? — укоризненно возмутился Веточкин. — Это не я, они сами.

Две бригады «скорой помощи» уже сустились возле женщин. Веточкин отметил, что дамы были сочно-активного возраста, и для приведения их в чувство хватало нашатырного спирта на ватке. Юный фельдшер, не зная, как подступиться с ватой к носу юной продавщицы, лежащей поперек прилавка, крутился возле нее и в конце концов потянулся к лицу, но поскользнулся и упал, успев в падении поднести ватку к нужному месту. Реанимированная девушка задвигалась так активно, что поднявшийся было фельдшер вновь упал на нее, судорожно схватившись руками за талию. Бедная девушка, почувствовав на себе тяжесть недвусмысленного мужского тела и не видя, что она защищена от насилия целым взводом омоновцев, звонко закричала и ринулась в сторону своего рабочего места. Вместе с ней зашевелился и сконфуженный фельдшер, и они вдвоем сползли с прилавка на большие бумажные пакеты с развесным китайским чаем. Дикий хохот, вырвавшийся из двух десятков молодых омоновских глоток, заставил витринные стекла опасно задрожать.

— Знаете что? — сердито тараша глаза на троицу друзей, произнес Окоемов. — Быстрее исчезайте. А вы, полковник, — он кивнул головой Хромову, — снимите с них подробные показания и завтра предоставьте мне. Думаю, — Окоемов почесал затылок, — завтра все доложат министру. — Но, тут же спохватившись, уточнил: — Думаю, что я сам же и доложу. Так что исчезайте!

Тарас Веточкин, Стефан Искра и прикрывавший их с тыла Хромов, под удивленные взгляды омоновцев и уже не лежащих, а сидящих на полу зрело-активных дам, направились к выходу из гастронома с видом покупателей, разочарованных в ассортименте товаров. Уже на самом выходе Хромов оглянулся, встретился взглядом с пристально-благоговейными глазами старухи и удивился. Старуха показывала ему поднятый вверх большой палец, мол «все хорошо, полковник», и глаза у старой перечницы были большие, молодые и чувственные.

— Не смотри, — дернул его за рукав Стефан Искра. — Ты не я, она тебя убьет в одну секунду.

— Кто она? — удивился Хромов.

— Актонидия, московский инкуб, — ответил Стефан Искра, — сгустившееся привидение.

— А ну повтори, — заинтересовался Хромов. — Я такой кликухи не слышал, гастролерша, что ли?

— Ну, ты даешь, полковник, — укоризненно посмотрел на Хромова Тарас Веточкин и сел на водительское место. — Будто не знаешь, что Москва без привидений как Питер без белых ночей.

7

После трехчасового совещания в Кремле, которое проводил президент России, директор ФСБ вернулся в рабочий кабинет и углубился в изучение «аналитической записки», составленной по результатам работы Службы внешней разведки, Главного разведывательного управления МО и службы «Аккор» ФСБ за последние две недели. Внимательно изучить записку посоветовал сам президент.

— Появилась новая сила, — предупредил он разведчиков. — Постарайтесь ее понять и определить качество, все слабые и сильные стороны...

Волхв придвинул к себе папку с аналитикой и углубился в чтение. Аналитические выкладки разведки в корне отличаются от обобщенной, упрощенной и некачественной аналитики средств массовой информации. Они пестрят частностями, деталями,

предположениями, несистематизированным фактическим материалом, а то и просто цифрами, формулами и шизоидными теориями отдела по связям с наукой возглавляемого им ведомства. Этот отдел неафишированно вел академик Корзун, лауреат Нобелевской премии.

Начало записки неприятно удивило Михаила Григорьевича. Она начиналась с информации МВД. Это было слишком и слегка напоминало щелчок по носу.

«МВД России: Савоев Вячеслав Иванович был объявлен в розыск как пропавший без вести при загадочных обстоятельствах Таганрогским уголовным розыском. Его автомобиль обнаружили брошенным неподалеку от станицы Сущенковской, в которой расположен историко-археологический музей «Танаис». Первые сообщения о Савоеве поступили от местного участкового капитана Федюшина, встретившего Савоева бродящим по степи без цели и смысла. Позднее появились предположения, что какая-то цель все-таки была, но в чем она заключалась, выяснить не удалось. После проведенного расследования установлено, что капитан Федюшин и все жители станицы Сущенковской подверглись мощному психологическому воздействию. Они утверждают, что житель станицы, некий Трофимов Михаил Серсемович, до встречи в степи со старшим оперуполномоченным Савоевым был ущербным, с элементами всесторонней инвалидности, человеком, а после встречи с ним обрел завидную физическую мощь и яркие интеллектуальные способности. Якобы (со слов потерпевшего Трофимова М. С.) после наложения на него рук Савоевым он понял, что у него в области сонной артерии и лобной части головного мозга расположены сжатые рукой Бога скопления галактик из закрытой звездной системы Смерть и что на Земле живут уже однажды умершие на Юпитере люди, которые там именовались богами, изгнанными из божественного мира. Несмотря на явные признаки психического заболевания, станичный пастух в совершенстве владеет французским языком, и прибывшая в «Танаис» группа ученых из Сорбонны не отходила от него ни на шаг, конспектируя его рассуждения об истории Приазовья и недопустимости археологических раскопок хазарских курганов, а жена французского ученого Мирабеля Кюсе, Анет Женьев, все время прижималась к Трофимову грудью и приглашала в Париж. На всякий случай оперативниками Басенком и Баркаловым Трофимов задержан и подвергнут экспресс-освидетельствованию в психиатрической больнице Дарагановка. Главврач больницы, Хрущ Екатерина Семеновна, заявила, что определяет его в стационар, ибо, по ее мнению, он сексуальный маньяк. Но санитар, бывший главврач больницы Левкоев, успел шепнуть старшему оперуполномоченному Баркалову, что Хрущ сама нуждается в длительном стационарном лечении, а Трофимова лучше всего оставить в покое. Что и было сделано...»

Волхв оторвался от чтения, взглянул на часы и вызвал секретаршу.

— Какие новости? Докладывайте.

— Кошмар какой-то! Оперативная группа отдела поиска опять накрыла торговца секретами в поселке Полярном под Мурманском. Он членкор, разработчик торпеды «Риф», и утверждает, что передавал зарубежному корреспонденту материалы, опубликованные в российской прессе. Стервец рогатый, за дураков нас держит. В российской печати сообщают: «Ученые России создали новый тип противолодочной торпеды «Риф», а он передает корреспонденту «Вашингтон пост», по совместительству майору ЦРУ, все данные о начинке «Рифа», и так всегда, вот уже третий случай.

— Что еще? — нетерпеливо перебил ее Волхв.

— ОМ устроил скандал в гастрономе на Тверской, — смущенно улыбнулась секретарша. — Наш Стефан Искра весь из себя такой феноменальный. Московские ведьмы, я их почти всех знаю, постоянные клиентки гастронома в это время, приняли его за леопарда, своего покровителя. Служба сопровождения, приставленная к ОМу, утверждает, что под его звериное обаяние попала даже одна актонидия, инкуб из 1917 года, бывшая балерина.

— Довольно, — откинулся в кресле Волхв и протестующе выдвинул руку ладонью вперед, — ни слова об ОМе. Там есть Веточкин, пусть он и занимается этим. — Волхв снова потянулся к «аналитической записке». — Вы свободны, Анна Сергеевна, спасибо. — Секретарша направилась к выходу, но Волхв, будто вспомнив что-то, остановил ее. — Анна

Сергеевна, вы знаете что-нибудь о сжатых галактиках в теле человека?

— Конечно, — улыбнулась секретарша, поправляя очки «анаконда» кончиками пальцев. — Они находятся здесь, — она прикоснулась длинными, изящными пальцами ко лбу, — и здесь, — показала на шею в области сонной артерии.

Открывая дверь в приемную, Анна Сергеевна грустно улыбнулась каким-то своим мыслям и тихо прошептала:

— Очень жаль, конечно, что мы уже умерли на Юпитере.

8

Волхв продолжил чтение «аналитической записки». Если предыдущая была посвящена делам земным, жестоким и кровавым, связанным с ростом террористических тенденций в мусульманском окружении России и внутри ее, то эта была посвящена чудному свету ослепительной тайны.

«ГРУ МО России: Технической службой проверено сообщение МВД России о возможном психологическом воздействии на жителей станицы Сущенковской. К нашему удивлению, в районе этой станицы, на территории, примыкающей к археологическому заповеднику, действительно обнаружено тау-излучение парадоксальной концепции. И наша консультативная коллегия настаивает, что тау-излучение такой концепции может возникнуть лишь в том случае, если Атлантический и Тихий океаны «сжать» до величины атома водорода, поместить в замкнутую антивакуумную сферу и взорвать. Только в этом случае может возникнуть фон, аналогичный обнаруженному нами в станице Сущенковской. После заключения консультативной коллегии были задействованы группа «Рысь», оперативно-ликвидаторского класса, и группа «Окно» Службы космической разведки, диагностического класса, применившие системоаномальный прибор «Ласточка». Группа «Рысь» после автономного расследования причин исчезновения старшего оперуполномоченного Савоева Вячеслава Ивановича пришла к выводу, что в этом деле нет уголовных мотивов, поэтому все действия МВД, предпринятые по поиску Савоева В.И., прекращены, засекречены и приняты нами к производству. Житель Сущенковской Трофимов М. С. обследован прибором «Ласточка», который показал, что он действительно был подвергнут странному воздействию тау-излучением биологического вида. Если поверить, что это действительно так, мы имеем дело с явлением внеземного происхождения... Савоева В. И. необходимо обнаружить и отслеживать дальнейшие его передвижения всеми имеющимися возможностями государства, включая космические силы, не считаясь с затратами, но при этом ни в коем случае не пытаться каким-либо способом воздействовать на него. Группа «Рысь» полностью ориентирована на поиск капитана Савоева. Дело усложняется тем, что группа «Окно» обнаружила через спутниковую разведсистему «Сестрорецк-8» растущую мощную аномалию неизвестного происхождения с присутствием тау-излучения той же концепции, что и в станице Сущенковской, в районе села Нахапетово на берегу Азовского моря. Такая же аномалия зафиксирована «Сестрорецком-8» и в пустыне Аризона в одноименном штате США. Там находятся подземные ангары комплекса «Янки», где проводятся работы по созданию космического межпланетного корабля «Хазар». Судя по хаотичному диапазону аномалии, несмотря на всю бредовость этого вывода, она воспроизводится в одном человеке, и, следовательно, этот человек является носителем силы невероятного для Земли масштаба. Как ни странно, прибор «Ласточка», установленный в административном блоке на Хорошевском шоссе, зафиксировал растущую аномалию вышеназванной природы и у нас в Москве. Аномалия своей амплитудой чаще всего задевает здание ФСБ на Лубянской площади, что само по себе обнадеживает руководство ГРУ, и оно с нетерпением ждет более полную информацию по данному делу от руководства ФСБ...»

«Наша информация, — меланхолично подумал Волхв, переворачивая лист и приступая к чтению следующего, — называется "дуля с маком"».

«Служба «Аккор» ФСБ России: По данным запросам ГРУ о растущей грандиозной аномалии с признаками тау-излучения неземного происхождения в здании ФСБ на Лубянской площади ничего сообщить не можем, но можем посоветовать руководству ГРУ вести здоровый образ жизни, не пить много кофе, рано ложиться спать и рано вставать».

«Ни фиги себе «аналитическая записка», — удивился Волхв. — Это получается, что ее составители в администрации президента специально не отредактировали текст? Дали понять, что мы не делом, а склокой занимаемся, так, что ли? Ждите, так я и выдам для всеобщей «аналитической записки» нашу сокровенную информацию. Президент знает, и доволен».

Волхв довольно усмехнулся и нажал на клавишу:

— Анна Сергеевна, где у нас сейчас Веточкин и аномальный Стефан Искра?

— На квартире у муровского полковника Хромова, мешают коньяк с водкой, идиоты, — доложила секретарша.

— Спасибо, — поблагодарил ее Волхв. — Можете идти домой, я еще поработаю.

9

Слава Савоев в своем нынешнем состоянии обрел статус бесподобности. Что это за состояние, объяснить можно, но понять вряд ли. Слава тоже не понимал, но чувствовал, что может не обращать внимания ни на какие земные обстоятельства, они сами стали к нему приспосабливаться, ибо у аолиэтного лаоэра не было земной судьбы, не было обязательств перед энергией вриля (энергия Вселенной), насыщающей все примитивные параллельности, дублирующие земную жизнь методом постепенного усложнения и доведения до шестимерности. Слава Савоев мог понимать Абсолют, в одном кубическом метре которого сокрыт энергетический потенциал, равный мощности взрыва сорока триллионов ядерных бомб звездного вещества апль, сгустки которого обитают в толще Атлантического и Тихого океанов. Там же, на дне океана, осуществляется цивилизация илли, существ которой аолиэтный лаоэр Слава Савоев пренебрежительно уважал. Илли, приспособившись к энергии звездного вещества апль, обрели такую форму отстраненного осуществления, что, вспыхни и исчезни Солнечная система, они по-прежнему плели бы тягучую нить совершенства, не заметив случившегося. Илли настолько самодостаточны, что даже не замечают Вселенную, и поэтому Вселенная не знает об их существовании. Обычная судьба звездных систем. В бесконечности они никому не нужны, они самодостаточны, их нет, но...

Слава Савоев, старший оперуполномоченный, открыл дверцу «Мерседеса-200» рядом с водителем и, повернув к нему голову, сказал:

— Спасибо, дружище, меня только до Ростова подбрось, а далее я сам доберусь.

— Ага, — кивнул мужчина, похожий на предпринимателя средней руки, и, открыв дверцу, попытался выброситься из автомобиля, мчащегося на большой скорости.

— Стой! — перепугался Слава, хватая водителя за плечо одной рукой, а второй удерживая руль. — Ты солону забыл подстелить. — Он без усилий втянул мужчину в салон и заодно захлопнул дверцу, ручку которой судорожно сжимала рука неудавшегося камикадзе. — Думать надо, — упрекнул Слава мужчину. — Не успел бы об асфальт шмякнуться, как на колеса «КамАЗа» намотался бы, что за нами следует. Кошелек в окно уронил, что ли?

— Так ты того... — Мужчина на удивление быстро пришел в себя и ухватился за руль. — Я топлю под сто пятьдесят кмэ, никого не трогаю, вижу, ты голосуешь, я попутчиков никогда не беру, еду дальше, а ты мне вдруг говоришь: здасьте, поехали в Ростов, а до Парижа я и сам доберусь. Циркач, что ли? — Он взглянул на Славу и засомневался: — Или привидение?

«Ну и ну, — подумал Слава Савоев. — Вот ведь чуть человека не убил. Теперь, оказывается, придется все учитывать, а я уже успел и забыть, что нужно дожидаться

остановки автомобиля, а не садиться на ходу. Быстро же к хорошему привыкаешь».

— Да нет. — Он виновато пожал плечами. — Просто мне в Нахапетово, к родственникам, надо заехать.

Глава пятая

1

Сенатор штата Аризона, куратор от правительства США программы «Хазары», обратился к Джону Карри, руководителю центра подготовки полета на Юпитер и создателю наноускорителя для межпланетного хроногиперболизированного космического корабля.

— Джон, а почему бы вам не осуществить полет куда-нибудь подальше, чем на Юпитер? Например, к чертовой матери?

Джон Карри, лишенный даже рудиментарных признаков чувства юмора в трезвом виде, сразу же под «чертовой матерью» признал планету Плутон, которую именно так и называли в среде астрофизиков, поэтому серьезно ответил Арчибальду Соуксу:

— Она очень опасна, ибо ходит по самому краешку Солнечной системы.

— Я бы на вашем месте оставил Юпитер в покое. — Арчибальд Соукс вытащил из кармана сигару, посмотрел на нее и выбросил в урну. — Слетали бы куда-нибудь в другое место, к спиральному созвездию Треугольник, например, в галактику М33, или еще куда, а, Джон?

Джон Карри наконец-то понял, что Арчибальд Соукс чем-то потрясен и его советам не стоит придавать значение.

— Все нормально, Арчи? — поинтересовался он.

— Вполне, — удивился вопросу сенатор, — более чем...

Но им пришлось прервать беседу. В холл секретного объекта «Янки» вошла Клэр Гатсинг, выглядевшая как монашенка, демонстрирующая одежду для стриптиза на подиуме. На ней было наброшено что-то наподобие рыбацкой сети розового цвета, опускающейся чуть ниже ягодиц, и черные туфли с пятисантиметровыми тонкими каблуками.

— Джони, — она строго посмотрела на жениха, — тебе известно, что свободная женщина никогда не бывает одинокой?

— Это общеизвестная истина, — подошел поцеловать ее Джон Карри. — Красивая женщина всегда не одна и всегда свободна. Это ее рабочее состояние.

— Вы слышали, сенатор? — Клэр бросила взгляд на Арчибальда Соукса и нервно хохотнула. — Он назвал меня проституткой.

— Нет, не слышал. Что будете пить, Клэр? — Соукс подошел к бару.

— Мне хайбол с грейпфрутом. — Клэр на мгновение запнулась, но все-таки добавила: — А вы пропустите стаканчик валиума со льдом.

Когда Соукс вернулся с соком для Клэр Гатсинг, она уже сидела в низком кресле, закинув ногу на ногу, со стороны это выглядело ничуть не слабее полета в другую галактику, и говорила Джону Карри:

— Пикало Фаргон, пытаюсь соизмерить погружение кванта в среду неомолекулярного вакуума с результатом моих последних исследований в области андрогенной биотектоники пространственных параллельностей, не учел всего лишь одного — своей ограниченности. С итальянцами всегда так — начинают с пути к звездам, а заканчивают вступлением в гангстерскую организацию.

— Оставь Фаргона в покое, — поморщился Джон Карри, — как и свое увлечение биотектоникой. По-моему, уже давно католическая церковь признает существование Бога, а ты тратишь время на научное обоснование его деятельности. Лучше скажи, твои расчетные данные седьмого узла совпадают с принятыми?

— Совпадают, — кивнула Клэр, не меняя позы.

2

Мысль о полете на Юпитер возникла вовсе не у Джона Карри и тем более не у Клэр Гатсинг, нет, она возникла на юге Мексики и севере Гватемалы в сотом году нашей эры, когда на месте Нью-Йорка если что и было, то выглядело как вигвамы индейского племени сиу. По каким-то причинам в это время возникла непонятная паническая мода, погубившая колдовскую, великолепно развитую и приспособленную для жизни цивилизацию майя, которая до этого просуществовала более пяти тысяч лет. Десятки городов, вполне сравнимых по величине и превосходящих по коммунальной инфраструктуре Лондон, Париж, Москву и даже Рейкьявик, были покинуты людьми с вызывающей поспешностью в течение одного дня. Майя исчезли. Они оставили после себя обилие иероглифических текстов, самым основным из которых была книга «Киче майя», бесследно исчезнувшая в 1691 году в пещерных библиотеках суфийских мистиков, самого древнего направления иудаизма, брацлавских хасидов, ныне преследуемых раввинами протестантски реформированного иудаизма, обосновавшегося в США. Брацлавские хасиды ведут непримиримую войну с проявлениями атлантизма, обосновавшегося в западной цивилизации. Неизвестно какими путями, но вскоре после Второй мировой войны «Киче майя» оказалась в руках советской разведки и буквально через год в руках ЦРУ. На одной из страниц иероглифического текста «Киче майя», над которым работали в спецлабораториях лингвисты, филологи, астрологи, физики, метафизики, астрофизики, весь засекреченный и охраняемый цвет мировой, вненациональной и внесударственной науки, были обнаружены формула пространства и формула гиперболического преодоления этого пространства, что позволило группе ученых Лос-Алабамского центра слегка «ковырнуть» нейтрон и открыть такое явление, как фантом нейтрона. Его-то и сумел обобщить и воплотить в наноускорителе для хроногиперболизированного космического корабля Джон Карри, что позволило США говорить о полете на Юпитер в первую очередь, ибо, как гласят листы «Киче майя», человечество Земли вторично, самой первой жизнью они жили на Юпитере, а затем умерли и стали жить круговоротными ущербными жизнями на Земле. Тоска земного человека по совершенству — это тоска по Юпитеру, а тоска по чистоте и радости — это тоска по смерти, из которой нас когда-то изгнали на Юпитер. Одним словом, земляне решили проверить древних «на вшивость» и слетать на Юпитер, кое-что уточнить для себя, выяснить, куда все-таки исчезли майя, действительно ли они и хазары одно и то же, действительно ли Иерусалим был Асгардом, городом богов, прячущих свой лик, и правда ли, что брацлавские хасиды и есть царские хазары, сумевшие попасть на Юпитер мертвыми и вернуться на Землю живыми...

3

В холле «Янки» стали собираться на вечерний ленч участники проекта, ученые-лаборанты, пришли даже два будущих астронавта, Клайд Гот и Лют Ходоков, блокбастерные астробиологи, два эмигранта бытовой ориентации из России: Свинтицкий Антон Серафимович и Олег Антонов, ученые мирового уровня. Первый занимался крионизированием до плотности и размера таблетки универсальной донорской крови «Ч», которая будет входить в комплект выживания каждого астронавта, а второй — установкой на «Хазарах» усовершенствованного, многофункционального гамма-спектрометра, действующего в режиме катастрофической автономии. Арчибалд Соукс усмехнулся, вспомнив об оперативности Госдепартамента. Неделью назад Свинтицкий и Антонов, покинув Женеву, где они принимали участие в форуме ученых-аскетов в составе российской

делегации, прилетели в Нью-Йорк. В девять часов утра прилетели, в десять попросили вид на жительство, в десять тридцать его им предоставили, а в двенадцать пополудни они стали полноценными гражданами США, с которыми НАСА тут же заключило контракт на шестьсот пятьдесят миллионов долларов в год. О Америка! Соукс любил Америку. Судя по лицам русских ученых, они ее любили в два раза сильнее, чем он.

— Наконец-то! — воскликнула Клэр Гатсинг, забирая у Соукса стакан с виски, на которое она уже перешла, и скорчила на лице шутливую гримасу. — Вам только за смертью ходить.

— Смерть приходит сама, — встрял в разговор влюбленный в Клэр Гатсинг Клайд Гот. — Это как шаги Командора.

— Блокбастерная астробиология, — снисходительно хихикнула Клэр, с интересом разглядывая Олега Антонова, — это как реанимационная патологоанатомия, не правда ли, Джон?

— Интересно. — Не отвечая на вопросы невесты, Джон обратился к Соуксу: — Я уже имею право на рога, или это прерогатива законного супруга?

— Какая тебе разница, Джон? Давай лучше поговорим о законах Вселенной и, в частности, нашей Солнечной системы. Почему бы вам действительно не заинтересоваться Меркурием, а не Юпитером, этой гигантской капсулой с газом, летающим капканом для комет и астероидов? Ведь на Меркурии гораздо больше загадок.

— Например, — насмешливо посмотрел на него Джон Карри, он не любил говорить о науке с дилетантами, — что вы хотите нам сказать по этому поводу?

— Сенатор в науке, — заметила из-за спины Соукса Клэр Гатсинг, — это то же самое, что рвотный порошок в желудке.

— Кстати, — повернулся к ней Арчибальд Соукс, — я проверил твои расчеты по седьмому узлу модуля «Кьюб». У тебя там та же ошибка, что и в принятых расчетах. В геральд-уравнении корня кубистики вы постоянно принимаете предполагаемую иксровку числителей за фактическую. Советую обратить на это внимание, Клэр, иначе у нас получится не развед-модуль, а «летучий голландец» без руля и ветрил.

Сказать, что у Клэр Гатсинг отвисла челюсть, это значит ничего не сказать. Клайду Готу, и не только ему, показалось, что у гениальной женщины глаза выдвинулись на несколько сантиметров вперед.

— Ну а насчет Меркурия я бы хотел сформулировать несколько принципиальных вопросов. — Забыв о Клэр, Соукс обратился к Джону Карри. — И хотел бы получить на них ответ. Почему Меркурий состоит в основном из железа? Почему в таком случае у него есть магнитное поле? Почему планета отличается от всех планет столь высокой плотностью? И самое главное, как могло получиться, что на Меркурии, где температура поверхности достигает чудовищной температуры в пятьсот градусов, в полярных шапках находится лед?

— Да потому! — истерично крикнул ему в лицо Джон Карри и, к изумлению присутствующих, упал в обморок.

4

Подполковник Абрамкин шел по следу. Таганрогская жизнь ему уже давно не казалась медом. После отставки Кияшко он никак не мог найти общий язык с полковником Самсоновым.

— Как бы мне найти с вами общий язык? — иногда пытался поговорить Абрамкин с начальником управления.

— У нас и без поисков общий язык, — грамотно отшивал его Самсонов, — русский.

Исчезновение Славы Савоева довольно-таки быстро переросло из уголовного дела о пропаже сотрудника милиции в политическое. Игорь и Степа взлохматили всю агентурную, включая неприкосновенный актив, сеть, но никакой информации не добыли. Слава исчез, как

в бездну канул. Именно в это время подполковник Абрамкин решил — сейчас или никогда. Ему удалось выяснить на этот счет мнение оперативника Таганрогского УФСБ Зубова. Он так и сказал, похлопав Абрамкина по плечу:

— Если бы ты нашел Савоева, то сидел бы сейчас в Ростове, а то и в Москве, и оттуда отдавал приказы Самсонову.

Абрамкин тогда виду не подал, наоборот, строго осадил Зубова:

— Я не собираюсь искать Савоева специально. Это не входит в мои обязанности. А с Семеном Иосифовичем у нас простые дружеские отношения, мне приятно работать под его руководством.

— Ну-ну, — понял оперативник Зубов. — Успокойтесь, подполковник.

Абрамкин стоял рядом с ним возле входа в здание УФСБ в парадном мундире, благоухающий дорогим одеколоном и в начищенной до зеркального блеска обуви. Этой безукоризненной внешности он посвятил два утренних часа. Как заместитель Самсонова по связям с общественностью, сегодня он должен был встретиться со съемочной группой программы «Петровка, 38» и перед камерой сказать на всю страну, что преступность, достигнув границ Таганрога, сразу же погибает. Уголовной гидре здесь отрывают голову. Но перед самой съемкой Абрамкин получил приказ Самсонова прибыть на Греческую улицу, 9, там серьезное ЧП, нужен опытный оперативник, а кроме Абрамкина, никого под рукой нет.

— Выручайте, Сидор Аврамович, там большой шухер, если нужно, сформируйте оперативную группу и возглавьте ее, — попросил Абрамкина Самсонов, сурово глядя ему в глаза.

— Есть! — радостно принял задание подполковник, вышел во двор управления и приказал патрульному мотоциклисту доставить его к месту чрезвычайного происшествия.

Прохожие оглядывались вслед этому мотоциклу. Блистательный подполковник Абрамкин сидел позади сержанта, волосы его трепетали на ветру, в одной руке он держал фуражку, а в другой портфель, и это, черт побери, было красиво...

ЧП называлось Марией Васильевной Быковой, пенсионеркой шестидесяти девять лет, которая, увидев столь ослепительного милиционера, прибывшего по ее звонку в дежурную часть с просьбой прислать «кого-нибудь, а то тут диверсия», схватила его за рукав и не отпускала до той поры, пока ее полупьяный племянник не сфотографировал их вместе.

— Я соседей буду пугать этой фотографией, — объяснила она растерявшемуся подполковнику и лишь после этого показала крышку от канализационного люка, прислоненную к стене подъезда: — Это цветной металл, здесь нужно устроить засаду и задержать расхитителя, гада такого, Ваську Ритычного из пятидесяти второй квартиры, он все время лампочки, алкаш-зараза, в подъезде выкручивает.

— Ну да, — только и смог произнести подполковник Абрамкин, разворачиваясь и покидая двор. Тут-то на улице его и увидел вышедший покурить из здания УФСБ на свежий воздух оперативник Зубов...

...Подполковник Абрамкин ехал на электричке в Ростов. Все работало в его пользу. Это был шанс, и он собирался его использовать. Как всегда, удача наткнулась на него неожиданно...

Чисто случайно его окликнул на улице бывший кинолог, когда-то подрабатывавший в должности консультанта в собачьем питомнике Сочинского УВД, Эрнест Туполев.

— Ты ли это, Сидор Аврамович? — притормозил он свой «мерседес» у обочины рядом с медленно и солидно вышагивающим по тротуару подполковником. — Вот так встреча!

«Эх! — огорчился Абрамкин, сразу же узнав Туполева. — Уже на «мерсе», и по лицу видно, что живет хорошо, а ведь недавно сам как овчарка был, с утра до вечера на тарелку супа зарабатывал».

— Здорово, Эрнест, — величественно взглянул на земляка Абрамкин, останавливаясь перед «мерседесом». — Что за дела у тебя в Таганроге?

Туполев, знавший Абрамкина еще капитаном в Сочи, сразу смекнул, что ставший

подполковником в Таганроге бывший коллега явно большая шишка. Сочинцы, как и москвичи, считают, что если кто-то и покидает их город ради других городов, то лишь для того, чтобы стать «большой шишкой».

— Дела, — вышел Туполев из салона, чтобы поздороваться с подполковником. — Я сейчас турбизнесом занимаюсь и слегка собачками дворянских кровей подторговываю.

— Хвалю. — Абрамкин похлопал ладонью по крыше «мерседеса». — Я всегда говорил, что туристы и собаки — друзья человека.

Через некоторое время, как водится среди земляков, встретившихся на чужбине, они стали пить. Сначала на балконе кафе гостиницы «Темеринда». И тут Эрнест Туполев поведал подполковнику о случае на шоссе, когда к нему на ходу подсел молодой человек, добирающийся в Нахапетово.

— Хороший парень Славка Савоев, — похвалил попутчика уже ставший нетрезвым Эрнест Туполев. — Жизнь мне спас, когда я хотел на всей скорости выпрыгнуть из машины под колеса «КамАЗа».

«Ага!» — сразу же представил подполковник Абрамкин ростовско-московский кабинет, из которого он названивает Самсонову в Таганрог, не заметив мистическую сторону встречи Туполева с Савоевым.

— А где это Нахапетово? — вкрадчиво-равнодушным голосом поинтересовался он у земляка.

— А хрен его знает, — отмахнулся от него Эрнест Туполев. — Где-то на Азовском море. А ты кто такой? — вдруг заинтересовался он личностью подполковника Абрамкина и, взяв со стола тарелку с нарезанной колбасой, надел ее на голову Абрамкина.

...И вот подполковник, никого не поставив в известность, на свой страх и риск, ехал в Ростов, чтобы уже оттуда предпринять бросок на логово Славы Савоева в Нахапетове. Он был одет в удобный камуфляжный комбинезон, в рюкзаке лежали консервы, хлеб, средство от комаров, полевая аптечка военного разведчика, восемь гранат РГД-5, которые он взял из вещдоков в управлении, фотографии семьи и Аллы Юрьевны Вострецовой, газовый спецназовский баллончик и большой десантный штурмовой нож «Катран». Абрамкин шел ва-банк, и это было хотя и придурковатое, но все-таки настоящее мужество.

Глава шестая

1

Саша Стариков уже несколько раз проходил мимо красивого старинного особняка, расположившегося между Старым и Новым Арбатом, и мысленно чертыхался. Было в особняке, как и в деятельности вокруг него, нечто такое, что мешало ему жить. Саша нутром, инстинктом оперативника чувствовал, что в этом так называемом престижно-респектабельном месте живет и действует изошренно-мошенническая уголовщина, обслуживаемая армией высококлассных адвокатов. Саша тяжело вздохнул. УК России на девяносто девять процентов вступает в противоречие с русским характером, несмотря на то что большинство считает его чрезмерно гуманным. «В принципе все понятно, — подумал Саша, глядя, как к особняку подъехал побитый «жигуленок» ржаво-лишайного вида. — Брать от жизни можно, только забирая у других людей». Из «жигуленка» вышел молодой мужчина и позвонил в двери особняка. Саша подошел почти вплотную к мужчине. «Козел, — удовлетворенно нашел он подтверждение своим подозрениям. — Одедся как гастарбайтер, строитель из Молдовы, придурок, а на руке часы за двадцать тысяч баксов».

2

— Мальчики, — произнесла полковник ФСБ, ведущая курс «Альфонсы» в закрытой высшей школе СВР, Степанида Исаковна Грунина. — Надеюсь, — она строгим преподавательским взглядом обвела аудиторию, состоящую из той категории мужчин, ради которых женщины готовы подсыпать яд в пищу своему мужу, застрелить любовника и застрелиться сами, — что жен у вас не будет. Помните, — полковник Грунина взяла со стола дистанционный пульт и озарила экран образом женщины с тяжелым, почти квадратным подбородком и грушевидным носом, — что чаще всего вам придется работать с красавицами такого типа, которые при встрече с вами через пять минут должны верить в то, что они превосходят и Синди Кроуфорд, и Клаудиу Шиффер, и даже королеву ночи Наоми Кэмпбелл. Повторяю, — полковник Грунина сделала паузу, — верить, а не самообманываться. Дамы такого типа очень реально мыслят. Шаблин! — повысила голос полковник. — Прекратите корчить рожи, изображающие отвращение. Если бы это было не начало первого года обучения, а конец, то вы бы вылетели не только с курса, но и вообще выше быка-производителя в селе Втулове в своей дальнейшей жизни не поднялись бы. Вы все дали подписку и добровольно присягнули, назад пути нет, вы не на коммерческом курсе МГИМО, где я иногда читаю лекции, а в секретной школе разведки. Поэтому при слове «женщина» вы должны быть в полной боевой готовности во всех аспектах, даже если эта женщина страшнее самого черта. Вы должны чувствовать романтическую влюбленность и тягу к сексуальному контакту даже при виде покрытой коростой бомжихи, вылезающей из канализационного люка. Вас учат тайным знаниям о женственной сути сущего, а не тому, как манипулировать просто с женщиной. Эта чепуха для МГИМО, поэтому, — лицо Груниной озарилось улыбкой, — не надо корчить рожи, Шаблин. — Степанида Исаковна Грунина вновь указала на экран с изображением дамы. — Это супруга Масалика Турбенрогмана, астрофизика из Швейцарии, его предположение об активном существовании разума на Юпитере имеет какой-то странный подтекст опасности для мироустройства. Недавно его стали плотно опекать из ЦРУ. Жену он боготворит, она у него и научный секретарь, и лаборант, и архивариус, и горничная. Вацлавский! — вновь прервалась полковник Грунина. — Не изображайте на лице недоумение. Ученые — люди среднего рода, мужчина и женщина в одном флаконе, вместо детей они рожают гениальные идеи. Если же случается, что они обзаводятся женами и настоящими детьми, у них или рождаются дебилы, а идеи полноценные, или наоборот. В этом случае, — Грунина кивнула на экран, — идеи гениальные, детей нет, все отразилось на жене. Теперь представьте, что она может сделать для человека, который освободит в ней женщину и научит получать удовольствие от холодного мартини в жаркий полдень? Так что, дети мои, специализация «альфонс» в разведке — это высший пилотаж, и через пять лет, когда я провожу вас в большую жизнь, вы станете грозным оружием в арсенале российской государственности...

На пульте, установленном на столе преподавателя, пикнул вызов наружной охраны. Полковник надела наушники и молча выслушала сообщение, затем вывела на экран картинку с улицы перед зданием, где располагалась так называемая походная аудитория курса «Альфонсы». На экране возник молодой широкоплечий парень, задумчиво рассматривающий чудную архитектуру старинного особняка.

— Это оперативник из МУРа, — сказала полковник. — Думает, что здесь у нас какие-то подозрительные личности обитают. И правильно думает, между прочим. Вы еще не умеете заходить в полевых условиях в здание, за километр видно, что вы идете на нечто конспиративное, сопляки. Вот, например, ты, Авдеев. Прикидываешься рабочим с юга, на хлеб да квас вкалывающим, а на руке «Ролекс», который тебе подарила охмуренная тобой Хусаинова Тамара, владелица МЧП «Колбаса и мясо», а у нее, между прочим, муж и три сына-студента. Скажи спасибо, что все это произошло до твоего прихода сюда, а не то бы уже на третьем этаже в Лефортове отдыхал. В общем, так, оперативники, запомните, в течение недели он должен снять подозрения с этого здания и людей, входящих в него. Он профессионал, и вы постарайтесь быть такими.

«Гул, гам, истерика автомобильных тормозов, паника затурканных огромностью провинциалов. Шорох и шепот многомиллионного существа по имени «столичная толпа». Многолюдный кашель, отсмаркивание, отхаркивание, коллективный вдох, коллективный выдох, семь стаканов слез в сутки — это Москва. Звуки мирового города иногда колокольны, чаще психически нездоровы и всегда усреднены. Но есть у Москвы один по-настоящему искренний звук, созвучный клочковатой гармонии глобализирующегося мира. Этот звук завораживает и умиротворяет, словно накат полуденной волны и ее шипящее сползание обратно в море. Это шелестящая музыка пересчитываемых денег. Вот она, Великая Купюра! Заговоренная великими магами, владыками шестиуровневых вертикалей, на которые нанизаны параллельности. Вглядитесь, и вы увидите на этой купюре историю, искусство, вдохновение великих композиторов и музыкантов; творящего скрипку Страдивари; все семь чудес света; бледность поэта; горящие взоры актеров; философично-ублюдочную руку наемного убийцы; танцующую балерину; великих героев; совесть Льва Толстого; пышность Ватикана и куполов православных храмов; компьютеры, ракеты, государства; рождение, смерть, ум, честь, совесть. Все увидите. Деньги! Их нельзя презирать, ибо это будет ложной гордыней, которая сама достойна презрения. Деньги нельзя любить, ибо настоящая любовь всегда безответна, деньги не ответят вам взаимностью. Их нельзя уважать, ибо они в этом не нуждаются и поэтому не обратят на вас внимания. Деньги нельзя копить, ибо у вас тогда не будет времени ни на что другое. Перед ними нельзя заискивать, ибо они примут вас за нищего и ограничатся подаванием. С деньгами можно заключить договор, они честные партнеры, но дело в том, что условия договора вы неизбежно нарушите первым. И тогда неотвратимо последуют санкции. Примет ли меня Москва без денег?... — думал Саша Углокамушкин, стоя на углу Комсомольского проспекта. — Вот я просто и честно сообщил нуворишу, владыке киосков, что готов следить за чистотой вокруг его владений и разгружать товар всего лишь за полноценный завтрак и ужин, не обращая внимания на обед. И что же? Цепкий взгляд азербайджанца, у которого в крови течет память предков, торговавших пахлавой на улицах древнего Рима перед его падением, и все со мной ясно.

— Эй, слюшай, тебе надо знать, как я живу? Я честно живу, начальник. Твой друг утром был, я деньги давал.

Одним словом, нужно уносить ноги. Если тебя приняли за мента, а затем поймут, что ошиблись и перед ними действительно голодный, могут и убить. О, где вы, где, бутерброды Степаниды Груниной? Сперли даже сумку с вещами. Вчера положил под голову, слегка задремал и проснулся без «подушки». По-моему, я мазохист. Хорошо еще, документы в надежном месте, вот они... Да! Можете меня поздравить, господа. Я теперь обыкновенный московский бомж. Без жилья и на данный момент без денег. Это говорит о том, что удача стала поворачиваться ко мне лицом. Она ведь любит забавляться. Особенно летом...»

Секретный объект «Янки» расположен на глубине тысячи пятисот метров под пустыней Аризона в одноименном штате. Площадь объекта составляет двадцать восемь тысяч квадратных метров, разделенных на ангары, напичканные самой совершенной техникой. В этих ангарах производят сборку модулей и отсеков, которые при воссоединении станут именоваться МХК — межпланетный хроногиперболический корабль «Хазары».

— Чем больше я думаю о будущем межпланетных путешествий, дорогая, тем больше прихожу к мысли, что без генетиков с их шалой идеей конструирования типа человека-киборга нам не обойтись, — сказал Джон Карри Клэр Гатсинг и, осторожно положив на лабораторный стол платиновый контейнер величиной с монету, уточнил: — Впрочем, как и без японских микрочипов для бортовой компьютерной системы.

— Конечно же, не обойтись, Джон. Киборгизированные японцы Америке просто необходимы. А если серьезно, то лучше всех с геноконструированием справляется некий

Чебрак Алеша Васич, — с американской естественностью переврала она имя и отчество Алексея Васильевича, — из России.

— Из России? — удивился без веских на то оснований Джон Карри. — По-моему, там уже никто не живет из ученых. С чего ты взяла, что этот Чебрак лучше японцев?

— ЦРУ предоставило мне полную информацию о кудеснике из России.

— Ты разве спишь с директором ЦРУ? — Джон Карри напряженно наблюдал по монитору, как в пятом ангаре устанавливают на модуль «Сталкер» квантовый спектрометр. — Я не видел его выходящим из твоей спальни... — Он восхищенно выдохнул. Ученые-лаборанты установили спектрометр в модуле с тем совершенством, с каким профессионалы вгоняют бильярдный шар в лузу.

— ЦРУ и НБ обязаны давать нам информацию по всем значимым ученым в мире, тем более по засекреченным, — объяснила Клэр Джону Карри то, что он и без нее знал. — А этот Чебрак такой очаровашка, похож на сатаненка, скрещенного с покойным гангстером Диллинджером. Ребята из Лэнгли показали мне его фотографию.

— А почему с Диллинджером? — рассеянно спросил Джон Карри, не отрывая взгляда от корпоррагелионовых мониторов. — Он разве грабит банки?

— У него такая же целеустремленность. Этот Чебрак смог овладеть холодным термоядерным синтезом. Он уже давно подбирается к первопричине жизни. В ЦРУ предполагают, что однажды даже перехватил биональный хроносгусток умирающего, так называемую душу, а теперь ему удалось выделить детонирующий момент зарождения ХТС (холодного термоядерного синтеза) в фантомовагинальной субстанции женщин, и он назвал его «Вспышкой». Кстати, женщин не всяких, а лишь эмпирически-вдохновенных. Ну этих, — напомнила Клэр, — кого в просторечии называют ведьмами.

— Это очень серьезно. — Джон Карри совершил невероятное — отключил мониторы. — Неужели русские ухватили ХТС? Чебрака нужно или завербовать, или убить.

— Лучше, конечно, в Америку, — поморщилась при слове «убить» Клэр. — И вообще это забота Лэнгли, а не наша. Меня больше интересует метаморфоза, произошедшая с Арчибальдом Соуксом. С чего он вдруг оталантливился? По-моему, это чересчур. Сенатор, разбирающийся в интегрально-геральдических схемах и полупроводниковых гетеромегаструктурах для суперскоростной и оптоультразвуковой электроники, — все равно что президент США, подрабатывающий на Иракском телевидении, танцуя ламбаду в обнаженном виде.

— Что за сравнения, Клэр? — пожал плечами Джон и включил мониторы. — А Соуксом, мне кажется, должна заняться служба национальной безопасности.

Глава седьмая

1

Далай-лама в час ночи покинул Поталу и в сопровождении двух монахов-телохранителей отправился к храму Наакал, тайной резиденции бессмертных, вход в который был расположен в трех километрах от Лхасы и в пяти от Поталы, но никто, кроме избранных, не знал об этом. Монахи следовали за ним словно тени, скользили, а не шли, быстро и призрачно. Это были воины монастыря Тот, в котором уснули миниатюрные белые сфинксы. Телохранителей называли «лунные бабочки» в честь невероятно древних событий, произошедших на Земле сто сорок четыре тысячи лет назад. Тогда все пространство мира было пронизано насмешливыми законами свернутого в галактический жгут чуда. Бог был рядом, и его присутствие оказалось настолько повсеместным, что даже Земля не могла стать твердью, а была восторженно желеобразной и прозрачной от полюса до полюса. И так продолжалось до тех пор, пока не произошло необъяснимое вторжение и последующая за

ним Катастрофа, после которой на Землю стали приходить мертвые. Об этом и написано в священных шелковых письменах... Далай-лама слегка кивнул и в который раз удивился мгновенной реакции своего личного «спецназа». Один из монахов, с лицом, напоминающим формой молодой месяц, скользнул к потаенному лазу монастыря Наакал и, словно змея, исчез в нем. Монастырь воздвигли на недостижимой для современной цивилизации глубине в сорок километров служители бога Бара, единственным недостатком которого, по мнению далай-ламы, было лишь то, что он выносил окончательные приговоры и тем самым ставил под сомнение свою божественность. Монах выполз из лаза с алмазной змеей дибу в ладонях. Далай-лама провел по голове дибу осанным браслетом, обхватывающим запястье левой руки, и змея ужаса, изменив цвет с кораллово-золотистого на ониксово-серебряный, переползла с ладоней монаха на руку далай-ламы, скользнула по ней к шее и юркнула в уже приоткрытый для этого рот правителя Тибета. Далай-лама ощутил шершавый холод, заполнивший его пищевод, почувствовал, как дибу развернулась в нем головой ко рту и, свернувшись, затихла.

— Я пошел, — сказал далай-лама монахам. — Вернусь, когда вернусь, ждите.

Обученные по системе «Сновидение» телохранители кивнули и растворились в темноте. Подойдя к лазу, правитель Тибета, далай-лама, элохим, не ведающий об этом, второй, повторяющейся вот уже тысячу лет, степени посвящения, дзог большого благословения, лег на землю и вполз в лаз.

Он не любил посещать монастырь Наакал, не нравился путь к нему. Холод дибу, чем-то напоминающий местную анестезию во время хирургической операции, сделал его тело бесчувственным и ознобно дрожащим. Вместе с тем оно стало воспринимать все изгибы узкого лаза, словно сам далай-лама превратился в змею. Аура алмазной змеи внутри его приглушала и делала даже приемлемым пластунский путь в Наакал. Наконец-то лаз стал более пологим, и правитель Тибета попал в зону плывунов, заскользив животом по жидкой велесовой глине. Вскоре он перестал помогать своему телу — набирая скорость, оно устремилось вглубь. Угол наклона лаза достиг восьмидесяти градусов, и скорость спуска была такой, что закладывало уши. Руки правителя плотно прижались к телу, со всех сторон лаза, по кругу, источалась жирная смазка велесовой глины, голова его поднялась лицом вперед, рот приоткрылся, и изо рта, словно из уютного грота, выглянула голова дибу с немигающими перламутровыми глазами смерти. Но вот скольжение резко оборвалось, и далай-лама в полнейшем мраке рухнул вниз, испытывая все прелести и ощущения свободного падения. Дибу вновь втянулась в пищевод, а далай-лама с эффектным всплеском обрушился в пещерную реку Шол. Это была еще одна причина, по которой он не любил посещать монастырь. Вынырнув, он обнаружил вокруг себя наполненный красноватым отблеском полумрак и, отфыркиваясь, поплыл по течению, под арками анфиладных пещер, в сторону мерного и мощного звука. Плыть было легко, упругое течение реки Шол несло правителя Тибета словно «эстафетную палочку», передаваемую эльфами «из рук в руки». Далай-лама не обольщался насчет хромосомно-альфинной флофаунной субстанции, расселившейся в водах подземной реки. Если бы у него в желудке не дремала алмазная змея, он был бы мгновенно «выпит до дна» эльфами и навсегда вычленен не только из мягких дзоговых реинкарнаций, предусматривающих в каждом повторении пятнадцать процентов памяти прошлых жизней, но и вовлечен в информационное эхо Мирового океана. По мнению дзогов, лучше быть вычлененным, чем вовлеченным. Лама Горы говорил, что вовлечение в информативное эхо — это абсолютное забвение, сконцентрированное в смысловой бесцельности движения.

Монастырь Наакал, резиденция дзогов, расположен в нейтральном сечении на дне Джомолунгмы, полностью повторяющей Джомолунгму поверхности в перевернутом виде. Все пространство Гималаев ромбовидно, то, что дыбится белоснежными вершинами на поверхности, лишь повторяет ниспадающие в глубь земли горы, перевалы и плоскогорье Тибета с зеркальной точностью зеркального искажения.

Гул, а вместе с ним и течение Шол усилились, в густом «бульоне» хромосомных

эльфинов стали появляться воронки водоворотов, которые с каждым метром становились все шире и глубже, и вскоре далай-ламу закрутила и стала втягивать в себя огромная водопадная воронка последнего водоворота. Где-то на полпути многокилометровой воронки далай-лама был выдернут с орбиты водоворотности, втянут в его воющую стену, и тут же дибу устремилась ко рту из пищевода. Вот уже далай-лама стоит в бирюзово-светлом пространстве конференц-зала монастыря Наакал и видит кончик хвоста дибу, исчезнувшей в маслянисто-черных водах Шол. Ламу призвал распорядитель сегодняшнего совещания, дзог легких форм Агван.

— Все тибетцы варвары, — усмехнулся Агван, — а ты, Дза-Ти, варварее варвара. Слава Аллаху и всем подряд пророкам, включая меня, что из Ирана более теплый и сухой путь в Наакал. У тебя вид слесаря-сантехника, пробившего засор канализации своим телом, я уже не говорю о запахах. — Агван махнул рукой в сиреневый полумрак дальнего конца огромного зала. — Твоя комната шестая, Дза-Ти.

Далай-лама добродушно улыбнулся и, не говоря ни слова, направился в гостиничный комплекс монастыря.

— Дза-Ти! — крикнул ему вслед Агван. — Смутное время наступает, тебе не кажется?

— Не кажется, — громко ответил далай-лама. — Я знаю, что оно наступает, и рад, что оно только смутное, а не кромешное.

— Типун тебе на язык, тибетский варвар, — мгновенно сплюнул через левое плечо распорядитель. — Не болтал бы все о великой неизбежности.

— Дурак, — пробормотал правитель Тибета себе под нос. — Болтай не болтай, неизбежности все равно не избежать.

2

Элохим второй ступени посвящения, благословенный двухуровневый дзог Дза-Ти, принял душ и облачился в шелковую зодиакальную суфиту, официальную одежду благословенных акцентаторов воли, повязал лоб широкой, цвета аквамаринного траура, пасьяновой лентой, на которой был начертан тетраграмматон — I (йод), H (хе), V (вау), H (хе), — и, выйдя из комнаты, направился в конференц-зал. Посреди зала, выложенного мозаичной персидской майоликой по полу и драгоценной эмиритской керамикой по стенам, было идеально круглое озеро около ста метров в диаметре. Вода в озере походила на лилово-черную тучу. Вокруг него стояли двенадцать низких, мягких и очень удобных кресел, задрапированных вишнево-красным сафьяном.

В зале постепенно стали появляться в разного цвета зодиакальных суфитах и хайратниках с тетраграмматонами другие дзоги. Бездонное озеро окаймилось по грозовой окружности багрово-золотым и стало похоже на гигантское обручальное кольцо, положенное на темно-синий бархат среди разноцветных всплесков цветочного изобилия. Кельт Го-лог подошел к Дза-Ти и спросил:

— Ты слышал когда-нибудь о Чарли Петоне или хотя бы о Роберте Джонсоне, а, тибетец?

— Ты имеешь в виду старых блэков, блюзменов? — вмешался в разговор проходящий мимо куратор английских премьер-министров, клевонтийский иблис из племени ацтеков, дзог Вадон.

— Я разговариваю с тибетцем, — огрызнулся Голог. — Ну, — яростно воззрился он на далай-ламу, — отвечай, обезьяна.

Два служителя системного монастыря Наакал, подчиняясь указаниям распорядителя Агвана, подошли к Гологу со спины и быстро скрутили его.

— Ну что вы, Голог, — тихо подошел к рычащему от ярости кельту Агван, — сейчас все пройдет.

Он вытащил из сумочки, висящей на груди, маленькую ярко-желтую, с розовыми

бусинками глаз, колумбийскую лягушку блимк и поднес ее к глазам Голога. При виде лягушки лицо Голога наполнилось нежностью, а из глубины глаз высветилась циничная усмешка изощренной мудрости, да так и осталась в них. Он медленно направился к вишнево-красной окружности кресел и уселся в одно из них. Кельту Гологу подчинялись японские императоры вот уже более трехсот лет. Дорога в Наакал из Японии задевала галлюциногенную корневую систему срединных государств, и поэтому дзог Голог иногда являлся на совет безумным.

Дзоги мира продолжали приходить, но пространство вокруг кресел, как и сами кресла, было пока пустым, лишь один угрюмый Голог, словно уставший от знаний грифон, горбился в обрамлении красного сафьяна. Вскоре туда прошел Вадон и тоже сник в объятиях красной кожи. Дза-Ти не торопился, он ходил по залу, высматривал знакомых в толпе дзогов низшей, предварительной, ступени посвящения и, высмотрев Контанио Джидо, конгрессмена США и владельца официальной «Вашингтон пост», подошел к нему.

— Ну что, Оул, — с улыбкой спросил далай-лама, — легко ли быть посвященным?

— Тяжко, — поклонился польщенный вниманием Контанио Джидо, — и непривычно.

— Да, да, — покивал головой далай-лама. — Теперь все будет для тебя непривычным.

В сторону кресел, преодолевая пустое пространство и энергично размахивая руками, словно ведя оживленный спор с самим собой, шел иудей Енох. Сев в кресло и взглянув на успевшую наполниться зеленоватым черноту озера, он сник, побледнел и, откинувшись на спинку, застыл в неподвижности. Енох, которого в Наакале называли Хезед, был куратором католических пап уже более восьмисот лет, и поэтому Рим, католики и вера людей в непогрешимость пап надоели ему до чертиков. Три тысячи лет назад Енох был проклят раввинами поверхности за то, что объявил человечеству понятным языком о присутствии на Земле элохимов, и был вынужден избывать это проклятие, прежде чем стать дзогом, в убогой и развратной среде статик-рабов более двух тысяч лет. Вслед за Енохом дзоги большого благословения стали прибывать один за другим. Явился разозленный дорогой в Наакал хазар Зеvedей, вождь есеев, мистических пророков Курмана, черпающих знание о будущем из свитков Мертвого моря. Зеvedей был облечен мистической, замешенной на родстве, властью над славянством Хазарии со времен Киевской Руси. Он рухнул в кресло, взглянул на успевшую осеребриться траурную поверхность озера и с искаженным от отчаяния лицом неподвижно замер. Зеvedей был четвертым в кресле. Дза-Ти еще ходил между дзогами-исполнителями, ожидающими решения Высшего Совета, чтобы потом направить статик-рабов поверхности на его исполнение.

Появился творец буддизма, всеблагий, насмешливо-мудрый Сиддхартха, более известный на поверхности под именем Гаутама Будда, и далай-лама Дза-Ти кивнул ему, но Сиддхартха, ведомый под руку Агваном и служителем, не заметил этого. Ему пришлось пройти дорогами праха и крови, прежде чем попасть в Наакал, и он пребывал в состоянии тяжелой депрессии.

Незаметно и скромно пришел благословенный иерияльный аскет, дзог, повелевающий Кавказом, Ираном, Ираком, Турцией и Каспийским морем, на дне которого лежит затянутый илом огромный космический корабль странных молчаливых пришельцев с тоскливо-гневым выражением нелепой воли в их единственном поступке на Земле. Они убили сами себя сразу же по приземлении, перед этим покинув корабль и наглухо, без возможности открыть, замуровав его. Маленькие и, по всей вероятности, очень жестокие существа, чем-то похожие на увеличенных ночных сверчков, прибывшие неизвестно откуда и непонятно зачем. Демиурги накрыли их тела и корабль морем, а элохимы проэкранировали его гигантским осанном и обнаружили, что внутри корабля находится плотный, равный по плотности огненному миру бледных демиургов, концентрат беспощадного мрака. Иерияльный аскет, дзог Ра, сейчас охранял каспийский саркофаг под видом никому не известного старого пастуха-свана в горах Грузии. Это было его главной обязанностью. Если бы вдруг любознательное человечество поверхности обнаружило тайну могильника, то старый пастух взмахнул бы в отчаянии посохом, и дзоги, кураторы поверхностной власти,

отпустили бы бешеного пса ядерной войны гулять по земле без поводка, сметая с поверхности человечество, ибо жуткая и, самое главное, непонятная сила дремала на дне Каспийского моря. Элохимы и демиурги опасались упавшей из бесконечности силы, которую кто-то сбросил на палубу звездной бригадины по имени Солнечная система.

Вскоре пришел великий магистр ордена Кадирийа, Абд аль-Кадир, тайно-улыбчивый маг манипуляционного суфийского течения кадрийской тарикаты, создатель маленьких войн, проникновенно-изошренный проводник глобализации, творец междоусобных конфликтов внутри мусульманского мира. Он был спокоен внешне и слегка растерян внутренне. Поприветствовав Дза-Ти, Абд аль-Кадир, дзог Ахиши, кивнул в сторону красных кресел и спросил:

— Действительно?

— Кажется, да, — ответил далай-лама и сварливо продолжил: — Зачем ты позволил своим людям уничтожить зодиакально-шоковый стабилизатор, это же раритетная вещь?

Ахиши не успел ответить. Печальный, словно тысячетлетняя тоска, звук колокола раздался из глубин обрамленного красными креслами озера, и его поверхность расцветилась загадочно мерцающими точками, словно кто-то там, на дне бездонности, подкидывал вверх горсти драгоценных камней. По конференц-залу прокатился шепот ужаснувшегося благоговения. Ахиши сник и, тяжело передвигая ноги, направился к своему креслу. На полпути он остановился, повернулся к далай-ламе и хрипло пожаловался:

— И почему я не кошка?

Далай-лама, которому ужас на мгновение спеленал волю и разум, лишь слабо пожал плечами в ответ.

3

Светоносный покровитель России, а позднее и Китая, лама Родниковых Вод, дзог тайного посвящения, допущенный к самозабвенному откровению хранителей песчаного времени, которым измеряется небытие бытия, то есть время умершего человека, пришел печальным. В России он был известен под именем Серафима Саровского, а Китай взял под свое кураторство после того, как лама Горы, царь касты дзогов, стал познавать путь смерти, уйдя в горную медитацию. Далай-лама опустился на одно колено, приветствуя ламу Родниковых Вод, который был одного уровня с ламой Горы, наставником Дза-Ти. Но светоносный лама не повернул в его сторону голову, быстро прошел мимо, сел в кресло, выпрямив спину и устремив взгляд в озеро, которое вновь стало черным. Холодность великого дзога удивила и встревожила далай-ламу, даже напугала. Это говорило о невозможном — о растерянности ламы Родниковых Вод.

Последним явился грозный и могучий Атех, который на поверхности был скромным управляющим сектором качества на монетном дворе США Арном Вейсманом. С первого дня существования доллара, созданного им же, начертав на первой зеленой купюре магические знаки тайной власти, Атех контролировал все его лики. Как бы фунты, франки, рубли, марки, лиры ни пыжились выглядеть другими, среди их водяных знаков явственно просвечивалась усмешка Атеха. Стоит Арону Вейсману покинуть службу в монетном дворе США, как не пройдет и десятка лет, и весь мир заговорит об абсолютной утере США статуса супердержавы.

Далай-лама встретился взглядом с глазами Агвана и понял: то, что тревожило его и что он усилием воли отгонял от себя, осуществилось. Чистый, непереносимо тоскливый звук донесся из глубин озера, и малиновый отблеск в центре его стал пульсирующе набухать. Нечто непредставимое, это почувствовали все — и благословленные дзоги, и дзоги предварительного посвящения, — начало подниматься к поверхности. Агван скривился, как от боли, и резко махнул рукой далай-ламе, властью распорядителя приказывая занять кресло. Дза-Ти поспешил выполнить этот приказ. Почти одновременно с ним, отстав на долю

секунды, опустился в кресло одиннадцатый дзог, распорядитель Агван. Случилось невозможное, такого никто из дзогов не ожидал, хотя все знали о туманном пророчестве: «Когда двенадцатый трон будет пуст». Далай-лама увидел, что время пришло. Кресло ламы Горы, «двенадцатый трон», было пустым. Это говорило о том, что сейчас благословленные дзоги, одиннадцать просветленных Будд земли, правящие, когда тайно, когда явно, статик-рабами более трех тысяч лет, впервые встретятся с одним-единственным, «плюс тринадцать», Буддой сансарной крошечности, более известным поверхностному миру под именем Антихрист...

Далай-лама вспомнил, как звучит пророчество бестианских ангелоподов полностью: «Когда двенадцатый трон будет пустым, его займет тринадцатый, просветленный злом, ненавистью и ужасом Будда, и на Земле наступит время крошечности, которая вначале будет восприниматься подсолнечным миром статик-рабов как эра добра и юного счастья».

«Ну вот, — подумал далай-лама, — и пришло время крошечности».

Перед креслами сидящих Будд возникло переливчато-серебряное свечение и застыло, ограждая их от звука и огня поднимающегося со дна озера просветленного мраком Будды. Элохимы и демиурги заботились о своих управляющих. Черный Будда, Антихрист, был элохимом и демиургом одновременно и должен был защитить глубинный мир от пришедших на Землю «лунных бабочек». Крошечный рассвет — вот подходящее имя для Бога через дьявола, навязывающего миру веру в себя.

Часть III Путь к Юпитеру

Дождь. Рогатый труженик троллейбус синего цвета, осторожно преодолевая наполненные водой выбоины месяц назад отремонтированной дороги, пробирался к цели — остановке Ружейный переулок. Кроме троллейбусной остановки, здесь расположилась более серьезная, фактически судьбоносная остановка — городская тюрьма. В ней, на третьем этаже, в четырехместной угловой камере под номером шестьдесят семь, сидел подполковник Абрамкин Сидор Аврамович и говорил своему соседу по несчастью и деклассированности:

— Если ты честно и просто идешь к цели и на пути к ней становишься подполковником милиции, то обязательно столкнешься с завистью и недоброжелательностью какого-нибудь полковника по фамилии Самсонов и сядешь в тюрьму. Это неизбежно. Это как грозовой рассвет в Сочи, встречаемый человеком с громоотводом в руке на самой верхушке кипариса. Шарахнет молнией обязательно. Но я ни о чем не жалею, — предупредил своего собеседника потерпевший жизненную аварию подполковник, — мой кипарис дорогого стоит. Скоро двери этой камеры откроются для того, чтобы поспешно захлопнуться за моей спиной, когда я буду идти по коридору на свободу. За мной стоят мощные силы, понял, сутенерская твоя морда?

Камера номер шестьдесят семь по меркам тюрьмы была просторной, уютной и чистой. Вместе с подполковником Абрамкиным в камере находились «братья» Рогонян и некий Виталик Гастролер, с нередкой для обитателя тюрьмы хищной доброжелательностью в чертах лица. Опытным рецидивистам достаточно одного взгляда на такого человека, чтобы стать скромными, услужливыми и предельно вежливыми в общении с ним. Но так как в камере шестьдесят семь опытными рецидивистами и не пахло, то Гастролера все, кроме Абрамкина, просто боялись.

— Я тебе говорю, я всем вам говорю, эти двери откроются, — подполковник ткнул пальцем в сторону двери, — и дежурный контролер скажет: «Абрамкин, с вещами на выход, ты свободен!»

Абрамкин застыл с вытянутой в сторону двери рукой и, к своему удивлению, услышал, как в замке стал поворачиваться ключ, открывающий камеру. Дверь распахнулась, и в ее

проеме возник открытый для дружбы со всеми заключенными начальник оперчасти таганрогской тюрьмы майор Пшеничный. Он молча обвел взглядом камеру и лишь после этого произнес:

— Хорошо вы тут устроились, меня прямо-таки завидки берут, глядя на вас...

Глава первая

1

— Продуманное присутствие тибето-арийской бессмыслицы потрясает, — произнес Радецкий Виталий Халимович, подполковник ГРУ, и, похлопав себя по складкам одеяния, похожего на халат, извлек мусульманские четки, одновременно поясняя: — Тибет выполняет роль тайны, не являясь таковой. Лхаса — это как Голливуд в Америке, только Голливуд для толпы, а Тибет для интеллектуалов и придурков с историко-аналитическим складом ума. И то и другое отвлекает человечество от настоящей тайны и смысла. Я давно убедился, что люди гораздо тупее, чем хотят казаться, особенно на высокоинтеллектуальном уровне.

— Когда-нибудь я угощу вас персиковым нектаром с вытяжкой из косточек высокогорной ягоды тату. Выпив этот сок, мужчины чаще всего превращаются в мертвых. — Коперник Саввич сидел на корточках возле каменной стены пещеры и, сощурившись, смотрел на лучи солнца, разбросавшие вокруг переливчатые пятна света. Лучи проникали в пещеру через трещины в потолке на высоте более ста метров.

— Я и не знал, — хохотнул Радецкий и лег возле теплой стены, — что у отравителей такое чувство юмора. — Он плотнее прижался к стене. В пещере было сухо, светло и тепло, так как за стеной проходили термальные источники. — Надоел ты мне, Кузьков, — зевнул Радецкий, — и вообще все надоело, особенно Тибет с его невозмутимой истерикой. Тоже мне, пупок Земли. Посадили в пещеру, словно мы гамадрилы какие-то, и держат без предъявления обвинений. Лучше бы в пропасть сбросили, — пришел он к неожиданному выводу и прикрыл глаза.

— Этот тибетец, похожий на монгола, притворяющегося японцем китайского происхождения, так и сказал перед тем, как нас замуровали. — Коперник Саввич поднялся с корточек и похлопал ладонью по каменной глыбе, на месте которой раньше был вход в пещеру. — С этого момента мы убиты.

— Ну, не знаю, — открыл глаза бывший Ахмет Ветхалиль, — может быть, нас и убили, но пока я вылечил в этом пещерном КПЗ все свои косточки. Самое странное, что почему-то есть не хочется. Вполне возможно, что мы уже давно покойники, только не хотим признаваться в этом друг другу.

— А у меня, между прочим, — равнодушно сообщил Коперник Саввич, — конвоирующие нас сюда монахи сперли золотые часы с бриллиантами и дарственной надписью «Кузькову от Ивана Селиверстовича Марущака вместо летнего отпуска».

— Да-а, — посочувствовал ему Радецкий, — суровое у вас начальство. А монахам повезло, озолотились за твой счет. Эх, — огорченно вздохнул подполковник, — сюда бы еды, баб и пару-тройку ядерных бомб в угол положить, тогда можно было бы жить.

— А бомбы зачем? — вяло удивился Коперник Саввич.

— Да чтобы как-нибудь хорошим вечером, — мечтательно произнес Радецкий, — взорвать весь этот Тибет к чертовой матери.

2

Тибетское плоскогорье, даже если бы там не было Лхасы, Поталы и далай-ламы вместе с его подданными, все равно представляло бы неутолимый интерес для спецслужб развитых

в экономическом и научно-техническом плане стран, ибо где-то там, в горах Тибета, существует источник насмешливой тайны.

Откристаллизованная миллионами лет изощренного опыта, филигранная мудрость дуалистического мира тревожит и мускулисто-ядерные страны, сделавшие ставку на прогресс и науку, и строгое мировоззрение мусульманского мира, сделавшего ставку на диковато-эстетизированный фанатизм фатализма. Труднообъяснимый, нежно-неизбежный и вместе с тем затаенно-грозный окрик власти с буддистско-ламаистической стороны мир как бы инстинктивно угадывает, но не в состоянии поверить в него. Контур власти видят в той стороне лишь великие равнины мира, но их это не касается, у них другие цели и другие задачи. Они строят свой опыт не на земном времени, а на межзвездных расстояниях, в которых оно отсутствует.

На Тибетском плоскогорье существуют места, где можно собрать иней с солнечного луча и утонуть в запахах жимолости, не погрешив ни в чем перед реальностью.

Тибет — это дверь в глубь Земли. Там расположены пещеры, коридорами которых можно идти до той поры, пока не выйдешь в Купол Скалы в самой высокой части Иерусалима, где находится тайное место. Попад туда, вы сможете перейти из нашего века в любой другой — прошлого и будущего. Вечный жид совсем не метафорический образ, и там же, в Тибете, есть спиральные ходы в срединные страны, в которых живет настоящее человечество и те, кто его создал, то есть частично сохранил в более или менее здоровом виде.

Именно там, в горах Тибета, становится понятным, что гораздо проще и легче поднять псевдоумную железку на миллионы километров вверх, чем проникнуть на двадцать километров в глубь Земли, что гораздо легче освоить территорию Марса, чем дно Мирового океана.

3

Русская разведка занимает в Тибете традиционно сильное положение и обладает обширной агентурной базой, почти по всем пунктам обгоняя англичан и американцев, немного уступая лишь китайцам...

Тибет, где нет ничего, кроме монахов и туманных сюжетов, сжирает огромные средства из бюджетов США, Англии, России, Германии и Франции. Мы ни сном ни духом не ведаем, что тайной расходной части бюджетов наших стран на так называемое тибетское направление выделяются суммы на порядок выше, чем на оборону, культуру и социальные нужды, вместе взятые.

Наиболее рационально поступил Китай, симитировав оккупацию Тибета, который на самом деле является его неотъемлемой частью. Массовая бойня по отношению к тибетцам, в которой непосвященная часть мира до сих пор обвиняет Китай, на самом деле была большой чисткой, уничтожались агентурные сети атлантизированной технотронной цивилизации Запада. Инициатором оккупации Тибета и массовой бойни внутри его были тибетские ламы и сам далай-лама. Настоящий, конечно, Великий, а не ныне разъезжающий по миру.

Разведки всего мира единодушно решили: «Мировой толпе о настоящих тайнах Земли в общем и Тибета в частности, ради ее же спокойствия, знать не положено». Политики высшего ранга вбросили в массы лукавый лозунг: «Чуда нет, есть только временно не разгаданная наукой тайна бытия». Хотя та же наука на женевском форуме ученых-аскетов вполне однозначно высказалась устами старейшего ученого планеты, аргентинца Солана Пруена, лауреата Нобелевской премии в области танатологической астронавтики. Он сказал в своей речи на закрытии форума: «Мы все отлично понимаем, что вокруг нас много такого, что мы не сможем понять никогда, пока живы». Но на такие заявления человечество редко обращает внимание.

Русская разведка никогда не оставляла Тибет. Вся агентурная сеть России в Тибете и

Китае состояла из военных разведчиков, часть которых во времена реформирований была прикомандирована к ФСБ. Команду телохранителей далай-ламы, «лунных бабочек», возглавил великий палач Тибета, Кабнг Омпа, он же Талгат Петрович Волин, сын русского и уйгурки, пришедший когда-то в Тибет лейтенантом КГБ и дослужившийся до генерала ФСБ и посвящения в ранг ламы Багровых оттенков в монастыре Эшер. Он стал самым доверенным лицом далай-ламы, а китайские спецслужбы считали его своим генералом и лучшим китайским разведчиком всех времен и народов. Иногда Талгату Волину хотелось потосковать по родине, но, начиная ностальгировать по России, он всегда обнаруживал себя в центре тоски по Алой вселенной и вечно осуществляющимся потокам бесконечности. Профессиональное общение с прищуренным Востоком и тибетскими ламами высокого ранга не могло не оставить свой след в его мироощущении.

Когда великий палач Тибета говорит, что он кого-то казнил, то не обязательно имеется в виду убийственная экзекуция, а подразумевается чаще всего изоляция.

Вскоре Талгату Волину были переданы золотые часы с бриллиантами Коперника Саввича. Прочитав на часах надпись «В счет отпуска от Ивана Селиверстовича Марущака», он поморщился. Волин хорошо знал отраженного элохима Ивана Селиверстовича Марущака, как и всех остальных отраженных элохимов, некогда действующих в многочисленных подразделениях МОАГУ и вне его. Более того, Талгату Петровичу было глубоко наплевать на них. Ему уже сообщили, что Коперника Саввича, оставшегося без дела после ликвидации УЖАСа, пристегнули в напарники к одному из самых беспринципных и высокопрофессиональных разведчиков ГРУ, подполковнику Радецкому, кумиром которого еще в спецшколе ГРУ стал Яков Блюмкин, расстрелянный в сталинские времена за чрезмерную инициативность и антибюрократические действия. Теперь вот ГРУ, в лице генерал-полковника Дождя, предлагало «найти возможность для незаметного исчезновения Радецкого и Кузькова в Тибете и такого же их появления в России, ибо... Радецкий и Кузьков переживают острую фазу неадекватного восприятия своей действительности».

«Легко сказать, — подумал Талгат Петрович, — незаметно найти возможность в Тибете. Это же не Москва. Здесь все под наблюдением, и не только моим». Он тяжело вздохнул, но приказ есть приказ: «Незаметно помочь исчезнуть в Гималаях и неслышно доставить в Россию».

4

«Прав был небритый старик, бытие определяет сознание, — подумал подполковник Абрамкин на третьи сутки своих блужданий, — умнею не по дням, а по часам».

Третьи сутки подполковник Абрамкин пытался попасть в Нахапетово с тыла — огородами. Он был похож на дезертировавшего из армии мародера, страдающего хроническим алкоголизмом. На нем была сетка пасечника, купленная в ростовском магазине «Пчеловод». Абрамкин прорезал в ней отверстия для глаз и рта. Камуфляжный комбинезон был увешан гранатами РГД-5, к поясу прикреплен десантный нож «Катран» и спецназовский баллончик со слезоточивым газом. За спиной в виде комка грязи висел изрядно похудевший рюкзак. Вообще-то на комок грязи и полувysохшей тины был похож и сам подполковник, а эксцентричная маскировочная маска на лице придавала ему схожесть с гоголевским Виём, но подполковник не придавал этому значения. «Чудны дела твои, Господи, — думал он, бредя по колено в гнилой воде среди камыша, — даже материться не хочется...»

От Ростова-на-Дону до села Нахапетово с пригородного автовокзала два раза в день ходил рейсовый автобус — рано утром и ближе к вечеру. Скромно притулившись в уголке полупустого вечернего автобуса, подполковник добрался до села и покинул автобус на самом въезде в него, не доезжая до первых домов двести метров. Оставшись один на дороге, он пристально и строго оглядел село с пригорка. В домах уже начали зажигать

электричество. «Надо войти огородами, — подумал Абрамкин, — с тыла».

С западной стороны к Нахапетову ластилось Азовское море, с восточной, вплотную к огородам крайних домов, подступали камышовые плавни. Со стороны Ростова простиралось пространство ковыля и шепота приазовской степи. Свернув с дороги, Абрамкин направился на восток — в камыши. Поравнявшись с огородом крайнего дома, он внимательно оглядел его. Дом как дом: во дворе бегала маленькая девочка с собакой, пожилая женщина сидела на низенькой скамейке возле крыльца и лушила руками початки кукурузы в большой эмалированный таз, доставая их из матерчатого мешка, стоявшего рядом. Пригнувшегося среди зеленого чакана Абрамкина не могли заметить, да и вечер, усугубленный пасмурностью, не позволял этого сделать. Надо оглядеть соседний двор, решил подполковник, натягивая сетку на голову и делая два шага в глубь камыша, и дожидаться полной темноты...

Изможденный, голодный Абрамкин лежал на охапке камыша и раздраженно думал: «Он шел на Одессу, а вышел к Иркутску». Его слегка подташнивало от голода. Подполковник чувствовал себя обманутым и оскорбленным. Краем глаза он заметил возле левой руки какое-то движение и, слегка повернув голову, увидел большого и явно только что поужинавшего ужа, лежащего на поваленном камыше. Реакция подполковника была мгновенной. Раз! И уж меланхолично недоумевает в его руке. Два! И нож «Катран» отсекает ему голову и надрезает кожу. Три! Кожа снята. Четыре! И подполковник Абрамкин впивается зубами в еще продолжающее извиваться тело пресмыкающегося. Тут-то его тихо, осторожно и быстро нейтрализовал боец из спецгруппы «Рысь», приступившей к своим обязанностям по наблюдению за селом Нахапетовом, источником тау-излучения. Подполковник Абрамкин так и отключился с освеженным ужом в зубах...

Дознание, следствие, предъявление обвинения в «хищении локально-осколочного оружия с использованием служебного положения». Сидя в таганрогском СИЗО в ожидании суда и разжалования, подполковник неустанно удивлялся: «Что за безобразия в этом мире творятся?!»

5

— Слышишь? — Радецкий, лежавший на теплом полу пещеры, приподнял голову. — Кажется, шорох какой-то?

Он показал рукой в сторону ручейка, выбивающегося из-под северной стены пещеры. Ручеек пересекал пещеру переливчатой полоской по неправильной диагонали и скрывался под скальной стеной в южном конце.

— Мини-землетрясение, — даже не шевельнулся вставший в апатию Коперник Саввич. — Или горно-пещерные тараканы.

— Сам ты таракан. — Подполковник Радецкий вскочил и, подойдя к северной стене, приложил к ней ухо. — И вообще зараза апатичная. Послышалось... — Он огорченно оторвался от стены и заходил по пещере, недоброжелательно поглядывая на Коперника Саввича, который, неестественно вывернув шею и раскинув руки в стороны, лежал на спине, подогнув одну ногу в колене, а вторую вытянув прямо. — Ты лежишь в контурно-меловой позе.

— Это как? — спросил Коперник Саввич, по-прежнему не шевелясь и глядя на Радецкого снизу вверх.

— Это когда труп с места преступления в морг отправляют, а вместо него обведенный мелом контур остается.

— А если я буду лежать в другом положении, какая это будет поза? — вяло отреагировал Коперник Саввич и выпрямил подогнутую ногу.

— Знаешь, — Радецкий снова стал ходить по пещере из одного конца в другой, — даже если бы ты был моим партнером по танго, я все равно бы видел в тебе меловой контур трупа,

увезенного в морг.

— Интересно, — Коперник Саввич вернул выпрямленную ногу в прежнее положение, — почему все умные, энергичные и профессионально подготовленные к экстремальности люди при вынужденном безделье начинают мыслить как уголовники?

— Дурак ты, Кузьков! — развеселился Радецкий, не прекращая своего бестолкового хождения. — Все люди рано или поздно начинают мыслить как уголовники, просто не все это понимают. Я тебе говорю, шорох странный какой-то... — Он замер посреди пещеры.

— Мыши в амбаре, — предположил Коперник Саввич, но тоже приподнялся и прислушался.

Глава вторая

Великолепная и логически оправданная формула «мистика — лазейка для неучей» парадоксально неверна. Образование — это рельсы, ведущие в тупик безнадежности. У образованного и стянутого путами традиционного знания человека есть только одно преимущество перед неучем и дилетантом — он верит в иллюзорного бога науки так, как неуч не может поверить в Бога истинного и неоспоримого. На этом превосходство знания над незнанием и заканчивается. Грохочущий турбинами самолет современного знания летит к четко обозначенной точке Б из точки А, а птица незнания, испуганная мощью летящего железа, все въет и въет гнездо для избегающего дорог совершенства...

Тарас Веточкин, Стефан Искра и полковник МУРа Хромов стояли возле ограждения Москвы-реки и пытались понять говорящего Миронова.

— Я чувствую, — Миронов ткнул себя указательным пальцем в лоб, — себя шизофреником.

— Красивое чувство, — поддержал его полковник Хромов, — я солидарен.

— С чем? — удивленно взглянул на него Тарас Веточкин и, достав из кармана брюк раскуроченный мобильник, бросил его за парапет в воду.

— Ну, здрасьте, — огорчился кто-то на воде за парапетом, — мало того, что весь вечер тут как дурак на лодке плаваю, так еще и на голову все подряд выбрасывают.

— Как водичка? — заинтересовался Веточкин, добродушно разглядывая рабочего на выкрашенной в оранжевый цвет лодочке. Рабочий обновлял белую линию уровня на каменной набережной.

— Все нормально, — буркнул рабочий, опасливо взглянув на четверых нетрезвых мужчин, разглядывающих его сверху, — мобильник не граната.

— Эх, — растрогался Миронов, — как точно сказано.

— Точно, — согласился с ним Хромов, — но неправильно. Мобильник может быть гранатой, а вот граната...

— Тоже может быть гранатой, — догадался Миронов и уточнил: — Логику еще никто не отменял.

— Эй, брат, — поинтересовался Веточкин у рабочего, — при чем тут мобильник?

— Да я вот линию уровня обновляю, — поежился рабочий и неожиданно громко и очень серьезно, если не сказать профессионально, закричал: — Помогите!

— Тонешь, что ли? — Сбросив пиджак на асфальт, Хромов стал перелезать через перила.

— Люди-и! — еще сильнее испугался рабочий, увидев рвущегося к нему на помощь Хромова, и, бросив в воду ведро с краской и кисти, оттолкнулся руками от стенки набережной.

— Ты куда? — удивился Хромов, сидя верхом на перилах и глядя вслед быстро удаляющейся от берега лодке. — Уплыл, — объяснил он, повернув голову к Миронову, который методично, с равными интервалами, встряхивал поднятый с асфальта пиджак Хромова.

— Слушайте, — воскликнул Веточкин, вглядываясь в циферблат наручных часов, — на моих часах двадцать три часа пятьдесят минут! Ночь, одним словом.

— Ну и что, — фыркнул Хромов, — на моих тоже, а они у меня самые точные в мире, точнее эталонных.

— Не пятьдесят минут, а пятьдесят три минуты двенадцатого, — уточнил Миронов, бросив взгляд на свои часы. — Они у меня спешат на три минуты. А в чем, собственно, проблема?

— Смотри, — кивнул головой в сторону ресторана на воде мгновенно протрезвевший Хромов. — Кажется, мы все стали шизофрениками.

Из ресторана «Таверна», который недавно покинули друзья, высыпали люди. На шоссе, проходящем рядом, стали останавливаться автомобили, водители и пассажиры, как бы робея, покидали салоны и, переглядываясь, растерянно смотрели в небо. Из вблизи расположенных жилых домов повалили на улицу жильцы, стали открываться окна. Вокруг ресторана горели электрические гирлянды, у всех автомобилей были зажжены фары, из квартир через открытые окна ярко лился электрический свет. Почти физически ощущалось, что впервые за всю историю своего существования Москва испытывала растерянность.

— Стой, стой! — неизвестно кого стал останавливать все понявший Миронов. — Мы вышли на улицу, когда уже было темно, ночью.

— Вот именно, — мрачным голосом произнес Веточкин, рассматривая слезящимися глазами полуденное солнце над Москвой...

— Я никогда не доверял августу в Москве, — сообщил поверенный в делах американского посольства морскому пехотинцу, охранявшему двор, — а самой Москве не доверяю в любое время дня, месяца и года, впрочем, как и американской прессе. «Вашингтон пост» сообщила, что меня назначают новым послом в России, а кончилось тем, что объявили персоной нон-грата и высылают. Теперь придется мерзнуть под кондиционером где-нибудь в Экваториальной Африке.

— Да, сэр, — невпопад ответил поверенному в делах Либерману морской пехотинец, — странное солнце.

— Ах да, солнце, — спохватился озабоченный служебными перипетиями Либерман, разглядывая полуденное солнце над Москвой в 23:50 местного времени, и, пожав плечами, сказал не столько охраннику, сколько себе: — Август, что вы хотите.

— Это называется — природный феномен, — терпеливо объяснял Борис Александрович внуку, стоя на лоджии восьмого этажа десятиэтажного дома. — Есть солнечное затмение, а есть наоборот.

— Тогда пошли в зоопарк, — предложил пятилетний Женька, решив использовать природный феномен на полную катушку. — Ты же сам говорил, что завтра пойдем.

— Сейчас — сегодня. — Дед показал на экран телевизора в глубине комнаты с появившимся циферблатом точного времени. — Почти двенадцать часов ночи. Ты уже давно должен спать.

— А солнце, — ткнул пальцем в небо внук, — почему светит?

— На то оно и солнце, — с досадой посмотрел на солнечную ночь Борис Александрович, — чтобы светить.

Всему свое место, свой час. Солнце всегда беспощадно к вечерне-ночному имиджу, а неожиданное солнце тем более. На улицах Москвы вдруг оказалось слишком много карнавного вида уродцев. Макияж женщин, юных и не очень, предназначенный для электрического света и ночи, под полуденным солнцем стал похож на грим, накладываемый на респектабельных уродцев в морге. Вечернее одеяние толстокошельковой публики, стекающей к ночным развлечениям — клубам, ресторанам, театрам, барам, казино, — под солнцем приняло нафталинно-паноптикумный отталкивающий вид. Бриллианты, застигнутые врасплох, потеряли драгоценное мерцание тайны и блудливо засверкали

стеклянно-плутоватой фальшивостью. Казавшиеся умными, энергичными, оригинальными и сексуально-привлекательными вечерне-талантливые люди богемно-мажорного типа под лучами парадоксального солнечного полдня резко сморщились, помрачнели, умственно сникли и лихорадочно начали искать освещенную электричеством темноту...

«Интересно, — подумал директор ФСБ, разглядывая из окна кабинета солнечную ночь, — причастны ли к этому мои люди?»

Он подошел к столу и соединился с секретаршей:

— Анна Сергеевна, какое время суток сейчас в США?

— Ночь, — коротко ответила ему секретарша.

Глава третья

1

Паники пока не было. Слишком грандиозным и неожиданным предстал перед человечеством феномен солнца. Ничего особо страшного не произошло, там, где ночь, воцарился день, там, где люди готовились к обеденному ленчу, обнаружилось, что они чересчур долго готовились и пора думать о глотке виски на ночь. Застигнутое врасплох дневное небо США и незаконно захваченное ночью население второй половины земного шара, включая наш Петропавловск-Камчатский, целых четыре секунды могли видеть в небе два месяца — один растущий, а второй убывающий, хотя на самом деле это был период полнолуния. Растущий месяц был цвета начавшей краснеть вишни, а стареющий, как Земля из космоса, был голубым. Через четыре секунды это недоразумение задернулось густой и низкой облачностью. Но паники по-прежнему не было. Лишь в Аргентине произошел случай коллективного суицида, застрелились пятнадцать членов астрономического общества, но, как выяснилось позже, они были членами не астрономического общества, а тоталитарной секты Муна Третьего, и рано или поздно все равно бы застрелились, независимо от смены дня и ночи и расположения лун на небе.

Совершенно необъяснимо повели себя СМИ. Они молчали. Только по каналам Си-эн-эн в сводке погоды улыбающаяся диктор сообщила: «Сегодня вы можете наблюдать облачную ночь вместо солнечного дня. Такое случалось и раньше. Еще Ницше говорил, что ночь — это тоже солнце. Такое явление очень естественно для Земли и происходит раз в сотни тысяч лет. А сейчас встречайте Лару Крофт, она вам объяснит разницу между женщиной в купальнике "змейка" и женщиной в купальнике модели "ультра"».

Контанио Джидо, конгрессмен, владелец «Вашингтон пост» и ряда других авторитетных изданий Америки, дзог предварительного посвящения, отмахнувшись от осаждающих его главных редакторов потрясающей фразой:

— Я вас всех уволю. Вы хотите ввести в заблуждение граждан США. Выгляните в окно, на улице ночь. При чем здесь день?

С этим трудно было спорить, и все владельцы мировых СМИ были солидарны с Контанио Джидо. Ночь есть ночь, а день есть день.

Директор ЦРУ переговорил по линии правительственной связи с директором ФСБ.

— У вас какое время? — спросил директор ЦРУ.

— Ночь, — коротко ответил ему Волхв, разглядывая через окно солнечный московский день.

— А у нас — день, — похвалился директор ЦРУ, включая настольную лампу.

Главы государств быстро обменялись своими мнениями по поводу неадекватного поведения дня и ночи и приняли общее решение: «Ничего не произошло».

Бледные демиурги, гости из Рааая, элохимы, дзоги и жители подземной страны гениев напряженно погрузились в ожидание. Они понимали, что смена дня на ночь и наоборот — это демонстрация силы «лунных бабочек». Правители земной и человеческой цикличной жизни, аварийный экипаж звездной бригадинты «Солнечная система», понимающие, что для того, чтобы правильно жить, нужно научиться правильно умирать, были смущены. Демонстрация силы их впечатлила и озадачила вопросом: «Как действовать?» Ведь еще не было даже известно, как поведет себя Черный Будда-Антихрист в условиях свободы и непредсказуемого мыслетворения. Мнение инертной, управляемой и жалко-похотливой шестимиллиардной толпы по имени Человечество хозяев Земли не интересовало, было лишь одно «но»... «Лунные бабочки» пришли не к хозяевам...

Само собой, возникновение дня посреди ночи и вхождение ночи в солнечный день было не пошлой демонстрацией силы аолиэтных лаозров, а жесткой производственной необходимостью. Таким образом открывались пульсационно-пространственные проходы и дисциплинировалось вторичное время поверхности. Стефан Искра понимал вдумчивый шок своих нетрезвых друзей, увидевших солнце в ночи, но был уверен, что этот шок будет недолгим,

— Тарас, — Хромов упер руки в бока и стал похож на профессионального скандалиста, — и ты, Стефан, — полковник с негодованием повернулся к Стефану Искре. — Опять ваши фээсбэшные шуточки? Опять вы в стадии эксперимента? Куда подевалась ночь, я вас спрашиваю?

— Это белая горячка, — прямолинейно высказался Миронов и, сделав шаг в сторону Хромова, с чувством произнес: — Я с тобой, Леонид.

— Куда? — опешил Хромов, увидев в глазах Миронова готовность к подвигу, жертве и самоотдаче. — Я никуда не иду. И вообще стой пока на месте, — посоветовал он пьяному другу и посмотрел на Веточкина, ожидая ответа.

— Ну, знаешь, Леня! — возмутился Тарас Веточкин. — Ты думаешь, что говоришь? Зачем ФСБ солнце среди ночи, если оно иногда даже днем надоедает?

Аргументы Веточкина не выдерживали никакой критики. Он сам это понял и поэтому, позаимствовав у Хромова позу профессионального скандалиста, стал рядом с ним, лицом к Стефану Искре, и с упреком посмотрел на него. Миронов, удивленный такой постановкой вопроса, тоже упер руки в бока и, повернувшись спиной к друзьям, с возмущением взглянул на желтоглазого, похожего на карточного шулера кота, идущего по парасету Москвы-реки с видом респектабельного пройдохи. Но почему-то Миронов был похож не на профессионального скандалиста, а на флегматичного человека, который уложил свои сумки в багажник автомобиля, остановившегося перед ним под видом такси и сразу же уехавшего, оставив его без багажа посреди шоссе.

— Видите ли, — сказал Стефан Искра, — я бы все объяснил, но в этом нет никакого смысла. Хотя, — пожал он плечами, — давайте попробуем.

Стефан Искра сделал полшага в сторону и словно бы вошел в стену, половина его тела исчезла, а половина осталась...

Пришли, — равнодушно произнес призрак — хранитель Московского Кремля, сиренево-влажным лучом возникая посреди Георгиевского зала. — Я уже устал вас ждать среди этого занудства и скуки по имени Время.

— Катастрофа была неожиданной, грубой и странной, — ответил аолиэтный лаозр, принявший образ в диапазонном времени призраков, — пришлось срочно накладывать пластырь времени, но скоро этому придет конец.

— Черный Будда, — вздохнул вест, — еще они его называют Антихристом.

— Уберем пластырь времени, посмотрим, как они подготовлены к его отсутствию. — Свет слов аолиэтного лаозра отражался в паутинообразной сиреновой структуре

кремлевского веста. — Слишком долгое прозябание в режиме добра и зла дезориентировало всех землян, демиурги и элохимы не исключение, тем более что они не знают докатастрофного периода и всех узоров хаоса.

— Мне все равно, что время, что безвременье, — бликующим шепотом проговорил вест. — Я устал от повторений и смыслов.

Белая горячка, — уверенно произнес Миронов, увидев половину туловища друга без второй половины. Он гордо вскинул голову, опустил руки по швам и, сделав шаг в сторону разделенного Стефана Искры, произнес: — Я с тобой, Стефан...

3

Именно в этот момент встречи аолиэтного лаоэра с вестом, фантомо-паутинообразным существом агнозийской власти седьмой параллельно-галактической степени, Стефан Искра вспомнил о прошлом так, как будто он с ним никогда не расставался, как будто смертельной контузии и вмешательства в его мозг и прошлое Алексея Васильевича Чебрака не было. Он вспомнил свое имя — Василий, фамилию — Корнеев. Вспомнил имя отца — Иван и родину своего детства — Алтай, маленькое село Ручейники. Память вернулась, но Стефан Искра не обратил на это внимания, ибо его, как аолиэтного лаоэра, больше интересовали возможные последствия для Земли после снятия с нее пластыря времени, и, как начальнику кадров ОМ ФСБ России, ему необходимо было изыскивать возможности взять ситуацию под контроль. Плюс ко всему он стал понимать и видеть все наслоения транзитно-корневых жизней Земли, чаще всего уникально сформированных, созидательно-опасных и разрушительно-благотворных. Плюс к этому он четко понимал свою исключительную власть над этими жизнями и столь же четко понимал, что ему, Стефану Искре, эта власть неподконтрольна...

— Хватит, — решительно помахал рукой видимой половине Стефана Искры вмиг отрезвевший и сразу же сориентировавшийся в ситуации Тарас Веточкин, — выходи, ты не на службе. Теперь понятно? — обратился он к застывшему в позе опозорившегося скандалиста Хромову с видом человека, для которого такие мелочи не требуют никаких объяснений. — Такие явления объяснить невозможно, а ночь есть ночь, придет время, и она вернется. Сейчас, кстати, день, при чем здесь ночь?

— Ну да, — согласился с ним Хромов, доброжелательно глядя, как Стефан Искра выводит свою вторую половину из неизвестного ему пространства. — Я знаю, не первый день в МУРе работаю.

— При чем здесь МУР? Я тебе о дне среди ночи говорю.

— Нормальный день, — отмахнулся от него Хромов и вкрадчиво поинтересовался у полностью материализовавшегося Стефана Искры: — Слушай, Стефан, а слабо тебе узнать, кто заказал предпринимателя Рудакова из Кунцевского района и его бухгалтершу Соляковскую, или, — Хромов увлекся, — вот можешь сразу сказать имена, фамилии и адреса гадов, что вчера бомбанули хату коллекционера Бабкина на Тверской? А то меня начальство поедом ест, жизни никакой нет...

— Эй, мужики, — донесся до них голос подплывшего к парапету рабочего. Он держал в руке раскуроченный, но, как оказалось, настойчиво действующий мобильник Веточкина. — Вам звонят.

— Надо же, — Тарас Веточкин покачал головой и, наклонившись к рабочему, взял из его рук мобильник, — какая крепкая хреновина.

Еще в ресторане, после второй бутылки коньяка, Хромов поспорил с Веточкиным, что раздавит мобильник, сжав его в кулаке, и выиграл этот спор.

— Да, — осторожно поинтересовался Веточкин у телефона, бережно держа его двумя пальцами возле уха, — я слушаю. — Выслушав сообщение, он оглядел мобильник со всех сторон и решительно выбросил его в реку, тут же совестливо спохватившись: — Черт, надо было додавить его и в урну бросить, а не реку загрязнять. — Затем обратился к Хромову: —

Забудь о смерти Рудакова и Соляковской, им это уже абсолютно до лампочки. Приказом министра внутренних дел, который выполняет распоряжения президента, ты переведен на службу в отдел модификаций ФСБ, и я, — Веточкин ошарашенно тряхнул головой, — твой начальник.

— И я с вами! — громко напомнил о себе Миронов.

4

Этому событию предшествовало секретное совещание в развернуто-лучевом комплексе «Ч».

— Интересная планета Юпитер, — задумчиво произнес президент России, склоняясь над картой звездного неба, выполненной в объемно-цифровом изображении на поверхности совещательного стола в бункерном кабинете на глубине две тысячи метров под Центром управления космическими полетами в подмосковном городе Королеве... Держа в руке стержень пульта, он «пододвинул» к себе участок «К-7» пояса астероидов между Марсом и Юпитером. — Забавно, что пояс астероидов возник как разделительная полоса между Меркурием, Венерой, Землей и Марсом — планетами земной группы, и Юпитером, Сатурном, Ураном, Нептуном и Плутоном — планетами неземной группы. Кстати, — совершенно неожиданно вернулся на землю президент, обращаясь к министру внутренних дел, — разве МВД обязано заниматься океаном? Почему вы зачислили в штат океанологов Стронгина, да еще и на ставку начальника следственного отдела?

— Ну, это, как его... — От неожиданности министр внутренних дел развел руками и произнес нечто несуразное: — Если не мы, то кто?

— Ладно, — махнул рукой президент, — спасибо, что поддержали ученого, а теперь пусть он идет под крылышко Михаила Григорьевича. Приказ я уже подписал. Океаном, Юпитером и антитеррористической деятельностью у нас будут заниматься Волхв и Дождь Николай Олегович.

— Вообще-то он и у нас хорошо себя чувствовал, — попытался сохранить «выход на океан» в своем ведомстве министр внутренних дел, приводя способные обескуражить кого угодно доводы. — С полковником Хромовым Леонидом Максимовичем, лучшим оперативником России, сдружился, планы по Атлантике вместе с ним составляли.

— Хорошо, — пошел навстречу министру президент и почему-то кивнул директору ФСБ. — Пусть и Хромов переходит в отдел модификаций ФСБ, уговорили. — Он улыбнулся, склоняясь над настольными звездными картами, и вернулся к разговору о Юпитере. — Мне не совсем понятен принцип посадки на Юпитер. Если у планеты нет твердой поверхности, тогда что там есть?

— Газообразный водород атмосферы, — с готовностью ответил научный руководитель космических программ России, академик Борнео Наум Яковлевич, автор теории о Солнечной системе как инженером сооружений. — Постепенно он переходит в жидкую, а затем и в твердую, металлическую, фазу. Это абсолютно необычное агрегатное состояние водорода. Оно связано с резким увеличением давления по мере погружения в атмосферу планеты. Всего лишь на глубине 0,9 радиуса планеты давление достигает сорока миллионов атмосфер. Магнитное поле Юпитера на много порядков превосходит земное при обратной полярности, но... из всех планет земной группы лишь одна Земля имеет радиационный пояс планеты неземной группы — Юпитера. Это говорит о родственности Юпитера и Земли. Мы как бы сильно ослабленная копия его, фантомная частица, ибо радиационный пояс Юпитера в десятки тысяч раз интенсивнее земного. Из всех планет Солнечной системы лишь только на Юпитере и Земле наблюдаются полярные сияния, связанные с прорывом заряженных частиц из радиационных поясов в атмосферу, и лишь только на наших двух планетах существуют грозы.

— Майские грозы Юпитера! — восхитился президент. — Интересно было бы

посмотреть и послушать гром и молнию планеты-гиганта.

— Тогда нужно предположить, что на Юпитере вечный май. — Опытный Наум Яковлевич одновременно настоял на истине и сделал реверанс в сторону главы государства. — Там ось планеты почти перпендикулярна к плоскости ее орбиты и нет смены времен года.

— Вечная весна, — прищурил глаза глава ГРУ Дождь Николай Олегович. — Как хорошо вы знаете Юпитер, черт бы вас побрал, заодно бы и объяснили, почему у нас по ночам светит солнце?

— Вот именно, — покивал головой президент, то удаляя, то приближая пультом к себе галактики и созвездия настольно-объемной карты. — Только вы как ученый высказываете свои предположения, а не как особа, приближенная к императору. Вы представляете, — глава государства обвел взглядом присутствующих, — в ту ночь, когда наступил день, мне восемь человек из администрации сказали, что таким образом меня приветствует небо. — Взгляд президента стал жестким. — Я их всех уволил, даже несмотря на то что солнце среди ночи в предвыборный год — действительно неплохая пиар-акция.

— О, поверьте мне, — понимающе улыбнулся Наум Яковлевич, — в этом явлении нет ничего удивительного и сложного. Есть всего три варианта, способных вызвать такой феномен: или прекращение вращения Земли вокруг своей оси, или проявление самостоятельности Солнца, решившего покинуть свое место и застать теневую сторону врасплох, или третий вариант, паранаучный, но я, как представитель официальной науки, отвергаю его с порога, даже несмотря на то что первые два варианта также невозможны, хотя, — Борнео глубокомысленно вздохнул, — возможно все.

— Вот! — неожиданно оживился присутствующий в бункер-резиденции министр финансов, вскакивая с кресла и тут же падая в него обратно, неловко зацепившись карманом пиджака за деревянный подлокотник выполненного в стиле аскетического соцреализма кресла. — Такие у нас в науке дела. Просят выделить им на развитие девять миллиардов рублей в год, а сами мозги людям такими вот фразочками пудрят. Да я за девять миллиардов в год, — вновь разволновался, вскакивая с кресла и снова падая в него, министр финансов, — столько таких слоганов придумую, что ой-ой-ой. Например, вкладывая в развитие науки рубль, взамен вы получаете возможность вкладывать в нее сто рублей и так далее, пока какой-то идиот с воспаленными от гениальности мозгами не разберет людей на запчасти для обслуживания биороботов, которые при создании избежали знакомства со сперматозоидами. — Министр как заговорил неожиданно, так неожиданно и замолчал.

— Он у нас консерватор, — объяснил ученому президент, — за государственную копейку удавится.

— Да он и за свою удавится, — стараясь, чтобы его никто не услышал, буркнул глава СВР.

— За свою он не удавится, а удавит, — поправил его Дождь и постарался произнести свою фразу еще тише.

— Ему без разницы, за чью копейку, свою или государственную, удавливать, лишь бы удавливать, — вмешался в разговор Волхв.

— Умники, — повернул к ним голову президент, — помолчите, пожалуйста. — Он обратил взгляд к Борнео: — Ну и что говорит об этом явлении паранаука?

— Она говорит, что таким образом проявляется зеркальная параллельность, искажающая время и пространство, — попытался объяснить необъяснимое смутившийся Борнео.

— Понятно, — кивнул президент, — давайте лучше поговорим о реальном. Нужно ли России самостоятельно готовиться к полету на Юпитер, что чревато падением уровня жизни граждан государства, или осуществлять совместный проект с американцами?

Президент России знал ответ на этот вопрос. На него ответил сам ход развития космической отрасли. Самостоятельно страна могла действовать, лишь напрягая свои экономические, научные и психологические мышцы, да и то на уровне околоземной орбиты и «закладывания» к планетам Солнечной системы то искаженно слышащего «уха» наподобие АМС (автоматического спутника) «Магеллан», осуществившего радиолокационные съемки поверхности Венеры, то далеко не зоркого «глаза» наподобие космического телескопа имени Комарова, принцип действия которого полностью скопировали американцы для своего КТХ — космического телескопа имени Хаббла. Качественный рывок во Вселенную Земля могла осуществить, объединив все силы. Но для этого необходимо обрести спокойствие, унять амбиции неразвитых стран и народов хотя бы путем их уничтожения, создать единое системное государство из развитых стран мегаполисного типа, вывести новый тип биоэлектронного человека... «Жутковато-заманчивая перспектива, — подумал президент, глядя на Борнео Наума Яковлевича в ожидании ответа, который он знал. — Все как будто правильно, глобализация на уровне науки и техники необходима для познания Вселенной, но кажется мне, что это будет ложным познанием».

— Юпитер в одиночку взять невозможно, — ответил президенту Наум Яковлевич, — но на уровне подготовительного этапа самостоятельность необходима, хотя бы для того, чтобы избежать общих ошибок.

— Я понял вас, Наум Яковлевич, садитесь, — произнес президент.

— Вот видите, уже Юпитер, — наконец-то вышел из шока министр внутренних дел, — а вы у меня Хромова хотите в ФСБ перевести, одного из самых лучших сыщиков планеты.

— И Стронгина, — напомнил ему президент, — лучшего океанолога земного шара.

Глава четвертая

1

В подземном научно-промышленном комплексе «Янки» кипела работа. Творцы «Хазара» были так одержимы ею и так привыкли к подземному существованию, что их не волновало поведение дня и ночи на поверхности...

— По-моему, сейчас должен быть день, — пожал плечами Джон Карри, — но мне сказали, что вернулась ночь.

— Ах, — вздохнула Клэр Гатсинг, — я бы с удовольствием вернула ту ночь в Акапулько.

— Какую ночь? — с недоумением посмотрел на нее Джон Карри. — Мы не были с тобой в Акапулько.

— Милый, — вновь вздохнула Клэр Гатсинг, — при чем здесь ты?

— Ты права, — охотно согласился Джон Карри, — я здесь ни при чем, тем более что ночи в Акапулько, говорят, слишком душные. Пойдем в альфа-ангар, — предложил он Клэр Гатсинг. — Арчибальд Соукс уже там, сегодня принимаем центральный отсек «Хазара».

— Арчибальд Соукс, — задумчиво проговорила Клэр, — я вся в экстазе от этого сенатора и вся в экстазе от Службы национальной безопасности, заявившей, что у них нет полномочий для разработки сенатора США.

— Арчи хороший парень. — Джон Карри уже признал в Соуксе коллегу и поэтому считал его вне критики. — Хотя, — засомневался он, — в нем, конечно, есть нечто непросчитываемое.

— Юпитер, — Клэр Гатсинг редко тратила время на выслушивания своего жениха и начальника, ставшего первым благодаря второму, — и наш «Хазар» нужно проверить на совместимость.

— Полетим и проверим, — не стал вдаваться в подробности Джон Карри.

— Джон! — властно одернула его Клэр Гатсинг. — Без меня ты никто, поэтому разговаривай со мной внимательно...

Да, Клэр Гатсинг была человеком-гением и экстремально-сексуальной женщиной. В ней было что-то от грехопадения, без которого не осуществилось бы творение. Над ее мыслями, телом и словами властвовала затаенная и чрезвычайно эмоциональная неудовлетворенность. Если она брала в руки бокал шампанского и, подержав его, уходила, оставив на столике, вошедший после нее в кабинет мужчина, не ведающий, что здесь только что была Клэр, возбуждался при виде бокала и в панике бежал на прием к штатному психосексологу объекта «Янки». Эта особенность Клэр так приглянулась СНБ, что она взяла ее под свое покровительство. Впрочем, Клэр Гатсинг покровительствовала не только СНБ. О ее здоровье и настроении регулярно спрашивались президент США и народ Америки. Она была символом всех феминистских организаций мира, и отнюдь не за то, что могла возбуждать мужчин и женщин при помощи предметов, побывавших в ее руках, нет. Истинную славу и блеск Клэр Гатсинг составляли ее гениальность и изощренная исследовательская отвага. Это Клэр предположила, а затем и доказала глупость нашего разделения времени на прошлое, настоящее и будущее. Оказывается, время напоминает однородный стеклянный шарик, вокруг которого океан безвременья, экспериментирующего со временем. В однородности времени прошлое и будущее может быть только настоящим. Предаваясь воспоминаниям о своем детстве, юности, мы попадаем благодаря памяти в ложную зависимость от ложного течения времени, а моделируя будущее и предполагая в нем свое умирание, мы умираем не спустя некоторое время, а здесь и сейчас. На самом деле мы не рождаемся и не умираем, это все шуточки безвременья. Одним словом, Клэр Гатсинг додумалась до того, до чего может додуматься только женщина, наполненная гениальной неудовлетворенностью.

Эта теория была бы голословной. Но Клэр Гатсинг, используя грубые достижения современной цивилизации, попробовала измерить пространство внутри человека на клеточном уровне с помощью прибора «Актуалий» биоэкранирующего действия. Этот прибор, выращенный Клэр из психосубстанции-информационной мли-клетки миро-океанного планктона, уже более десяти лет применяется в науке и считается наиболее точным и быстрым в определении объемно-безлинейных расстояний. Запущенный в младенца через роженицу, спутниковый зонд «Актуалий» вживился в шифры клеточно-генетических пространств человеческой плоти и начал выводить их постепенную расшифровку через разведспутник ЦРУ на монитор в кабинете Клэр Гатсинг. Через пять лет после рождения ребенка молекулярный спутник-зонд «Актуалий» наткнулся на скопление клеток поглощающего притяжения и, передав сигнал бедствия, исчез, но информации было уже более чем достаточно. Самое потрясающее, что клетки человека хранили в себе память своего возникновения, и эта память, в полном смысле этого слова, была «обжигающей».

Оказывается, когда-то, в своем невообразимо первичном существовании, человек, то есть все мы, возник при температурном режиме в 666 тысяч Кельвинов. Клетка запомнила это навсегда, и «Актуалий» бесстрастно зафиксировал вид этой памяти, напрягшей всю мировую науку настолько, что восемнадцать лауреатов Нобелевской премии, среди которых были биологи, химики и физики, отказались от служения науке, отреклись от своих имен и ушли в глубины своих вероисповеданий. Но это было еще не все. При таком температурном запечатлении памяти клетки человека уже не могли воспринимать земную информацию. Нельзя, побывав в центре Солнца, реагировать на пламя спички. Это говорило о том, что наша память о вчерашнем дне абсолютно недостоверна. Но самым необыкновенным и обескураживающим в открытии Клэр Гатсинг было то, что запечатленная (неподвижная) информация, считанная с человеческой клетки, напоминает фотографию Большого Красного Пятна на Юпитере. Более того, НАСА владеет информацией о том, что температура вблизи центра Юпитера достигает 666 тысяч Кельвинов, а в самом центре — 999 тысяч Кельвинов. Еще в 1979 году АМС «Вояджер-2» дал возможность ученым рассмотреть некоторые детали

атмосферы Юпитера, но вещество, находящееся под облачным слоем планеты-гиганта, так и осталось недоступным наблюдению и пониманию. Тем не менее ученым доподлинно известно, что Юпитер излучает в два раза больше энергии, чем получает от Солнца, а это говорит о том, что планета обладает собственным источником энергии. Но даже не это толкнуло российскую и американскую космонавтику на подготовку полета к Юпитеру, а то, что человек тоже выделяет в два раза больше энергии, чем получает от Солнца, и, следовательно, в каждом человеке спит Юпитер — память о нем.

— Клэр, прости меня, конечно, но как можно проверить «Хазар» на совместимость с Юпитером без его встречи с ним?

— Никак, — удивленно посмотрела на Джона Клэр Гатсинг. — С чего ты взял, что это возможно? Мы, кажется, говорили о странной трансформации дня в ночь и об Арчибальде Соуксе, который ждет нас в альфа-ангаре, где сегодня принимают центральный отсек «Хазара».

— Ах да, ночь, — задумчиво проговорил Джон Карри. — Клэр, это очень серьезное явление, это невозможное явление.

— Конечно, — кивнула Клэр Гатсинг, — нас о чем-то предупреждает Провидение.

Она так произнесла «нас о чем-то предупреждает», что любому стало бы ясно, что она имеет в виду не человечество, а себя лично.

2

Арчибальда Соукса не было в альфа-ангаре. Его вообще не было в подземном научном городе. Он находился в шестидесяти километрах от охраняемой зоны «Янки» и в десяти от федерального шоссе Эйч-Ю и рассматривал звездное небо, несвоевременно раскинувшееся над удивленной пустыней штата Аризона. Здесь не успевшая приспособиться к внезапно нахлынувшей ночи пустыня была похожа на глухонемое вдохновение еще не родившегося музыканта. Она звенела от переполненности мелодиями небесных сфер, звуки которых мы называем тишиной. Арчибальд Соукс поднял к небу лицо и, став аолиэтным лаозром, шагнул из аризонской пустыни в Ростовскую область, Неклиновский район, село Нахапетово. При этом он слегка потревожил нервную систему двойниковой параллельности, которая волнообразно, словно в ознобе, вздрогнула, и вместе с ней вздрогнули все эмпирически-вдохновенные женщины Земли, связанные звездной судьбой с Лисоокой Ундиной. Были сброшены с неба на землю два военных истребителя в Италии, один в Белгородской области России, пассажирский лайнер со ста двадцатью пассажирами в Индии, началось землетрясение в горах Афганистана, и вновь заработало сердце у московского пенсионера, отравившегося некачественным алкоголем, Зигфрида Булгаковича Травкина, и он пережил страшные мгновения вторичного умирания на глубине чуть более полутора метров в песчано-глиняной почве, так как несколько часов назад был оплакан и похоронен женой, сыном и двумя дочерьми. А также пришли в неописуемое волнение все астрономы мира, ведущие наблюдение за звездами из своих обсерваторий. Вселенная на мгновение приобрела другую форму, цвет и структурность, но мгновение было настолько мимолетным и не фиксируемым фотосистемами обсерваторий, что все ученые подавили в себе это волнение и постарались забыть, дабы не быть обвиненными в профессиональной некомпетентности. Лишь автоматика околосемного телескопа имени Хаббла выдала в Хьюстонский центр сигнал «Аномальный сбой», но тотчас пришла в норму и заработала в обычном режиме.

3

До Великой Катастрофы на месте нынешнего пояса астероидов в Солнечной системе

существовала еще одна планета. Располагалась она между Марсом и Юпитером и называлась Янус, а около Земли еще не было Луны. И вообще все было несколько иначе. Периоды вращения Земли, Марса, Януса и Юпитера вокруг своей оси совпадали с их обращением вокруг Солнца. Янус был всегда обращен к Земле и Марсу одной стороной, а к Юпитеру другой и был схематически-парадоксальной планетой, которую можно было отнести к планетам земной группы (Меркурий, Венера, Земля, Марс) и к планетам неземной группы (Юпитер, Сатурн, Уран, Нептун и планетарный астероид Плутон). Это было хорошее время для Земли и всей Солнечной системы. Не было цикличности, не слышалось неотвратимого «тик-так, тиктак», все было светлым и радостным, все было безначально-первородным и улыбочиво-свежим. Никто не знал о существовании зла по имени «Начало» и беспросветной неизвестности по имени «Конец». Всем этим нас заразило чужеродное безначалие. Мы пересеклись с орбитой чужого творца бесконечности. Мы уже забыли, как выглядит лазоревая гавань, из которой выплыла наша звездная бригантина «Солнечная система», но если бы вы знали — люди! — какими мы были лучезарными в первоисточнике...

— Ничего себе, современная цивилизация! — возмутился Чигиринский, рассматривая Нью-Йорк с восьмидесят восьмого этажа небоскреба «Пауэл-Твикс» компании «Спейс компакт», выпускающей продукты питания для астронавтов НАСА и кухни президента США. — Даже кофе, — он с отвращением посмотрел на пластиковый стакан с кофе в руке, — и то приготовить не могут.

— Ладно тебе, Фима, — шевельнулся в кресле худощавый человек хасидской внешности. — Демонизирование жизни и разума не оригинально. Этим начали заниматься еще во времена эллинов.

— Эллинов? — скептически переспросил Ефим Яковлевич. — Надо же, а я думал, что это прерогатива имов, то бишь фараонов.

— Там владели первоисточником на элитарном уровне, а греки осознали это на уровне демоса. Такое знание делает демона даже из ангела.

— Забавно, — хмыкнул Ефим Яковлевич, — демоны Эллады переориентировали ангелов Европы, начав с Рима, дабы римский бык таранил им дорогу к христианству, основному элементу глобализации...

Чигиринский бросил взгляд в сторону «Нонкома», два года назад ставшего культовым небоскребом Америки и всего мира. Триста пятьдесят метров сплавно-структурного бетона, стекла и обсидиановой стали, взметнувшихся ввысь. Со свойственной США манией и эпатажной безоглядностью, периодически сменяющейся строгой предусмотрительностью, одну сторону «Нонкома», повернутую к «Пауэл-Твикс», отдали распятию. Иезуит-дизайнер, получив благословение нынешнего папы римского, объемно, по-голливудски броско и красочно «распаял» изображение Иисуса Христа на всех трехстах пятидесяти метрах небоскребной высоты, и возведенный в ранг человекоподобной божественности образ Закона Взаимосвязи с мучительно-печальной насмешливостью взирал на самоуверенную обреченность Нью-Йорка.

И ты и я знаем, что не все так однозначно. — Человек в кресле шевельнулся и совершенно необъяснимо перестал быть похожим на хасида. — Как хорошо и трогательно было бы делить все сущее лишь на добро и зло — курорт был бы, а не жизнь.

— Конти, — Чигиринский отошел от окна и насмешливо посмотрел на своего собеседника, — ты еще расскажи мне об угрозе Западу со стороны России и геополитических интересах США. Тебя сделали главой ЦРУ не для добра и зла, а для того, чтобы ты следил за процессом на подведомственной тебе территории Северной Америки. Ты же не ловишь мышей. Куда исчез Арчибальд Соукс, сенатор США, между прочим, прямо из суперохраняемого полигонно-промышленного космодрома «Янки»?

— Фима. — Собеседник Чигиринского, оказавшийся директором ЦРУ с тайным именем Конти, поднял руки. — Я, кажется, сошел с ума. Во всем виновата перетасовка дня и ночи. Соукс поднялся на поверхность и куда-то пропал. Да так пропал, что даже не хочется распространяться на эту тему.

— Говори, говори. — Чигиринский с недоумением посмотрел на директора ЦРУ. — Что значит «куда-то пропал»? Разве имеющие допуск в «Янки» не облучены для глобального контроля?

— В том то и дело, что облучены. — Континти так разволновался, что продолжал держать руки поднятыми вверх. — Когда

Соукс вышел на поверхность, офицер-оператор зафиксировал время — пятнадцать часов пятьдесят минут. А через минуту спутник, фиксирующий перемещения людей, имеющих допуск в «Янки», выдал на монитор информацию, что седьмой объект, сенатор Соукс, находится в квадрате «Эйч-Ю-Азов».

— Дурдом какой-то, — опешил ничего не понявший Ефим Яковлевич. — Опустите руки, — посоветовал он главе ЦРУ, — и говорите нормально. «Эйч-Ю-Азов» — это название бара?

— Нет, — отрицательно покачал головой Континти. — Это на юге России, в районе Азовского моря. Из Аризоны туда за две минуты даже во сне не добежать. Спутник врет.

— Спутник не врет, он честный парень, это Соукс шустро передвигается.

— Что? — не понял директор ЦРУ, с недоумением глядя на Ефима Яковлевича.

— Ничего, — отмахнулся от него Чигиринский и на всякий случай объяснил: — От Азовского моря до Одессы — рукой подать.

Глава пятая

1

Время песка, время пространства, время Тибета. Глубокий вздох гор, и нечто хрустально-шарообразное возникло посреди пещеры. Подполковник ГРУ Радецкий пытался проснуться, но это было невозможно, потому что вокруг его сна был еще один сон, густой и звонкий, словно призрак тысячи серебряных колокольчиков внутри обычной галлюцинации.

Радецкий обреченно вздохнул во сне, принял позу эмбриона в чреве матери и тут же столкнулся с обескураживающе грубой и хорошо знакомой ему реальностью, не имеющей ничего общего с чудом сновидения.

Разведчики спецгруппы ГРУ «Рысь», осуществлявшие наблюдение за селом Нахапетовой, не стали размышлять о причинах появления человека в странном одеянии, а приняли его за демаскировавшегося противника, которого нужно нейтрализовать и задержать до выяснения личности. Их немного удивил профессионализм сопротивления, оказанного человеком, только что лежавшим в позе «колени в подбородок». Он мгновенно распрямился, откатился, вывернулся, нанес удар и утихомирился. Спецгруппа «Рысь», в конце концов, не оцепление внутренних войск, занимающихся проверкой документов...

Вскоре Радецкий оказался в областном УФСБ города Ростова-на-Дону. На вопрос следователя: «Какого черта вас занесло в плавни под Нахапетовом?» — он брякнул первое, что пришло в голову: «Ужей ловил на продажу».

Радецкий решил притворяться кем угодно, даже блуждающим ужеловом, пока не разберется в ситуации. Все-таки заснуть в пещере под Лхасой в Тибете, а проснуться в плавнях под Нахапетовом... это требует неспешного и глубокого осмысления.

— Еще один ужелов, — почему-то обрадовался следователь и, вызвав конвой, отправил задержанного в камеру, напоследок задав вопрос, который он должен был задать в первую очередь: — Как ваша фамилия, имя, отчество?

Радецкий, с самого начала понявший, что следователь никакой не следователь, а спецслужбовский «яйцеголовый» интеллект, готовый кастрировать собственного отца и сына ради науки, с достоинством ответил:

— Зовите меня просто Виталиком Гастролером...

Как ни странно, но в оперативных ориентировках по Ростовской области действительно проходил под многочисленными фамилиями некий брачный аферист Виталик Гастролер, в последний раз «подженившийся» в Таганроге на Вострецовой Алле Юрьевне, владелице ателье «Мечта», и оставивший ее без золотых украшений, тридцати пяти тысяч долларов и веры в мужскую порядочность.

Из УФСБ Радецкого передали в руки уголовного розыска и перевели в ростовское СИЗО. Во время следствия обнаружилась прямая, можно сказать, демонстративная, связь между подполковником Абрамкиным и бесфамильным Гастролером. Об этом говорило совершенно необъяснимое, но явно указывающее на общие дела совпадение интересов. Во-первых, и тот и другой были задержаны в плавнях под Нахапетовом, один уже с ужом в зубах, а второй только охотился. Во-вторых, когда по такому случаю Радецкого этапировали в таганрогское СИЗО, произошло невероятное событие. Алла Юрьевна, приглашенная в Управление внутренних дел города для опознания «экспресс-мужа», опознала его.

— Виталик, — с укором сказала она обалдевшему разведчику и диверсанту, — зачем ты это сделал?

— Что? — попытался прояснить ситуацию Радецкий, начиная подозревать, что он продолжает спать в тибетском зиндане. — Что я сделал тебе, женщина?

К слову сказать, Алла Юрьевна действительно была женщиной. У нее все было плавным, объемно-гибким и стремительно-энергичным, с легким налетом скрываемой искусственности.

— Я помню, что вы со мной делали по ночам, — неожиданно для присутствующих на опознании Самсонова и Басенка разоткровенничалась обычно сдержанная Алла Юрьевна. — Ты и Абрамкин. Они в паре работают, — сообщила она Самсонову и, всплакнув, добавила: — Особенно ваш Абрамкин.

2

— Баба врет, как реклама по телевизору, — сказал полковник Самсонов Степе Басенку, когда они остались в кабинете одни. — И слава Богу. Я тут вижу руку Провидения. Пришла шифровка из Москвы, чтобы задержанных в районе Нахапетова под любым, пусть даже вымышленным, предлогом содержать под стражей до особого распоряжения.

— Это же правовой беспредел! — на всякий случай возмутился Степа Басенок.

— А у права и не должно быть предела, — строго заметил Самсонов и объяснил свою позицию: — Пусть сидят, какая разница. Дело-то необъяснимое, с чертовщиной. Глядишь, и мы кое-что разузнаем о судьбе Савоева. Если не мы, то кто его судьбой заниматься будет, не Москва же?

— Надо этого Виталика с Абрамкиным в одну камеру посадить и оснастить ее подслушивающим устройством, — мгновенно проснулся в Степе энтузиазм.

— Книжек начитался, — остудил его пыл Самсонов. — Во-первых, санкцию на прослушку не дадут, но это фигня, а во-вторых, нет денег и людей. И вообще в этом деле много мороки. Лучше задержи Рогонянов и посади их до моего особого распоряжения в камеру к ним, пусть поработают подслушивающими устройствами, хлеб свой сутенерский отработают.

Глава шестая

1

Кузькову Копернику Саввичу приснился сон — будто он должен оказаться в Москве и

применить эльфовые яды группы «Успех длиною в жизнь» к целому ряду незнакомых ему людей московской ориентации. Самым трудным в этом неизвестно кем порученном задании было то, что Коперник Саввич не знал, как этих людей определить, более того, не знал, как ему попасть в Москву, несмотря на то что во сне он находился прямо в ее центре, лежал в углу подъезда № 4 дома 10 «А» по К-му переулку. Ему снилось, как к нему подошел и наклонился, вглядываясь в лицо, подросток лет семнадцати с чертежным тубусом в руке и самозабвенной отвлеченностью в глазах. Подросток вежливо потыкал его ногой в плечо, проверяя на жизнеспособность, и, наклонившись, снял с руки Коперника Саввича золотые часы с бриллиантами, подарок Ивана Селиверстовича Марущака. «Скотина безмозглая, — мысленно осудил поступок молодого человека Кузьков, — они уже украдены в Тибете, а ты их пытаешься украсть в Москве». Подросток внимательно рассмотрел часы и удивленно вскинул брови, затем отстегнул от пояса мобильный телефон и кому-то позвонил, положив часы в карман. «Мог бы и в мой карман положить, — подумал Коперник Саввич, нежась в сладостной истоме ласкового сновидения, — стервец меркантильный». Подросток продолжал стоять рядом с телом валяющегося в подъезде Коперника Саввича. Из лифта вышел солидный мужчина мускулистого телосложения, в спортивном костюме и с выражением скептического недоумения на лице. Слова не проникали в пещерно-тибетский сон Коперника Саввича, но картинка была четкой. Молодой человек вытащил из кармана часы и, протянув их подошедшему мужчине, кивнул головой на тело Кузькова. «Интересно, — подумал Коперник Саввич, плывя в темноте и блаженстве сна, — чего это я тут разлежусь, как алкаш обесточенный?» Мужчина вгляделся в надпись на часах и кивнул подростку, беря у него из рук мобильник. В это время Коперник Саввич услышал скрежет надвигающегося пробуждения, почувствовал сквозняки реальности и жесткость бетона в московском подъезде.

— Я что, — сообщил он обрушившимся на него звукам, — не туда попал?

— Возможно, — сообщил мужчина в спортивном костюме, с любопытством глядя на Коперника Саввича сверху вниз, и представился: — Полковник Хромов, Московский уголовный розыск, в смысле ФСБ. Вы можете объяснить, откуда у вас золотые часы с бриллиантами, насколько я разбираюсь в этом, более двухсот тысяч долларов каждый?

Хромов вспомнил. Эта фамилия с дурацким именем, выгравированные на часах, уже попадались ему по ходу расследования уголовного дела об отравлении известного всей Москве преподавателя МГУ. Он даже сообщал о Кузькове Веточкину, и тот отнесся к этому очень серьезно, но затем как-то все замялось и забылось из-за происшествия в гастрономе «Елисеевский» и других, не менее судьбоносных, событий.

— Это подарок, — сказал мужчина, садясь на пол. Убедившись, что на нем, кроме снятых с рук часов, нет ни клочка одежды, он уточнил: — Судьбы.

— Куда его, господин полковник? — В подъезд ввалились Саша Стариков и захваченные им на всякий случай двое патрульных. — В стриптиз-бар?

— Да нет, — задумчиво протянул Хромов, воспринимавший свой перевод в ФСБ как кратковременную командировку. — Вези в МУР. Я сейчас переоденусь и приеду. Перевезу его на Лубянку. — Хромов повертел головой и крикнул вслед входящему в двери лифта подростку: — Спасибо, Толик!

2

Анатолий Лаперуза, сосед Хромова по лестничной площадке, на самом деле был не семнадцатилетним юношей, а двадцатидвухлетним потомственным москвичом, представителем неистово-разумного поколения прагматиков, плюющих на идиотическое проявление романтизма в своих не приспособленных к современности родителей и увлекшихся наркотическим андеграундом, попсой и социально-агрессивным роком сверстников. Еще в десятом классе он сказал свое «нет» расхлябанной богемности

родителей, они были актерами Ленкома, и наркотически-экзальтированный беспредел их жизни сидел у него в печенках. Анатолий сразу же решил, что жизнь должна быть качественной, с лейблом дорогой фирмы, который не обязательно демонстрировать. Качество должно быть скромным и не бросающимся в глаза не ведающим о нем. Свой интерес он направил на новые технологии и уже в восемнадцать лет стал заколачивать приличные бабки на Интернете, спокойно определив, что новые технологии неизбежны, но смысла жизни не объяснят, поэтому их нужно просто подмять под себя и употребить. Толик Лаперуза считал, что человек не обязательно должен быть культурным, но обязательно должен правильно вести себя в жизни, выполнять законы общения, принятые в среде деловых людей. Он давно понял, что можно быть носителем высокого искусства и пошлого хамства одновременно, стоит только увидеть артистов, когда они уверены, что их никто не видит. Толик ограничил свою культуру умением правильно подбирать мужской парфюм и просмотром качественного порно, а также уделил внимание корректности и точности в общении и стиле жизни. Чтобы не забивать себе голову поиском денег, он решил, что их у него должно быть много.

На данном отрезке жизни Толик Лаперуза обучался в МГТУ имени Н.Э. Баумана информатике, экономике и менеджменту, попутно осваивал коммуникативную методику изучения иностранных языков и посещал платные курсы по психологии общения, технике речи и риторике в закрытой для «не своих» спецстудии «Останкино», то есть был молодой, конечно, но далеко не глупый. Он только не знал пока, да и не мог знать имени своего хозяина.

Прагматизм прагматизмом, но артистические гены и молодость тоже не шутка. В Толике Лаперузе, несмотря на его современный цинизм и серьезные отношения к ступеням карьеры, жил непредсказуемый и насмешливый дух любознательности, граничащий с активизированным любопытством на уровне «А что вы здесь делаете?». Это толкнуло его в объятия журналистики, подруги стукачества и младшей сестры разведки. И то и другое предполагают в своей работе внедрение в опасность продаться. Журналист, хочет он этого или нет, всегда является информатором спецслужб, журналистика всегда под их опекой. Если один журналист обвиняет другого в сотрудничестве с КГБ или ФСБ, это говорит лишь о том, что он получил благословение на это от ЦРУ или еще какой-нибудь МИ-5. И наоборот...

Толик по молодости лет был далек от двусмысленных сложностей. Ему просто захотелось попробовать себя в этом. Журналистика не самая плохая школа жизни.

— Ладно, — сказал ему редактор отдела исследований газеты с восьмисотшестидесятитысячным тиражом, — попробуем. Значит, так... — Редактор в профиль был похож на карточного шулера, привыкшего к своей безнаказанности, а в фас — на человека высоких принципов, которого неожиданно уличили в краже сливочного йогурта из супермаркета. — Если выполнишь первое задание так, что у меня зашевелиятся на голове волосы от восторга, я буду биться не на жизнь, а на смерть, чтобы тебя зачислили в штат газеты. Если выполнишь так, что у меня ни один мускул на лице не дрогнет, тоже ничего страшного, походишь годик внештатником и мягко вольешься в коллектив нормальных профессионалов, яркие таланты газете не очень-то и нужны, мы работаем в диапазоне усредненности. Но если, — редактор отдела мечтательно улыбнулся, прикрыв глаза, и стал похож на пьяного Вольтера, — я предложу тебе выпить со мной рюмку коньяка, значит, ты просто гений и делать тебе в журналистике нечего, поступай в консерваторию главным продюсером.

— Понятно, — кивнул головой Толик. — А каким будет первое задание?

— Это сам решай, — редактор развел руками, — ты не в штате, я тебе не имею права его давать.

В подъезде своего дома он увидел голого бородатого человека, лежащего на полу под почтовыми ящиками в позе «идите все на фиг, я еще в животе у мамы». У Толика не возникло никаких особых эмоций, кроме спокойного предположения: «Труп, что ли?» Но выражение покоя и счастья на лице лежащего изменило его мнение настолько, что он подошел поближе и увидел, что человек крепко и с удовольствием спит. Толику бросились в глаза часы на руке «придурковатого йога», тут он не мог обмануться, у него был врожденный нюх на настоящее. Часы были именно такими, какими любили обзаводиться арабские нефтяные миллиардеры, умопомрачительно дорогие и не пошлые. «Криминал, — вывел резюме прагматик Лаперуза, потрепав «араба» ногой по плечу, — надо позвонить соседу, пусть разбирается». Он снял с великовозрастного «эмбриона» часы, поразившись их благородной тяжести и удивившись странной пульсации, как будто что-то живое перелилось из часов в его руку. Впрочем, он не обратил на это внимания и позвонил Хромову...

Глава седьмая

1

Саша Углокамушкин сидел на крыше магазина «Охотный ряд» на Манежной площади и, не вставая с лавочки, объяснял трем патрульным, что он просто-напросто дышит ночным свежим воздухом и сочиняет стихи, выйдя два часа назад из своей квартиры № 47 на Тверской, 18, без документов.

— Можете, конечно, забрать меня в отделение, — разрешил Саша обескураженным патрульным. — Более того, вы обязаны меня забрать, — неожиданно стал настаивать он. — Документов-то у меня нет, мало ли кто я такой.

— Да пошел ты! — Старший группы махнул рукой, приказывая подчиненным двигаться дальше. — Дышишь — дыши. Мы тебя задерживать даже без документов не будем, раз такое дело. — Потеряв интерес к Саше Углокамушкину, патрульные двинулись в сторону улицы Герцена.

— А почему? — крикнул вдогонку заинтересованный этим феноменом Саша.

— Да у тебя, — оглянулся в его сторону сержант, — на морде штамп стоит — «москвич».

Саша остался один на один с по-осеннему холодной московской ночью.

Подняв воротник пиджака, Саша стал отжиматься, упершись руками в лавочку. Раз-два-три, отжимался он от деревянных полос, прикрепленных к гранитному основанию. Фонтаны, граница между Александровским садом и зарывшимся в землю магазином, бросали вверх подсвеченные струи воды. Саша бросил упражняться и вдруг заметил, что в ночном пространстве центра города что-то изменилось. Нет, все было по-прежнему, но все равно не так. Он взобрался на стеклянный купол-крышу магазина и подумал: «Сейчас что-то должно случиться».

2

Москва, конечно, не город Счастье в Луганской области, а нечто более весомое. Если посреди ночи в центре Москвы, в двух шагах от Кремля, выкинуть фортель, как это сделал Саша Углокамушкин, то обязательно что-то случится. Первое, что бросилось ему в глаза с вершины купола, это не один, а два милицейских патруля, торопливыми шагами спешащих на randevu с ним, а второе было столь значительным, что Саша мгновенно забыл о первом.

«У меня глюки, — решительно подверг он себя критике, — синдром алкоголика». Он увидел, как за Кремлевской стеной возникло и стало расти шарообразное свечение, словно бы кто-то стремительно наполнял яркостью воздушный шар из прозрачной пленки. Светоносный шар, охватив всю территорию Кремля по периметру, вспыхнул ярким светом, взмыл в ночное небо над столицей и почти мгновенно исчез из виду.

— Спускайся, тверской поэт, — услышал Саша знакомый голос подмосковного сержанта, — мы передумали — ты заслужил задержание.

— Слезать — не залазить, — сообщил сверху Саша, подавленный своим галлюциногенным видением, — лишь бы толк от всего этого был.

— Будет, — пообещал ему сержант, — можешь поверить. Вздохнув, Саша спустился в объятия власти и вздрогнул

от вопроса одного из патрульных, который сопровождал его не совсем корректным прикосновением дубинки между лопаток:

— Так по какому адресу ты проживаешь на Тверской?

— Тверская, 18, у меня там трехкомнатный кабинет со всеми удобствами, — злым голосом сообщил Саша, раздраженный машинальностью, с которой его ударили дубинкой.

Власть в России всегда бьет своих граждан машинально, не задумываясь о последствиях, которых никогда для нее не бывает.

— Хорошо живешь, — восхитилась вторая дубинка в руках другого носителя формы, спускаясь с ягодицы Саши Углокамушкина, — нам так не жить.

— Ну ладно, — приняла решение третья дубинка, повторяя межлопаточный путь первой, — пошли.

— У нас хотя и без удобств, — вернулась к ягодицам вторая дубинка, — зато коллектив хороший...

— Мальчики, — вдруг раздался женский голос с властно-бархатными интонациями, — что за странная манера общения среди интеллигентных людей? Разве можно избивать безоружного юношу в двух шагах от верховной власти?

Милиционеры прервали беседу и повернули головы на голос. Саша, морщась от боли, тоже посмотрел на говорившую. В первое мгновение ему показалось, что он видит Капу, Капитолину Витальевну. Сходство было даже не в облике дамы из ночи, а в сути. Иронично-стервозное спокойствие нервной уверенности исходило от женщины, вмешавшейся в то, во что редко кто вмешивается не то что в ночное, а и в дневное время. В следующую минуту Саша признал в даме свою соседку по купе поезда Новороссийск — Москва Степаниду Грунину, прогуливавшую на поводке китайского мопса. На ней был деловой костюм с брошью и шляпка в стиле Маргарет Тэтчер, на руках тонкие черные перчатки с искоркой, на ногах салон-туфли комбинированные, черные с белым, на высоких каблуках.

— Ты кто? — скорее от растерянности, чем от нажитой в процессе службы грубости, спросил молодой милиционер блудливо-официальным голосом.

Женщина вздохнула, переложила поводок из правой руки в левую и, сделав шаг, залепила милиционеру пощечину. Судя по силе удара, пощечину запросто можно было причислить к боковому резкому хуку в челюсть. Милиционера развернуло, и, если бы не подхватившие его товарищи, он упал бы на землю.

— Иногда вежливость гораздо безопаснее грубости, — изрекла Степанида Грунина, возвращая поводок в правую руку. — Тем более с женщиной.

3

— Женское и мужское начало, инь и ян, в каждом человеке — это насильственная акция экспериментального действия. Он и она — разделение очень и очень условное. Мы все — оно. Факты лежат на поверхности. Скоро все поменяется. Наука доказала, что женщина может воспроизвести потомство без мужчины. Клетка, взятая у женщины или мужчины,

вводится женщине, выполняя роль мужского сперматозоида. В итоге на свет появляется ребенок — девочка. Мужчин таким способом воспроизводить невозможно, — Степанида Грунина подлила Саше Углокамушкину чаю, — но в этом, по большому счету, и нет необходимости. Мужчины пока еще не понимают и не чувствуют своей рудиментарности в эволюционном процессе. Но думаю, что им скоро придется расстаться с иллюзиями о своей главенствующей роли. Первые результаты клеточного оплодотворения обнадеживают. Исчезли признаки двуполости уже на стадии развития плода, женщина рождает только женщину. Эра мужчин заканчивается. — Она заботливо пододвинула к Саше банку с клубничным вареньем и свежие булочки.

Саша Углокамушкин, Степанида Грунина и Юрий Бориславович, муж Степаниды Исаковны, завтракали на кухне. Одиннадцатичасовое утро размазывалось с той стороны окна дождевыми каплями.

Саша Углокамушкин даже не удивился, когда еще ночью выяснилось, что Степанида Грунина проживает по случайно выдуманному им для милиции адресу. Он давно смирился со своим латентно протекающим даром провидца.

— Я тебя угадала, на все сто процентов, еще в поезде, — сказала Степанида Грунина. — Ты редкий кадр, если даже я на тебя не подействовала. У меня еще не было таких курсантов, так что будешь учиться.

— Ну уж нет, — отрицательно покачал головой Саша Углокамушкин. — Только не учиться. Я домой, в Таганрог, мне вчера видение было, светящийся шар оторвался от Кремля и улетел в космос. Это призрак величия через катастрофу.

— Катастрофа? — удивился Юрий Бориславович. — Чепуха! Нас катастрофами не испугаешь.

Муж Степаниды Груниной заслуживает описания. Это неповторимый мужской экземпляр. Если вы можете представить белокурого мужчину ростом два метра десять сантиметров, с голубыми глазами, мастерски, на высоком уровне танцующего партию Спартака в одноименном балете, то представляйте — это Юрий Бориславович. Все остальное — непредставимо.

— Дорогой, — нежно оборвала мужа Степанида Исаковна, — займись лучше стиркой, но прежде вымой посуду и убери в спальне.

Полковник ФСБ, преподаватель, ведущая курс «Альфонсы» в закрытой Высшей школе Службы внешней разведки,

Степанида Исаковна Грунина была, что называется, феноменальной женщиной. Окончившие курс Степаниды Исаковны разведчики в течение пятиминутного разговора могли подвигнуть на любовную авантюру любую женщину любого социального статуса и моральных принципов. Но не ради просто женщины затевался этот курс. «Альфонсы» иногда могли подчинить себе даже эмпирически-вдохновенную женщину, ведьму, а это уже был высший класс, ибо за каждым мужчиной, взобравшимся на олимп земной власти, всегда стоит ведьма, изо всех сил старающаяся выглядеть тихой и нежной овечкой... В деле сотворения специалистов класса «альфонс» существовала всего одна трудность — дефицит кандидатов на обучение. Из трех миллионов кандидатов, отобранных по всей России в течение года кадровиками ФСБ и СВР для обучения в высшей школе, тестовый отбор прошли всего сто четыре человека, из которых только семеро подошли для курса «Альфонсы». Дефицит разведчиков этого класса ощущают все разведки мира, и поэтому курс полковника Груниной считался привилегированным даже в привилегированной Высшей школе СВР.

Глава восьмая

Капитолина Витальевна Шадская посмотрела на доллары, оставленные Сашей Углокамушкиным. Как и он, Капа не видела особого смысла пользоваться их благосклонностью. В неожиданно и легко пришедших деньгах чаще всего кроется затаенное и мстительное коварство. «С деньгами всегда так, — подумала Капа и пачку за пачкой перебрала доллары из кожаного кисета в большую плетеную корзину, — среди них нет ни одной незаговоренной купюры».

Она положила в корзину поверх денег снятые со стены вязанки фиолетового лука и отнесла корзину на чердак, поставив среди корзин с яблоками и морковью, пересыпанной сухим песком. Сделала она это не для того, чтобы спрятать деньги, а чтобы убрать с них недобрую энергетику. Донской фиолетовый лук мог справиться с этой задачей как никто другой. Его вешают на стены своих домов, особенно на юге России, женщины эмпирического вдохновения — ведьмы. Всю жизнь Капитолину Витальевну сопровождали вязанки этого лука. Когда ей было двенадцать лет, родители переехали из села Троицкого, что рядом с районной Неклиновкой, в Таганрог. Мать Ефросиния, умирая, в самый последний момент подозвала дочь и сказала:

— Дай мне в руки луковицу из вязанки над кроватью, а затем заberi из рук обратно и съешь после того, как меня похоронят.

Так родовое наследство Шадских, ведьмовство, перешло к Капе...

Капитолина Витальевна спустилась с чердака в дом, взглянула на себя в старое зеркало на столе и взяла лежащие рядом с ним семьдесят стодолларовых купюр, вытасканных по одной из семидесяти десятитысячных пачек, дремлющих на чердаке. Она хотела выяснить природу темной силы, заключенной в этих деньгах. Проведя деньгами перед зеркалом, стараясь, чтобы в нем не отразились ее руки и лицо, она положила их в сумочку и, покинув дом, направилась на премьеру спектакля «Дреды для моей жены», поставленного таганрогским режиссером Фагодеевым-Ступинским. Режиссер был влюблен в Капитолину Витальевну, но это не волновало Капу Шадскую. Она манипулировала мужской влюбленностью по желанию, когда надо «включая» ее, а когда надо — «выключая».

Фойе театра, впрочем, как и буфет, было полным. Премьера спектакля — значительное событие в жизни оригинального, ни на кого не похожего, театрально-промышленно-морского города. Таганрог всегда был и будет городом амбициозно-честолюбивого вдохновения, ибо в его основание заложено именно оно — имперское вдохновение Петра Первого.

Капитолина Витальевна вошла в фойе и сразу же почувствовала себя в своей тарелке. Она, как и театр, была демонстративной личностью. Как всегда, на премьеру вместе с мужем пришла Стефания Алексеевна Самсонова. Сам Самсонов стоял возле широкой лестницы, ведущей в ложи, и разговаривал с председателем ОАО «Мегаком» Иваном Земляком и генеральным директором ООО «Торговый дом "Мегаком"» Павлом Редеревым. Оба бизнесмена тоже пришли с женами и тоже, судя по выражению их лиц, не являлись завзятыми театрами. Капа отметила, что еще не появился мэр Рокотов, но зато прибыл с супругой генеральный директор металлургического завода Сергей Видаш, с лицом человека, входящего с инспекционной проверкой на склад готовой продукции цеха горячего проката. Преподаватель судомеханического колледжа Рокецкий мелкой рысью трусил за широко шагающей супругой. Сама же Танечка Литвинова, радостно улыбаясь, поспешила навстречу Капе и начала сообщать городские новости:

— Капочка, ты представляешь, Алена Дыховичная, чтобы у нее стояли груди, приподняла их бесцветным особо клейким скотчем.

— О Боже! — Капа даже прижала ладони к щекам от испуга. — У нее же шестой размер.

— Вот и я говорю...

Танечка столь неожиданно и резко остановилась напротив Капы, что не сумевший

повторить ее маневр Рокецкий активно набежал на нее.

— Ой! — взвизгнула журналистка, вскидывая руки, и, чтобы не упасть, устремилась вперед. Капа едва успела сделать шаг в сторону, пропуская падающую подругу, которая все-таки рухнула, хватаясь руками за галстук только что вошедшего мэра Рокотова. Галстук, как и выдержка готового ко всяким неожиданностям мэра, оказался на высоте. Татьяна Кировна приняла диагональное положение, упираясь ногами в голову рухнувшего вслед за ней на пол Рокецкого и двумя руками держась на весу за галстук главы города под самым горлом. Рокотов стоял как глыба, удерживая повисшую на нем журналистку, и даже пытался делать вид, что ничего не заметил. Стоящая рядом с ним супруга, Литиция Егоровна, печально вздохнула, увидев, как начинает краснеть от удушья лицо мужа, и певуче проговорила:

— Танечка, разожмите пальцы, и вам станет гораздо удобнее.

Растерявшаяся от неожиданного совета Литвинова разжала пальцы и сменила диагональное положение на горизонтальное, уткнувшись носом в блестящие как зеркало туфли мэра. Позади нее невозмутимо лежал решивший пока ничего не предпринимать Рокецкий. Зрелище было потрясающим, куда там театральной премьере. Рокотов повертел головой и, не теряя спокойствия, произнес:

— Артисты есть артисты, а журналисты — так вообще забавники.

Он взял Литицию Егоровну под руку и, осторожно переступив через лежащую и тоже решившую пока ничего не предпринимать журналистку, направился к спешащему ему навстречу художественному руководителю театра.

— Вставай, — поспешила на помощь подруге Капа. — Видишь, как опасно держать мужа на слишком близком расстоянии.

— Черт! — стремительно вскочила на ноги Таня Литвинова. — Я прическу не испортила?

— Танюша, с твоими дредами под спектакль голову можно даже в урну совать, все равно красиво будет.

— Спасибо. — Таня злобно посмотрела в спину Литиции Егоровны и, присев на корточки, нежно погладила по голове затаившегося мужа: — Вставай, Федюша, поговорить надо.

— Рокотов молодец, — прокомментировал ситуацию Самсонов. — Бабы так и виснут на нем.

— Ага, — покивал головой Редереев, — обаятельный мужик.

— При чем тут это? — вклинился в разговор Иван Земляк. — Скоро у нас в городе вавилонское столпотворение начнется, битва гигантов за право разработки месторождения «бафометина». Интересно, кто выиграет — «Лукойл», «Юкос» или Абрамович, а, Семен Иосифович?

— Следствие, — профессионально пошутил Самсонов и уточнил: — Мне-то какое дело, хотя бы и Абрамович, лишь бы войны рядом с Таганрогом не было. Ты лучше туда посмотри.

Посмотреть было на что. Из буфета по лестнице спускалась супружеская пара Дыховичных. И если полуреабилитированный Илларион Кузьмич выглядел, как всегда, щеголевато-импозантным, то его жена, Алена Кондратьевна, вызывала у мужчин оторопь. Вечернее платье из ткани «голубой лед» было сшито с таким амбициозным вдохновением, что Алена Кондратьевна стала в нем похожа на что-то такое, чему еще не придумали название. Нечаянно затесавшийся среди сливок городского общества Шах-Исмаил Мулинбек, капитан турецкого сухогруза, стоявшего в ожидании погрузки в таганрогском порту, увидев Алену Кондратьевну, зажмурил глаза, затем прижал к ним ладони и, натываясь на людей, покинул театр. С тех пор его больше нигде не видели, ни в городе, ни на сухогрузе, ни в Турции,

— Алена обалдела, — вновь прокомментировал ситуацию Самсонов. — По-моему, так не бывает.

— А вдруг, — не захотел расставаться с мечтой Иван Земляк, — а вдруг это все настоящее?

— Я думаю, все-таки Аликуперов, у него инвестиции и хватка профессионала, — высказался Павел Редерев. — Тем более что я с ним знаком, видел по телевизору. Хотя кто его знает, — вдруг засомневался он, — может, я Абрамовича недооцениваю.

Самсонов переглянулся с Земляком, пожал плечами и дипломатично произнес:

— Может быть.

Алена Кондратьевна была красивой женщиной всегда, но это «всегда» приближалось к черте «когда-то». Было хорошо заметно, что ей трудно удерживать в повиновении свои устремленные вперед груди. Одним словом, это выглядело как 180 см (180-100-120) под куполом цирка без страховки.

Вскоре в фойе появилась Любочка Кракол в сопровождении режиссера Фагодеева-Ступинского. Капитолина Витальевна «сделала стойку» и «мурлыкающей» походкой направилась им навстречу.

— Капа! — Любочка поцеловалась с Капитолиной Витальевной. — Фагоша только что мне рассказывал, как ты его преследовала, чтобы оженить, но он чудом избежал этой участи.

— Э-э-э, — остолбенел режиссер, не ожидавший от своей пассии такой прямолинейной откровенности, не принятой в среде порядочных людей. Он с трудом сглотнул слюну и, внимательно посмотрев в глаза Капы, признался: — Ну вот такой я брехун, Капа, что поделаешь.

— Угм-руу, — промурлыкала Капитолина Витальевна, беря Любочку под руку и поглаживая ее по кисти. — Я не обижаюсь. — Она открыла сумочку, вытащила оттуда семь тысяч долларов и протянула их режиссеру: — Это тебе на постановку нового спектакля, спонсорская помощь от моего друга-бизнесмена. Он просил не называть его имени, но твое творчество ему нравится.

— Спасибо, — растрогался и расшаркался Леонид Лава-деевич Фагодеев-Ступинский, пряча доллары в карман. Он чуть не всхлипнул от умиления, но вовремя удержался. — Очень кстати, у меня грандиозный замысел.

— Люди боятся необъяснимого, шарахаются в сторону от несерьезного, придают своей жизни ложную значительность. Даже произнесенное «мы» — это всего лишь плохо замаскированное «я». Он, она, они без понятия «я» — бессмысленны. Казалось бы, невероятный простор для развития индивидуальности, свобода для личности, но черта лысого. — Мурад Версалиевич достал из кармана халата оторванный карман от другого белого халата и, тщательно высморкавшись, выбросил его в форточку. — Так о чем это мы говорили? — спросил он у своего напарника, такого же, как и он, санитаря загородной психиатрической больницы Дарагановка Шлыкова. Екатерина Семеновна решила, что это объединение обязанностей хорошо для практикующего врача и в материальном, и в профессиональном плане.

— О людях, — равнодушно напомнил ему Шлыков.

— Люди, — хмыкнул Левкоев. — О них говори — не говори, меньше их все равно не станет. Куда ни взгляни, всюду люди и собаки бродячие. Вчера повел в баню на хоздвор третью палату, так меня укусила сука какая-то.

— Да, — посочувствовал Шлыков, — суки — они такие. Вот ты, Левкоев, на мой взгляд, тоже сука. — Шлыков рассматривал извлеченный из шкафика белый халат с оторванным карманом. — Удовлетворил свое «я» за счет моего кармана и думаешь, что после этого я дам тебе развиваться как индивидуальности и освобожу как личность, так, что ли?

— Конечно, — удивленно взглянул на него Мурад Версалиевич. — Развитие «я» остановить невозможно. Оно все время самоудовлетворяется. Допустим, ты сейчас за свой карман меня топором по черепу шарахнешь и тем самым удовлетворишь свой внутренний

мир, свое неповторимое «я».

— А как же в таком случае твое «я» самоудовлетворится? — Шлыков взял халат санитары другой смены, а свой повесил на его место.

— Да, но ведь ты же меня, а не себя по голове стукнешь, — удивлялся непонятливости напарника Левкоев.

В глубине больницы, в той стороне, где был кабинет главврача, зазвенел звонок, затем звонки распространились по всей больнице — в буйном, хроническом и алкогольно-бытовом отделениях.

— Хрушиха пришла, — запаниковал Шлыков, — скорее одевайся.

— Да-да, — Мурад Версалиевич натянул на голову белый колпак, — я готов.

Санитары выскочили из раздевалки и помчались на ежедневную планерку у Екатерины Семеновны Хрущ...

Екатерина Хрущ во времена своей весенней свежести закончила культпросветучилище в городе Ростове-на-Дону и поэтому обожествляла культуру в любом ее проявлении: от вежливого «вы» в общественном транспорте до режиссера Фагодеева-Ступинского, время от времени укрывающегося одеялом в ее постели. Не выдержав испытания художественной самодеятельностью, которую она должна была организовывать при ДК «Красный котельщик» города Таганрога,

Екатерина Семеновна поступила в медучилище и с отличием закончила его.

— А-а, пришли, — помахала она рукой Шлыкову и Левкоеву, — заходите, присаживайтесь, докладывайте.

Надо отдать должное Екатерине Семеновне. После того как Мурад Версалиевич был уличен в «финансовых махинациях с бюджетными средствами, выделенными на нужды больницы», «латентном гомосексуализме с привлечением сексуальной энергии пациентов своей больницы», «чрезмерном непрофессионализме, повлекшем за собой самоубийство талантливого художника», «невыполнении приказов руководства» и «отчуждении в свою пользу жилплощади хронических одиноких больных», его чуть не отправили в места лишения свободы, но Екатерина Семеновна легла грудью и отстояла у правосудия Мурада Версалиевича. Грудь у Екатерины Семеновны была что надо, и она не только отстояла Мурада Версалиевича, но и села на его место в кресло главврача. Психиатрия как наука и развивающаяся медицина осуществляется лишь на уровне столиц и крупных секретных стационаров. На уровне провинции врачу-психиатру достаточно знать перечень из пяти сумеречных лекарств и обладать навыками интеллигентного человека, волею судьбы и образования выполняющего режимно-охранные функции. Так что должность главврача в загородной больнице Дарагановка была по плечу Екатерине Семеновне Хрущ.

Мурад Версалиевич и Шлыков — бывший директор таганрогского клуба железнодорожников, прославившийся в городе тем, что повез замминистра путей сообщения показывать «объект культуры», возглавляемый им, и полтора часа блуждал по городу, разыскивая место своей работы, достали из карманов брюк двадцатичетырехлистовые тетради и приготовились к ежедневной церемонии доклада. Надо сказать, что и Шлыкова Екатерина Семеновна Хрущ тоже отстояла своей грудью от уголовного преследования. Сделала она это, по ее же выражению, «из-за ушедшей юности». Шлыков и она в свое время закончили одно и то же Ростовское культпросветучилище.

— Значит, так, — прокашлялся Александр Александрович Шлыков, — по графику на этой неделе подлежат негласному наблюдению временно выписанные из стационара Шмага Бублик, по паспорту Татьяна Антоновна, и Гад Васильевич, то есть Гилькин Марат Васильевич.

— Этих не будем обсуждать, — постучала карандашом по столу Екатерина Семеновна, — уже осень. К ноябрю родственники снова отправят их к нам, но уже по увеличенным расценкам. Инфляция. Ну ладно, давайте дальше, Александр Александрович. Удалось ли обнаружить ярко выраженных потенциалов?

— Нет, — покачал головой Шлыков, — шизофреников полно — каждый четвертый, но ярко выраженных и готовых к стационару нет.

— Мурад Версалиевич, что у вас? — Екатерина Семеновна взглянула на Левкоева с легким оттенком доброжелательной насмешливости во взгляде.

— Негласно наблюдаемых хроников двое: Масютина и Банзюк. Масютина в понедельник повесилась, так что в полку суицидников ubyло, а Банзюк есть Банзюк. Его брат опять квартиру продает, где он прописан, значит, скоро нам придется защищать в суде интересы нашего недееспособного больного.

— Понятно, — опечалилась Екатерина Семеновна, — защитим, конечно. Увидишь Банзюкова брата, пришли ко мне. Дальше.

— Обнаружены потенциалы, — оживился Мурад Версалиевич. — Двое — преподаватель музучилища Шадская Капитолина Витальевна и Дыховичный Илларион Кузьмич.

— Шадскую не трожь! — вдруг гневно возбудилась Екатерина Семеновна и ударила кулаком по столу так, что лежащее на нем толстое стекло дало трещину. — А то мы тут все в потенциалов превратимся. Вы же не придурок, Мурад, а психиатр, — укоризненно посмотрела она на Левкоева. — Еще великий Сербский говорил, если психиатр видит женщину с темными глазами, в которых заметны на зрачке зеленые яркие точки, то он должен всячески отказываться от желания видеть ее своей женой, любовницей и пациенткой. Капа — стопроцентная ведьма, — вдруг перекрестилась Екатерина Семеновна. — Кому, как не психиатрам, знать, чем это чревато.

«Сама ты ведьма», — подумал Мурад Версалиевич, а вслух сказал:

— Нет так нет, а как насчет Дыховичного? У него явные симптомы эмоционального ступора, особенно после последнего происшествия в театре.

— Насчет Дыховичного нормально, — согласилась с кандидатурой зававтобазой Екатерина Семеновна. — А что произошло в театре?

— Я тоже знаю, — влез в разговор Шлыков. — Жена Дыховичного свои фугасы жутких размеров скотчем, чтоб стояли, приклеила, а они оборвались, вывалились наружу прямо перед режиссером Фагодеевым...

— Ой, мамочка родная! — вдруг зашлась смехом Екатерина Семеновна. — Вот пассаж. Представляю лицо Фагодеева, ха-ха-ха!

— Он упал, скатился по лестнице вниз, хе-хе, — подхихикнул начальнице Левкоев, — и сломал ногу и руку. Сейчас лежит в больнице, хе-хе...

— Хватит! — сразу стала серьезной Екатерина Семеновна. — Нельзя смеяться над чужим горем. Ну, — она посмотрела на Мурада Версалиевича, — а при чем здесь Дыховичный?

— А он как схватился за спинку стула в этот момент, так и не отцепился до сей поры. Дома с выпиленной из него деревяшкой сидит и в одну точку на стене смотрит.

— Это ступор, — согласилась Екатерина Семеновна. — Ставлю двести рублей на две недели.

Невинная забава главврача и двух санитаров заключалась в том, что в свободное от работы время они определяли потенциальных клиентов и делали ставки на небольшие суммы, угадывая, созреет ли клиент до стационара или нет. И если созреет, то через какое время.

— Неделя, — буркнул Шлыков, доставая из кармана купюру и кладя ее на стол.

— Сто на сто, что все пройдет без последствий, — сделал ставку Мурад Версалиевич.

— Если все, — Екатерина Семеновна смела купюры в ящик стола, — то приступаем к работе.

— У меня сегодня странная встреча произошла, — лицо Мурада Версалиевича отобразило недоумение, — но вполне возможно, что я обознался. Видел на остановке возле кладбища странного бомжа, похож на Аскольда Иванова, помните банкира, председателя Азово-Черноморского банка? Говорили еще, что он Серегу Васильева убил и сам

застрелился.

— Тебе показалось. — Шлыков направился к выходу из кабинета. — Я Аскольда знаю, его Хомяком в молодости дразнили. Жив он или умер, не знаю, но бомжем он по сути не может быть, натура такая. Ты у него все заberi, посади в тюрьму, сделай инвалидом — все равно, гад такой, выкрутится и «мерс» себе купит. Я бы таких расстреливал.

Шлыков, как и все культурно-просветительские люди, кормящиеся на третьих ролях в социальной иерархии, считал, что людей, живущих более чем на пять тысяч рублей в месяц, нужно сажать в тюрьму и ежедневно бить по морде.

— Может, и показалось, — охотно согласился Мурад Версалиевич. — Я его плохо знал, всего лишь несколько раз видел.

2

Бомж в классическом виде — это не социальное, а философское явление. Всегда находились на Руси люди, очарованные грязным и вонючим обаянием бродяжничества, которое в большинстве случаев является загибом гордыни, клинической картиной высокомерия. В России обыватели не до конца понимают, то есть совсем не понимают, что такое бродяга БОМЖ, рассматривая его лишь с позиции «фу, какой противный и вонючий»...

Аскольд Иванов вылечился от непреодолимого отвращения к жизни и людям. Не то чтобы он воспылал христианской любовью к последним, но в нем очнулось от шока чувство собственного достоинства и тяга к преодолению трудностей. Ему надоели забвение и обитающий на обочине жизни контингент. Тем не менее благодаря этому контингенту он стал снисходительнее к поступкам людей, находящихся на острие общественно-политической жизни. Где-то там, на дне социума, он понял, что «теплотрассный» бродяга выполняет очень важную общественную функцию. Люди, готовые опустить руки перед обстоятельствами, наталкиваясь взглядом на «человека помойки», находят в себе дополнительные ресурсы и вновь вступают в бой за достойное существование. На счету каждого бомжа десятки тысяч спасенных от падения на дно жизней. Один вид грязного бродяги стимулирует волю и лечит отчаяние у обывателей.

Бомжи Санкт-Петербурга дали Аскольду Борисовичу кличку Фонарь, то ли наделяя его сократовским высокомерием, то ли придавая этой кличке обыкновенный российский смысл. Они сразу признали в Аскольде Иванове бомжа от нечего делать, хотя Аскольд Борисович превосходно знал, что делает. Он сбивал масть...

Сбивать масть — это великое искусство, которое иногда называют «корректировкой кармы», но это как раз и есть то, что называется «фонарем». Искусством сбивать масть владеют единицы, и Аскольд был из их числа. Он с одинаковым совершенством чувствовал удачу и катастрофу и с одинаковой безукоризненностью овладевал первой и до возможного максимума смягчал последствия второй. Еще тогда, в Сочи, сразу же после появления перед Ирочкой Васиной карикатурного вида человека с черными и голубыми цветами, он услышал в пространстве своего мира щелчок приближающейся катастрофы, но на тот час он слишком долго находился в финансово-социальном благополучии, и зэковские инстинкты в нем притупились. Аскольд не придавал значения щелчку, и ее величество Неудача приговорила его к смертной экзекуции. Разрыв с другом детства Сергеем Васильевым и его страшная гибель, два беспредельных задержания и водворения в КПЗ, клевета в прессе, предательство московских друзей и потеря покровителей, отречение от него родителей и их почти одновременная смерть — полный цейтнот во всем. Но только в Санкт-Петербурге, увидев перед собой упавшую в героиновую яму Ирочку Васину, он понял, что следующим будет он, и наконец-то вспомнил об уроках тюрьмы и первой заповеди игрока: «Если не везет — сбей масть». В этот же день, среди промозглого петербургского марта, захватив лишь документы и не взяв ни копейки, он вышел из квартиры Ирочки в никуда. Уничтожил документы и

поспешно, в режиме аврала, без имени, без адреса, без биографии, скрылся на дне жизни.

Судьба искала его и там. Несколько раз приближалась, принималась. Шрам от удара ножом до сих пор побаливает перед непогодой. Но постепенно все затихло и покрылось тиной забвения. А месяц назад, вычесывая из бороды вшей, Аскольд услышал в пространстве вокруг себя щелчок — это вышла из комы Удача и Судьба поменяла свою ориентацию. Карма скорректировалась.

3

Легкий, словно предутренний ветерок, бес поэзии овладел Степой Басенком в тот момент, когда он входил через центральный вход на городское кладбище. «Я странник, — зазвучали стихи, — приходя и уходя, я на волну похож, на тихий шаг миров, шаг еле слышный, едва иду, чуть-чуть касаясь шага».

Степа направился к зданию администрации кладбища и еще издали увидел возле входа сидящего на лавочке могильщика Ноткина по кличке Валера-Оптимист. Увидев Степу, Ноткин поднялся и пошел ему навстречу с лучезарным выражением неведения на лице.

— К нам? — обескуражил он Степу Басенка вопросом.

— Мимо, — сплюнул Степан через левое плечо. — Говори, что там у тебя?

— Хомяка видел, — продолжал улыбаться Ноткин. — Сидел возле могилы своих стариков, водки не пил. Вид у него зачуханный, сразу видно — черт по жизни, ездил тут весь в белом по городу на карете, козлина.

— Заткнись, — посоветовал ему Степа. — Точно Иванов, или тебе с дури примерещилось?

— Да тю на меня! — развеселился оптимист. — Он, конечно. Сосед. От могилы родителей пошел на могилу друга, Сереги-десантника, и тоже водки не пил, сидел, козлина.

— Заткнись, — равнодушно отреагировал Степа. — Дальше.

— Все, — радостно развел руками Оптимист. — Посидел, подумал и ушел спать куда-то на помойку.

— У родителей же дом, кажется, остался, — удивился Степа, — почему на помойку?

— Не-а, не остался, — расхохотался Оптимист. — Они мне его завещали. Я же в сарае раньше жил на огороде, как козлина.

— Ну ладно, — Степа похлопал Ноткина по плечу, — иди работай. Никто не обижает?

— Не! — согнулся, не выдержав собственного смеха, Ноткин. — Кто же гробокопателя обидит, козлину такую?

— Гробозакапывателя, — улыбнулся Степа Басенок. — Ладно, смотри, проверяй, звони.

Идя к выходу, где его ожидал Стромов на своей «Оке», он вновь почувствовал цокот рифмованных копыт в своих мыслях: «Слегка печали на причале, чуть-чуть тоски, и, будто по ошибке, застыть в улыбке...»

Прибыл, ну и прибыл. Уголовный розыск лишь зафиксировал появление Аскольда Иванова в городе. Вне денег и банка он не представлял никакого интереса для оперативников, сыщики упавших не добивают.

— Если не будет нарушать закон в этом статусе, — подвел черту Самсонов после доклада Степы Басенка, — то и ладно, пусть живет на родине возле родных могил.

Возвращение везения — действие неспешное. Это как выздоровление после тяжелой болезни.

Как-то так получилось, что могильщик Ноткин «случайно» наткнулся на Аскольда Иванова возле вещевого рынка, где тот с глубокомысленным видом эпикурейца приглядывался к картонной таре для своего ночного ложа.

— Ну ты даешь, Аскольд Борисович. — Ноткин расхохотался от восторга. — Наверное, думаешь, что я, козлина землеройная, — он вытер выступившие от смеха слезы, — прямо даже не знаю, почему домой не идешь?

Ноткин, как и все ушибленные головой с рождения, обладал простоватой и глубинной нравственностью, чем-то похожей на инстинкты животного. Ежедневное участие в отправке человеческих тел на утилизацию выработало в нем презрение к социальным статусам. Какая разница, кем ты был, если с самого рождения понятно, чем ты станешь? Одним словом, Ноткин был неизлечимым придурком и поэтому чувствовал, что с Аскольдом что-то такое произошло и так просто это не кончится.

— Домой? — переспросил Иванов, отметив в мыслях уже непривычное Борисович. — А у тебя семья есть?

— Ты знаешь, — обрадованно изумился Ноткин, — есть. Жена у меня умная, заразюка такая, а двое детей так вообще малахольные. Но дом большой, да и не мой, хотя и мой по всем бумагам. Одна половина с входом из сада пустая, как барабан внутри. Я туда все вещи, мебель, всякие там мелочи, бумаги, все, что после твоих стариков осталось, сложил и закрыл на два замка. Вот ключи. — Оптимист достал из кармана два ключа и протянул Иванову.

— Угу, — поблагодарил Аскольд Ноткина и взял ключи. — Вход во двор по-прежнему и с улицы, и с переулка?

— Да, — расхохотался Ноткин. — Все по-старому, и вообще я уже про тебя милиции рассказал, чисто по-свойски, я же осведомитель кладбищенский, тайный агент, козлина несусветная.

— Молодец, — похвалил его Аскольд. — Только никому больше не рассказывай, зарежут.

— Ну ты даешь, — ухватился за ограду рынка, чтобы не упасть от смеха, Ноткин. — Кто же могильщика зарежет, где же ты таких врагов самим себе найдешь?

Мимо них все шли и шли таганрожцы, входя на рынок и выходя из него, с любопытством поглядывая, как городской придурок Ноткин разговаривает с каким-то бомжем, который, как это ни странно, был чем-то похож на — страшно подумать — «известного таганрогско-московского банкира Иванова, убившего когда-то капитана-десантника Васильева, застуканного в Сочи милицией и только что выпущенного из тюремной спецбольницы». В своем умении видеть и запоминать в человеке только хорошее Таганрог ничем не отличается от Москвы, Парижа и совсем странного города Амстердама. Но это уже не влияло на узор жизни «сбившего масть» банкира. Перышко благосклонности, сброшенное пролетевшей над судьбой Аскольда Иванова птицей Удачи, сразу же апеллировало к Закону Взаимосвязи, и неспешная энергетика корректировочного возмездия наполнила действием его дальнейшую жизнь...

Глава девятая

1

Толик Лаперуза не знал, что, снимая золотые часы с голого человека для передачи своему соседу по лестничной площадке полковнику Хромову, он вместе с ними снял маленькую частицу безвременья и слегка заразился им. Хромову в руки попали лишь золото и бриллианты, окаймляющие механизм занудливых «тик-так», безвременье осталось на ладони Лаперузы...

— Слушай, пролив, — позвонила Ксюша Мармик, ведущая молодежной программы на дециметровом канале телевидения. — Где тебя черти носят, я звоню уже в пятый раз. У тебя нет мобилы?

— Есть, но я специально сигнал отключил. Не морочь голову, одним словом, что надо?

— Я морочу? В общем, все, до свидания, чао, неудачник! — Ксюша бросила трубку.

— Чао, чао, — равнодушно откликнулся в пространство квартиры Толик и, открыв дверцу шкафа, стал внимательно изучать его содержимое, время от времени почесывая ладонь.

— Слушай, ты, кусок географической карты, — снова позвонила Ксюша Мармик. — Где ты был?

— Устраивался на работу в журналистику, — объяснил Толик. — А что?

— Ты все-таки гад, пролив, скотина...

— Ксюха, не ори, — поморщился Толик. — У меня вот уже час ладонь правой руки чешется, и ничего не могу поделать.

— Правая рука — к деньгам, ты мне зубы не заговаривай, я тебя час ждала, где ты был?

— Устраивался на работу в журналистику, — терпеливо повторил Толик. — Я даже наждачкой чешу, и никакого покраснения, ладонь как армянский мрамор — теплая и белая.

— Запусти поиск на «Приметы» в Нете, — посоветовала Ксюша Мармик, — или на «Кожзаболевания». Почему тебя не было, сволота ты все-таки обалдевшая, я ждала...

— Почему? — перебил ее Толик, с недоумением глядя на поведение компьютера. — Мы когда должны были встретиться?

— Десятого! Ты все-таки debil! — взорвалась Ксюша.

— А сегодня, — Толик растерянно смотрел на монитор, — сегодня какое число?

Он говорил все это как-то отстраненно, его подрагивающая от зуда рука лежала на мышке компьютера, и Толик Лаперуза неожиданно почувствовал, что он каким-то непонятным образом стал диктатором Интернета, благословителем всех сайтов мира, гурзу для всех пропавших в мировой паутине.

— Девятое, ты понимаешь, девя... — Ксюша замолчала и, тяжело вздохнув, добавила: — Одним словом, я по тебе скучаю, любимый. Что там у тебя с журналистикой и рукой, зуд прошел? Кстати, я сегодня познакомилась с одним челом, такой уматной, Саша, а фамилия и того страшнее — Углокамушкин. Будет у нас на канале репортером работать. Толик?

— Извините, — замороженно смотрел Толик на экран компьютера и свою руку на мышке, — позвоните, пожалуйста, попозже, я сейчас очень занят...

Все было как обычно: компьютер работал в режиме поиска «Приметы», разыскивая в чуланах мировой информации хлам предрассудков, но не был подключен к электрической розетке. А ведь эта модель компьютера не предусматривала автономного питания...

— Смотри-ка, — Ефим Яковлевич Чигиринский развернулся вместе с креслом к Талгату Петровичу Волину, — в Москве диверсия, кто-то потрогал за вымя корову бессмертия.

— В Москве? — заинтересовался Талгат Волин, подходя к мерцающим нитям галлюцинаторной энергии, прихотливым узором вырисовывающимся на плоской поверхности ариэльного камня, внутри которого зрели настоящие алмазы, хранители фантомной парадигмы-осанны. — Если в Москве, это неприятно. Значит, у меня вышел прокол с транспортировкой Кузькова и Радецкого.

— Зря ты воспользовался пространственными проходами, — проворчал Чигиринский. — Это не тот номер, чтобы экспериментировать. Я сомневаюсь, что «лунные бабочки» допустили случайное упущение.

— А мне без разницы. — Талгат Волин замороженно смотрел на ярко-вишневую светящуюся жилку в густовенозном переплетении галлюцинаторной энергии. — Мне сказали транспортировать этих придурков в Россию, и я это сделал...

«Не может такого быть!» — не поверил в ситуацию Толик Лаперуза, но руку с мышки не убрал. Компьютер легко и плавно начал жить по другим, отрицающим рабскую зависимость от электроэнергии, законам.

— Привет! — На экране появилось лицо азиата ламаистской стилизации с дивной славянской отстраненностью от реальности в глазах. — Ты зачем часы украл у Кузькова?

— Да пошел ты... — машинально отреагировал растерявшийся Толик и обреченно

закрыв глаза перед лицом абсолютного непонимания происходящего.

— Сопляк, — хмыкнул азиат в компьютере, — открой глаза и пойдешь закрой двери в квартиру, разговаривать будем.

— Вы... — Толик запнулся. — Вы меня видите? — недоверчиво поинтересовался он, вставая с кресла и закрывая на ключ свою комнату.

— Если ты меня видишь, значит, и я тебя. Что за вопрос?

«Я, кажется, попал в приключение, — забликовала в мыслях Толика Лаперузы мальчишеская радость, — или сижу по самые уши в дерьме», — успокоил его живущий в нем прагматик из сословия «новых высокотехнологических интеллигентов»...

2

Талгат Волин, прошедший школу монастыря Эшер, знал, что означает изменение времени суток. Хроники Акаши, хранящиеся в охранительных песчаных залах монастыря, были доступны ему, ламе Багрового посвящения — в одной ипостаси и генералу ГРУ — в другой. Одно не противоречило другому. Настоящие противоречия возникают лишь на уровне безмолвного созидания — все остальные ложны. В хрониках Акаши сообщалось о таком явлении, как «солнце ночью», произошедшем два с половиной миллиона лет назад. Именно тогда что-то случилось во Вселенной, получившее в хрониках названия «Удар бича» и «Гея приняла в себя начало и конец». Хроники Акаши бесстрастно сообщали, что «толкучесть внеземных (сириусных) цивилизаций на Земле возникла сразу же после катастрофы «Удар бича», что «киты являются хранителями планетарной памяти, и на них будет великая охота» и... Впрочем, это уже другая история.

Волина сильнее интересовало сиюминутное действие. Вечность, Сириус и вселенский ураган «Удар бича» — это одно, а вот приказ главы ГРУ генерал-полковника Дожда — это совсем другое, родное и конкретное. Можно, конечно, было дать Радецкому по физиономии и отправить вместе с Кузьковым в Россию обычными путями, через Монголию. Но, во-первых, существовала опасность, что об этом пронюхают китайцы и, само собой, у них возникнут вопросы к великому палачу Тибета, а во-вторых, Талгат Волин, как и всякий уважающий себя профессиональный разведчик, решил испытать неожиданно-негаданно свалившуюся из запредельности возможность мгновенной транспортировки. «Если не получится, — оправдывал он себя в мыслях, — то и хрен с ним, с этим Радецким».

Талгат Петрович рискнул: использовал видимые элементы Агнозии, галлюцинаторную энергию и моделируемый извне искусственный сон. По большому счету это была экспериментальная операция ГРУ, а не одного Талгата Петровича, просто его назначили ответственным за нее. Медитация на уровне сомат и пражны вполне контактирует с достижениями современной цивилизации. Лишь только селла, самое слабое звено медитативной энергии, выполняет тренажерно-тренировочные функции в закрытых школах ГРУ и ФСБ, все остальные состояния медитации российских разведчиков в Тибете не столько апеллирование к истинному пониманию мироздания, хотя и это имеет место, сколько контакт со спутниковой разведсистемой «Сестрорецк-8» службы космического слежения ГРУ России. «Главное, — шутят операторы ГРУ, приемщики информации, — встретиться на одной волне».

Состояние медитации для ламаистов — это почти то же самое, что красное вино для французов, гамбургер и хеппи-энд для американцев, возможность работать с утра до ночи для японцев и желание стать полноценными гражданами США для хорошо образованных русских. А спутниковая разведсистема «Сестрорецк-8», используя последние достижения науки, работающей на обслуживание изощренного любопытства спецслужб, научилась, не без помощи возможностей Талгата Петровича, перехватывать на короткое время медитативные потоки и вычленять из них нужную информацию. Именно для этого были внедрены в пространство Индии, Китая и Тибета молодые когда-то лейтенанты, ставшие к

этому времени, как Талгат Волин, генералами, состоящими на связи с бесконечностью...

3

Во время непонятного изменения суточных циклов космическая разведсистема «Сестрорецк-8», а это восемь спутников на разных орбитах и с разными функциями, выдавала в Центр космического слежения ГРУ такую информацию, что полковник Грюнвальд серьезно предложил министру обороны «утопить эти чертовы спутники где-нибудь в океане. Несут черт-те что, как будто на орбите не гордость научной мысли, а хронические алкоголики в стадии белой горячки».

— Успокойтесь, полковник, — проговорил министр. — Не знаю, как спутники в океане, а вас в отставку — запросто.

— Да я пошутил.

— И я вообще-то тоже.

Тем не менее информация поступала аховая. Например, спутник «Василек» с орбиты 425 километров над Землей, оснащенный прибором «Ласточка», передал информацию, что почти все источники тау-излучения систематизировались в России, и не где-нибудь, а в уже известном всем спецслужбам и правительству страны селе Нахапетове. «Василек» определил мощность тау-излучения по шкале Вартусова как эквивалентное взрыву семидесяти сверхновых...

— Или у спутника все реле и кнопки полетели, — прокомментировал информацию полковник Грюнвальд, — или в Нахапетове кто-то умело сдерживает свои эмоции при беседе с тещей.

...Талгат Волин зарядил часы Коперника Саввича галлюцинаторной энергией Агнозии, которая представлена на земном шаре в трех проявлениях: тайно-тибетском — Шамбала, липуче-болезненном — шизофрения и мерцающе-непредсказуемом — смерть. Более точно об Агнозии можно узнать из оригинала «Тибетской книги мертвых», то есть не узнать никогда, ибо оригинал этой книги хранится под египетским сфинксом на глубине четырех тысяч метров в информационном отсеке космического корабля, в названии которого существует лишь один известный людям знак. Он называется «точкой» и выглядит вот так: «.» Талгат Петрович дал часы далай-ламе, когда тот уходил в монастырь Наакал. Это была его первая попытка взять образец Агнозии для передачи в лаборатории российских спецслужб, и она могла окончиться для Талгата Петровича трагически.

— Возьмите эти часы с собой, Святейший, — попросил он далай-ламу и уточнил: — Это нужно для дела.

Далай-лама не стал задавать вопросы своему высокопоставленному подданному, проверенному временем, а просто взял часы с собой в дорогу, тем самым поселив на их корпусе заряд галлюцинаторной энергии, наполняющей подземные воды реки Шол. Вернувшись из Наакала очень мрачным, далай-лама вернул часы великому палачу и, не объясняя своей подавленности, удалился в затворничество молитвы, уронив на прощание фразу:

— Кромешное время пришло, Кабнг Омпа. Все, что было в прошлом до этого момента, потеряло смысл. Не думаю, что мы будем скучать по времени.

Талгату Волину не надо было объяснять значение этой фразы. Кромешное время в Тибете означает почти то же самое, что вне его означает «Конец света», только в тибетской транскрипции это слышится как «Конец времени», ибо свет бесконечен.

...Новость, конечно, была грандиозной, и поэтому операцию по транспортировке Радецкого и Кузькова осуществили с элементами поспешности, что вполне закономерно отразилось на качестве. Для начала их усыпили. Затем Талгат Волин вошел в пещеру и... Первым был Радецкий, вторым Кузьков. Медитативно-молитвенный поток Талгата Волина

— Кобнг Омпа был зафиксирован «Сестрорецком-8», а закончилось все тем, что в Службе космического слежения называют «несвоевременной утерей чемодана», а если проще — «эффектом фактора». Грубая фактура соприкоснувшегося с земным временем чуда в корне отличается от чуда в чистом виде. Прибор «Ласточка» системно-аномального действия на «Сестрорецке-8», сфокусированный на медитативно-информационном потоке великого палача Тибета, словно бы синтезирует образ бесплотья с реально-чувственным пространством заданного квадрата на территории Москвы, где заранее установлены руно-шоковые стабилизаторы, генерирующие из микроаннигиляционных плюс-частиц стабильный фактор осуществления. То есть современная научная мысль уже могла «взять» контейнер в Тибете и «поставить» в России. Могла взять и в Англии, и где угодно, но ламы плохо вербовались, точнее, никак не вербовались, а самым ламой высокомедитативной культуры был один лишь Талгат Волин, и он не мог мотаться по свету и медитировать там, где требовалось начальству, хотя, конечно... До Волина в Тибете и Индии работал только один российский разведчик такого уровня — Рихтер, но тогда еще не было «Сестрорецка-8» и даже фантасты не предполагали появления прибора «Ласточка»... В общем, эксперимент прошел в целом очень удачно, шероховатости были не в счет. Радецкий «вывалился» в плавнях под Нахапетовом, а Кузьков — в центре Москвы, в цивильном подъезде, из-за того что «Сестрорецк» был сбит с толку тау-излучением в первом случае и галлюцинаторной энергией в часах Кузькова во втором. Ничего не помогло, даже то, что Талгат Волин снял с «очемоданенного» Кузькова всю одежду, дабы не волновать внешними раздражителями контейнер в часах.

Кузькова ОМ сразу же забрал к себе, оставив Радецкого на попечение его же конторы — ГРУ, которое решило, что для адаптации к России ему пока лучше посидеть в тюрьме.

— Тем более возле моря, — проворчал генерал-полковник Дождь. — Я бы и сам при случае там отдохнул.

...— Дело в том, парень, — ворчливо произнес, сияя выбритой лысиной, человек из компьютера, — что ты, не подумав, осложнил себе жизнь до полного безобразия.

— Да? — пока еще не мог отойти от шока Толик Лаперуза и поинтересовался: — А если я по компу молотком жажну?

— Мыслишь правильно, — одобрил его парадоксальный собеседник, — но бесполезно. В данный момент это ни к чему не приведет, жажать нужно по всей технотронной цивилизации, да так, чтобы перья во все стороны полетели. Думаю, кто-нибудь в ближайшие десятилетия озадачится этой мыслью.

— Вы кто? — решил познакомиться Толик с компьютерным ламой. — Я, например, Толик, фамилия Лаперуза, а отчество как бы пока и не надо для общения.

— А я для тебя — все, — решил смягчить свою позицию человек из монитора, — в том числе и отчество. Дело в том, что с этого момента ты хозяин и одновременно раб всех электронно-цифровых средств связи, включая и самые специальные, правительственные и шпионские. Ты можешь черпать информацию из всех источников. Можешь стирать эту информацию, изменять, брать у одних и отдавать другим, и тебя никто не сможет вычислить. Одним словом, ты суперхакер, а другим словом, тебе не повезло... Что, Фима? — Забыв о Толике, лама стал пререкаться с кем-то за кадром. — Я его не пугаю, Фима, я его воспитываю...

«Вот и все, — устало подумал Толик, — это галлюцинация, я заболел. Теперь дорога одна — психушка или петля».

— Я уверен, — говорил кто-то за кадром, — он считает себя шизофреником. Усыпи его, Петр, ради Бога, пусть мальчик поспит, а ты во сне надиктуй ему правила игры и правила техники безопасности.

— По технике безопасности его надо содержать на глубине полутора метров в деревянном ящике...

Заявление ламы возмутило Толика, и он постучал по монитору:

— Простите, что вы имеете в виду?

— Спи, — повернул к нему лицо лама и, подмигнув, уточнил: — Деточка...

Нет, Ксюша Мармик была не из тех девушек, которые после слов «извините», «позвоните попозже» не предпринимает никаких действий. Через пять минут после разговора ее юркая «хендайка» вишневого цвета уже мчалась по московским улицам в сторону дома Толика Лаперузы, игнорируя шоссейно-мужской шовинизм отсылаемых ей вслед фактов. Дабы вернее нейтрализовать террористов, захвативших ее возлюбленного, она взяла с собой и нового репортера Сашу Углокамушкина.

— Кошмар! — сообщила Ксюша Саше, подрезая очень серьезный джип и на секунду закрывая глаза от страха. — Его захватили и, по всей видимости, надолго.

Она открыла глаза и пошла на обгон синего «глока», но возмущенный «глок» не дал ей никакого шанса, и Ксюша стала в ряд.

— Ужас, — повторила она, — мы должны их нейтрализовать.

Подрезанный джип поравнялся с «хендайкой» и поплыл рядом. Впереди сидел седой мужчина с печатью мстительного высокомерия на лице и сверху вниз смотрел на Ксюшу. Увидев качество и пол водителя, он избавил свое лицо от мстительности, махнул рукой водителю, и джип рванулся на обгон.

Через двадцать минут «хендайка» остановилась у подъезда. Саша Углокамушкин, еще не адаптированный к проявлению столичной экспансивности в молодых девушках тележурналистской ориентации, был вполне адаптирован к девушкам вообще. Он вышел из «хендайки», оглядел многоэтажный дом и коротко спросил у Ксюши:

— Где?

— Там. — Юная телеведущая схватила его за руку и потащила к подъезду. — Возможно, его уже убили.

В лифте Ксюша вытащила из кармана кожаного пиджака ключи и объяснила Саше:

— Это от его квартиры. Я открываю, ты заскакиваешь и кричишь, чтобы все ложились на пол лицом и не двигались.

— Ладно, — пообещал Саша, — заскочим...

...Степанида Грунина после целого ряда консультативно-организаторских действий привела Сашу Углокамушкина в очень незаметное здание под неброской вывеской «Регистрационно-полиграфическое бюро учета Мосводока-нала» на заднем дворе Главпочтамта. Внутри здания, на входе, сидела за конторкой классическая бабушка и вязала что-то сиреневошерстяное и длинное.

— Ого, — подняла в изумлении брови бабушка, мельком взглянув на Сашу, — экземпляр а-ля фасе, Степанида, клянусь своей былой невинностью. Это же классика, дар пророчества плюс фотоясновидение с авантюрным подтекстом и дозированно-уместный наив хаотично проявляющегося мужества, регулярно перемежающегося всплесками инстинктивного испуга. — О чем-то вспомнив, бабуля мечтательно вздохнула и, строго взглянув на Степаниду, тоном приказа посоветовала: — Это индивидуал, натаскивай его на стресс-ведьму, не подпускай к нашим и уж тем более к обыкновенному мясу — испортишь.

— Слушаюсь. — К удивлению Саши, Степанида Грунина подошла к бабушке, взяла протянутую ей руку и поцеловала один за другим все пальцы. — Я пойду?

— Иди, дорогая, — улыбнулась бабушка. — Иди и не забывай, что в Москве сейчас повелитель Лисоокой Ундины, наш царь.

На выходе Саша оглянулся и увидел, что бабушка совсем не бабушка, а нечто другое, непонятное и таинственное.

— Кто это? — спросил он у Степаниды, когда они отъехали от здания.

— Актонидия. Ведьма, которой не удалось умереть. Бывшая балерина, — объяснила Степанида Саше Углокамушкину. — Моя зазеркальная мама...

...— Ксения, тебе не кажется, что ты слегка с придурью? — вежливо спросил Саша.

— Потом поговорим. — Ксюша повернула в замке ключ, рывком распахнула двери и, крикнув Саше «Давай!», завизжала громко и вдохновенно.

— Всем лежать на месте! — Саша забегал по четырехкомнатной квартире Лаперузов, в каждой комнате заявляя: — Лежать, а не то застрелю!

— Ну ты даешь, — удивилась Ксюша, входя в квартиру и закрывая за собой дверь. — Пряма-таки как сайгак по квартире прыгаешь, я думала, ты серьезней. Ну что, пусто?

Саша промолчал, прижимая палец к губам и показывая на закрытую дверь в одну из комнат, откуда раздавался чей-то голос. Ксюша и Саша прислушались.

— Фима, ты ничего не хочешь добавить этому впадшему в могущество ребенку?

— Нет, к тому, что ты сообщил ему, уже ничего добавить нельзя, пусть спит. Но это твоя ошибка, палач Тибета, мальчик ни при чем. Тебе-следует стать его покровителем, если не хочешь, чтобы за ним начали охоту.

— Да, я знаю.

— Ничего себе мальчик, — удивилась Ксюша и забарабанила в дверь. — Толя, открывай! Скотина ты бессовестная!

Дверь открылась, и на пороге комнаты возник заспанный Толик Лаперуза.

«Блин, опять это ощущение колючего света. — Саша почувствовал, как зябкие волны ясновидения нахлынули на него. — У этого парня две судьбы, и обе пересекаются с моей».

— Мама! — вдруг закричала Ксюша Мармик и спряталась за спину Саши Углокамушкина. — Что это? — Она показала рукой на левую руку еще не до конца проснувшегося Толика.

Саша и сам видел. Рука была еще та: большой палец, указательный, средний, еще один средний, указательный, большой. При этом вторая половина — средний, указательный и большой — была изящна, по-женски нежна и с ухоженными ногтями вишневого цвета. «Рука власти, — блеснула в мыслях Саши чужеродная догадка. — Какой-то неродившийся фараон сунул свою руку в руку этого парня. Что за фигня, блин, мне в голову лезет, я, часом, не долбанулся?»

— Это рука власти, — стал выплывать в реальность Толик Лаперуза и, глядя на Сашу, спросил у Ксюши: — Это тот новый репортер?

— Да, — испуганно ответила Ксюша, не спуская глаз с наманикюренных ногтей жениха. — И если ты мне не скажешь, где такой лак для ногтей достал, я тебе изменю с ним.

— Она шутит, — на всякий случай отошел Саша от Ксюши. — И вообще у меня жена — каратистка.

— Это не лак и не ногти, — поднес свою уродливо-прекрасную руку к глазам Толик Лаперуза, — это грассуляровый бордомин.

Глава десятая

Катастрофа была страшной во всех лучевых направлениях. Ученые нынешней Земли, не имея возможности просчитать и сформулировать первоисточник катастрофы, придали ей статус Большого Созидательного Взрыва, образующего галактики, созвездия, планеты, пространства и разновидности белковой и других форм жизни. Эффект расширяющейся во все стороны от инерции Взрыва Вселенной, по мнению ученых, закончится тем, что она с той же стремительностью начнет сужаться и... На этом предположении астрофизики умолкают и разводят руками: «А кто же его знает?» Их можно понять и даже в какой-то мере восхититься проникательностью науки. Пластырь пространства и времени, наложенный на прореху в корпусе неизбежного лазерного движения нашей солнечной бригантини, ученые назвали «темной материей», вязкость которой удерживает мироздание в пока еще не понятном ими порядке. Космогонический наив постулата определил и состояние нынешней научной мысли и достижений. Все, к чему мы стремимся, накапливаем, выстраиваем и

формулируем, на самом деле имеет четкое и лежащее на поверхности определение — Иллюзия. В психиатрии это называется «фактором, отвлекающим больного от депрессивного самоуглубления»...

— Я почему-то знаю имя Эхнатон. — Улыбчивый посмотрел в глаза Малышке. — Это был самый странный фараон, но я никогда не интересовался историей Древнего Египта.

Муж и жена Волчанские, Григорий и Настя, стояли на открытой веранде своего большого дома за высоким забором в селе Нахапетове. Перед Малышкой качалась изящная колыбель-коляска немецкой фирмы «Кляйн», в которой спал ребенок. Поздний осенний вечер был прохладным и красивым. Небо над домом Волчанских казалось набитым звездами и тайнами.

— Этот фараон владел какой-то странной информацией из звездной системы Сириус. — Малышка с тревогой вслушивалась в пространство вокруг себя. — Он же являлся носителем Христова Сознания, когда о Христе еще не знал сам Христос. Но я не знаю, почему это знаю. Милый, тебе не кажется, что нам надо готовиться к бою?

— Нет, — мотнул головой Улыбчивый. — Нам не надо готовиться, мы всегда в состоянии боя, дорогая.

— Да, — задумчиво проговорила Малышка, — я знаю, милый. Но рядом с нами какая-то сила.

— В этой силе пока нет опасности, — успокоил жену Улыбчивый. — Ты слышала о подземном городе Тата?

— Это город есеев. Сейчас там остались одни женщины. Они бессмертны. Слушай, милый, нам кто-то о чем-то сообщает, с нами кто-то разговаривает.

— Да, — согласился Улыбчивый, — я слышу, любимая. Ты чувствуешь, как в мире что-то изменилось?

— Чувствую, — взволнованно прошептала Малышка. — Океан стал набухать, словно весенняя почка на дереве, скоро поменяется рисунок звезд на небе для нескольких человек на Земле, все просыпается и рассветает, Бог стал женщиной. Последний мужчина — царь, Антихрист — сконцентрирует в себе все мужское и тоже станет женщиной. Иоанн назвал это начало светоконцом. Но я, любимый, не знаю, почему это знаю.

— Это я сказал, мама, — произнес во сне ребенок, не открывая глаз. — Я сейчас в 1355 году до нашей эры и разговариваю с фараоном Эхнатоном. Он из созвездия Сириус, это недалеко от Земли, рукой подать.

Самые квалифицированные убийцы земного шара нежно переглянулись, улыбнулись друг другу и склонились над колыбелью сына.

— Проказник, — ворчливо произнесла Малышка, поправляя одеяло. — Будь осторожен, в Египте так много варваров.

Бойцы спецгруппы «Рысь», подготовленные к любому проявлению неожиданности и контролирующие все пути подхода к селу Нахапетову, были слегка обескуражены, когда увидели, как по улице к большому дому бизнесмена Волчанского идет человек невообразимого для приморского села облика. По широкой улице Нахапетова шел солидно-кабинетного вида человек в дорожном костюме цвета беж, миллионерско-техасского стиля, в широкополой светлой шляпе и кожаных ботинках-протекторах «Индиана Джонс». Человек курил сигару и, судя по лицу и походке, не был ничем смущен в отличие от бойцов «Рыси». Все как один разведчики увидели этого человека, тщательно осмотрели через свою оптику и мрачно озадачились. Жителей села они знали в лицо, село давно уже было изучено, проверено, поделено на квадраты и тайно блокировано. В нем не осталось ничего интимного, пройти незамеченным было невозможно. Тем не менее человек заокеанской внешности шел к дому Волчанских, попыхивая сигарой, с вальяжностью хозяина положения, и откуда он взялся, никто из разведчиков объяснить не мог. На всякий случай был задействован прибор «Ласточка», но, как и ожидалось, он ничего не показал. Тау-излучение уже не фиксировалось на земном шаре. Оно как возникло — неожиданно, так и пропало — внезапно. В конце

концов Бусинин, командир «Рыси», доложил начальству, что «дисгармонирующий с российской действительностью человек вошел в село, не замеченный спецкордонами». Если перевести на обычный язык, это означало приблизительно то же самое, что и «гром среди ясного неба». Центр голосом генерал-полковника Дождя буркнул из наушника в ухо Бусинина:

— Не трогайте его, пусть все идет как идет, но в этом году вы не станете подполковником, майор.

Группа «Рысь» затаилась в ожидании событий. Интуиция, подкреплённая профессионализмом, подсказывала разведчикам, что события будут. Им почему-то казалось, что они сейчас принимают участие в не просто секретной операции ГРУ, а находятся на самом острие глобальных, затрагивающих суть мира изменений.

Жители Нахапетова, конечно же, чувствовали, что вокруг их села и в самом селе происходит что-то грандиозное, тайное и им не нужное. Конечно же, они уже давно засекли спецкордоны «Рыси» вокруг села. Разведчики и сами знали, на то они и суперпрофессионалы, что от местных жителей можно таиться от силы неделю, дальше — нереально. Село не город, здесь даже легкое вмешательство чужеродности в местный ландшафт не проходит незамеченным. Селяне все видели, но помалкивали. Вековой народный опыт подсказывал им, что это самый лучший вариант. Правда, сначала бригадир Жаров, затем начальник рыбозасолочного цеха, бывший владелец АО «Приазовское» Нечитайло, а затем и все остальные аборигены по очереди заскочили «на секунду» к Григорию Прохоровичу Волчанскому и доложили, что в «камышках люди какие-то служивые службу несут» и «может, им уши горячей наварить да подвезти в котлах, пусть похлебают горячего?».

— Ни в коем случае, — остановил селян гендиректор АО «Приазовское». — Делайте вид, что ничего не видите. Им так приятнее будет.

— Тебе не кажется, любимая, — спросил Улыбчивый у Малышки, — что вокруг нас слишком много государственного внимания?

— Я еще не разобралась, плохо это или хорошо, милый, — ответила ему Малышка. — Но ты прав, слишком много государства. Мужчины, блокирующие село и наблюдающие за нами, очень профессиональны. Их всего двадцать, но они стоят воздушно-десантной дивизии, и, насколько я понимаю, у них нет приказа на бой.

— Сейчас нет, через минуту будет, — задумчиво произнес Улыбчивый, — это не критерий, дорогая. Я могу, конечно, их убить в режиме «секундная стрелка», но мне дискомфортен такой градус ответственности. Одно дело защищать большого начальника, себя или идею, и совсем другое — защищать своего сына в непосредственной близости от его колыбели, здесь нужно быть предельно осторожным. Ты, конечно, понимаешь, почему я не говорю «защищать свою жену»?

— Понимаю, милый, — улыбнулась Малышка. — Я тоже могу уничтожить десантный полк, но не хочу убивать наших десантников, если, конечно, они не захотят убить нас. — На этот раз улыбка Малышки не предназначалась никому, она принадлежала ее мыслям, и, судя по выражению лица, этим мыслям не стоило бы осуществляться. В этот момент она была похожа на главу супергосударства, отдающего приказ армии о развязывании Третьей мировой войны. — Впрочем, я чувствую, что к нам идут гости, вернее, не к нам, а к нашему сыну.

Малышка и Улыбчивый подошли к гулькающему и весело играющему со своей ногой младенцу в колыбели. Он пытался засунуть большой палец ноги в рот.

— Сереженька, сыночек, это я, твой папочка.

— К нам гости издалека, — сообщила младенцу сдержанная в эмоциях мать, — как в той правде, которую слепцы называют сказкой, волхвы с дарами.

— Гуль-уль-уль... — Малыш вытащил изо рта палец, и в его глаза вошли бездонная

черная солнечность лаоэра и лазорево-зеркальная чистота элохима седьмой агностической степени Рими. Это было что-то новое для Улыбчивого и Малышки. Если раньше глаза сына наполнялись необъяснимой лазоревостью и великой чернотой по отдельности, то теперь каждый глаз младенца был разделен по вертикали на две разного цвета бездонности.

— Ох-мм, — вздохнул малыш и в тональности си-бемоль второй октавы выдохнул: — Ах-м...

Глава одиннадцатая

1

«Я всегда знал, — подумал Слава Савоев, — что в жизни не все так просто».

Старший оперуполномоченный Таганрогского уголовного розыска капитан Савоев стоял возле Нахичеванского рынка в Ростове-на-Дону 1929 года и с любопытством рассматривал ростовчан начала XXI века, которые в двадцати метрах от него, сразу же за чертой схематичной параллельности, толкаясь, впихивались в троллейбус. Слава не выбирал год, просто вошел, спасаясь от прибазарной многолюдности, в первый попавшийся и теперь подумывал о переходе в другой. Ростов 1929 года был даже бестолковее и многолюднее начала третьего тысячелетия. Редкие машины, и полным-полно телег, пролеток, фаэтонов, ломовиков и просто верховых. Слава стоял возле лавки с надписью «У Нерсесяна (штиблеты из Еревана и юфть из Казани)». Он только что встретил у входа на рынок компьютерного тысячелетия знакомого Нечитайло, с которым познакомился еще на юрфаке Ростовского университета во время сессии для заочников. Выяснилось, что Нечитайло в данный момент работает начальником засолочного цеха в селе Нахапетово и привез на рынок его продукцию.

— Мне в село к вам надо, подвезешь? — спросил Слава у Нечитайло и предупредил: — Только не спрашивай ни о чем, это служебное дело.

— Хорошо, не буду, — понял Нечитайло. — А что ты у нас забыл?

— Проверить одного надо, — Слава с упреком посмотрел на несостоявшегося коллегу, — и вообще.

— Ладно, конечно, подвезу. — Нечитайло был задумчив и мрачен. — Жди меня в шестнадцать ноль-ноль вот здесь... — Он показал на красиво оформленную витрину обувного магазина «Саламандра», рядом с которой стоял выносной рекламный стенд желтого цвета с надписью: «Нерсесян. Осуществляем поставку обуви в Германию».

— Договорились, — кивнул Слава, — в четыре...

Лаоэр Савоев мог сделать всего шаг и оказаться в Нахапетове, но оперуполномоченный Савоев считал, что чрезмерная эксплуатация могущества может перерасти во вседозволенность, первое проявление смысловой девальвации. К тому же Слава уже сделал этот шаг, вступил на одну секунду в ночное Нахапетово, понял, что оно в блокаде государственных интересов, и сразу вышел, через 1974 год, который как раз в это самое время накладывался паэропсодным фоном мыслеосуществлений на ростовский день, возле магазина бессмертного Нерсесяна. «Я должен войти в Нахапетово естественно и просто, — подумал Слава, — как простой сельский труженик»...

— Шо это у вас за фасон, мужчина? — прервали Славины мысли две дамы объемно-притягательной внешности с тюлевыми зонтиками. — Вы клоун или военный турок?

Одна из дам, желтоглазо-восточного типа, не выдержала и потрогала Славины джинсы в районе зиппа двумя пальцами, восторженно объясняя подруге:

— Это не клоун и не турок, это такой чрезмерный фасон из Франции.

Черт! Слава испуганно отступил из 1929 года в нишу 1922-го.

— Здравствуй, уважаемый, — поздоровался с ним армянин с печальными глазами, —

заходи, починю туфли — лучше новых будут. Нерсисян — лучший сапожник в Нахичевани и мире.

— Спасибо, не надо... — начал было говорить Слава, но лаозр стер вокруг него кусочек времени и пространства, переставляя из 15.30 1922 года в 16.05 нынешнего времени.

— Ну что, поехали? — ошарашенно смотрел на Славу Савоева Нечитайло. — Я тебя прямо-таки и не заметил — богатым будешь.

2

Стефан Искра смотрел на Москву с позиции силы и безграничной мудрости. Москва, как всегда, была вынужденно-глубокомысленной и непредсказуемо-дисциплинированной. Несмотря на видимую хаотичность и многолюдность мирового города, Москва просчитываема и управляема. Выполняя державную волю, она бывает очень опасной, как опасен спецназовец, получивший задание. Такова участь столиц. Стефан Искра уже давно понимал и сотрудничал с беспощадным и всесильным миром нежного всезнания внутри себя и поэтому смотрел на Москву еще и с позиции этой нежности, стоя на пешеходном мосту, соединяющем Берсеневскую и Пречистенскую набережные, правый и левый берега Москвы-реки. Он видел причину белых и черных полос в жизни каждого человека, так называемую зебру судьбы...

В каждую минуту человеческой жизни, в силу его особого внежизненного и вневременного происхождения, врываются четыре полсекунды агнозийного, с элементами колючей вакуумности, сна. За одну минуту нашего бодрствования мы четырежды впадаем в блицсновидение, и днем и ночью, ибо ночной сон вовсе не сон, а разновидность бодрствования в режиме фантомной параллельности. Это больничный режим. До Великой Катастрофы, «смерч» которой вбросил нашу бригадину «Солнечная система» в галактический омут параллельностей, расчленивших нашу вселенскую суть на составные самостоятельные части, мы не спали по ночам, ибо не знали, что такое день и ночь, что такое «тик» и «так», что такое жизнь и смерть. Пластырь времени на пространстве вокруг нас наложен аварийными службами мира, из которого мы отправились в путешествие. Он вновь пытается соединить нашу суть, расчлененную параллельностями, не давая нам, богам, рассыпаться на бессмысленные и опасные для нежной лазоревой гармонии части. Если применять грубые, земные сравнения, то мы чем-то напоминаем лежащего в коме больного, подключенного к аппаратам «искусственная почка», «искусственные легкие», «искусственный разум». Люди полной луны — демиурги, — когда мимо нашей побитой бригадины проносились клио-вселенные, предприняли спасательные работы и тоже втянулись в параллельности, но в отличие от нас они лишь потерпели аварию, сохранив образ целым. То же самое произошло и с элохимами...

— Вы что, хотите прыгнуть вниз? — подошли к Стефану Искре патрульные. — Ваши документы, пожалуйста.

Стефан Искра поднял воротник плаща и, шевельнувшись в четверге, обошел это мгновение через прошлый вторник, вновь возвращаясь в четверг, уже в районе Якиманки на Ленинском проспекте, с приятным недоумением разглядывая большое джакузи, в котором плескалась дама с изнеженно-московской красотой лица и тела, предназначенной для салонов дорогих автомобилей, респектабельных презентаций, закрытых баров, огромнопологовых постелей и умопомрачительно-шикарных джакузи с внутренней подсветкой и водяными ароматизированными вибраторами.

— Простите, — приподнял кожаную кепку Стефан Искра, — я, кажется, попал не в свою квартиру.

— Не в свою? — Дама явно была в недоумении и расслабленности. — Разве мы соседи?

По всей видимости, у аолиэтного лаозра было сугубо космическое чувство юмора — он

исчез. Стефан Искра мог шевелиться сколько угодно, но как был в четверге, посреди огромного ванного зала с ультрасовременным джакузи, в котором плескалась женщина — удовольствие московского дизайна, так и остался там, в кожаной кепке и плаще с поднятым воротником.

— Нет, — решил прояснить ситуацию суперсолдат, — мы не соседи.

— Марат, — томно прошептала женщина, откидывая голову на специальное приспособление станка, фиксирующего ее тело в джакузи разноцветными ремнями из пластика, — ко мне ворвался насильник. — Она выгнулась всем телом, глядя на Стефана из-под опущенных ресниц нежно-невменяемым взглядом...

...На Земле в данный момент существуют три внеземных цивилизации и семь наслоений невидимых параллельностей земного происхождения. Если убрать прокладки измерений и воссоединить все части расчлененного параллельностями образа, то это и будем мы — боги из лазерной благодатной гармонии вечного и бесконечного осуществления, которую статик-рабы, одна из частей нашего расчлененного образа, называют Смертью...

— Клавочка, — заглянул в ванную мужчина культуристского телосложения и тут же, увидев Стефана Искру, с ревом ворвался в «банный зал».

Само собой, Стефан поступил как «солнечный убийца» и государственный человек, ибо лаоэр опять ушел в какую-то одну из многих запредельностей мира; он осуществил мягкий блокирующий прием «юла», то есть мгновенно оказался за спиной атлета, и тот по инерции гневной скорости буквально вбежал в сексуально-гигиеническое джакузи и обрушился на переставшую шептать и начавшую визжать

Клавочку всей массой своего рельефного тела. Аолитный лаоэр вдруг одарил Стефана Искру внехронологическим реставрационным видением, и он увидел, что неизвестная ему сладострастница Клавочка в первообразе, раскиданном частями по шести из семи параллельностям, была лучезарной, как Дева Мария, а могучий и гневный Марат, навалившийся на нее, прекраснотелым и светоносным. «Проклятая Катастрофа, — подумал Стефан Искра, входя со стороны моря в село Нахапетово. — Таинственная Катастрофа, — думал он, направляясь в сторону самого большого и богатого дома в селе, мимоходом отмечая присутствие не заметивших его коллег. — Интересно, почему мы не почувствовали приближение этой Катастрофы?»

3

Как Россия располагается на стыке Азии и Европы, Востока и Запада, как Израиль находится в точке возникновения трех мировых религий, а Тибетское плоскогорье и Гималаи выдавились в месте столкновения Евразийского и Индо-Австралийского континентов, так и Солнечная система была сброшена Великим Ураганом в самый центр бездны противоречий между шестьюстами шестидесятью шестью синеоттеночными и тремястами тридцатью тремя симфоническими галактиками. Отсюда все наши беды, трагедии, растущее чувство безысходности, незащитной тоски по совершенству и страх перед смертью, который можно маскировать каким угодно бесстрашием, мудростью, фанатизмом, — он все равно неизбежен. Чтобы не плести нить долгих объяснений, приходится сжимать их до уровня развернутой цитаты. Что произошло?

Для начала возьмите настоящее старинное зеркало — настоящие зеркала на заговоренно-серебряной основе не тускнеют, как современные, а лишь углубляются — и взгляните через него на себя. То, что вы увидите, объяснить невозможно, но можете не сомневаться — вы вскрикнете от восторга перед увиденным, вам откроются кое-какие тайны о самом себе. Трудность лишь в том, что по-настоящему старинных зеркал очень мало, и большинство из них находятся в пещерных храмах Индии. Три зеркала есть в России, и все они хранятся в точках державной и магической власти — одно в Кремле, а два других вне Москвы. Впрочем, ладно... Вот вы нашли это зеркало, взглянули на себя, вскрикнули от

восторга неповторимого узнавания и, подняв его над головой, шарахнули об пол. Видите, на сколько осколков разлетелся ваш восторг перед самим собой? Для того чтобы не пропал в забвении ни один осколочек, приходят спасатели, и все пространство предполагаемого разлета осколков покрывают пластырной мезузой «темной материи», включают аппараты времени и начинают долгую реанимационную работу по собиранию нашего Божественного образа, выводя из комы забвения. Так что мы не должны забывать, что, глядя на звезды, мы смотрим на осколки самих себя.

...Что-то наподобие этого произошло с нашей звездной бригадинкой «Солнечная система». Вселенский ураган «Удар бича» шарахнул ее с рифа галактических противоречий, и мы теперь полностью зависим от результатов работы спасателей из нашего, БОЖЕСТВЕННОГО, мира и оставшегося целым, хотя и очень ограниченного в действиях, капитана Иговы, известного человечеству и под другими именами, который поддерживает жизнеобеспечение нашей бригадинки из командирской рубки, называемой планетой Юпитер. Впрочем, это уже другая история...

Глава двенадцатая

1

Капитолина Витальевна Шадская, Любочка Кракол и Татьяна Литвинова сидели в большой комнате Капиного дома и пили травяной чай, приготовленный из трав, известных только одной Капе, в знании которых ей не было равных на всем юге России и Украины. Капа была современной и городской ведьмой, поэтому более изощренной. Женщины пили чай и разговаривали.

— Вы помните Аскольда Иванова? — спросила Любочка, подцепив с блюда ягоду паслена и отправляя ее в рот. — Он выглядит не лучшим образом, но я не увидела на его лице морщин неудачника.

— Что ты имеешь в виду, дорогая? — Литвинова отхлебнула из глиняной чашки черный настой и поморщилась от терпкого и вязкого удовольствия. — Он стал похож на подвергнувшегося ограблению нищего?

— Да, — кивнула головой Любочка и положила еще одну ягоду паслена в рот. — У него вид человека, которому в кабинете врача сказали, что он болен неизлечимой формой рака печени, а через полминуты догнали в коридоре больницы и сообщили, что перепутали, у него просто сезонное обострение геморроя.

— Иванов, — насторожилась Капитолина Витальевна, следя, как на спиртовке закипает колба, и высыпая туда из полотняного мешочка сбор трав, — я его знаю, он мне нравится, жил по Ружейному переулку в районе тюрьмы.

По комнате разлился запах подвально-грибной сырости, а вода в колбе стала молочно-фиолетового цвета.

— Его видели на кладбище, бродил среди могил родных и друзей и посетил приют Тер-Огонесяна, — сказала Таня Литвинова и подставила чашку Капе, начавшей разливать жидкость из колбы. — Какой бодряще-зябкий запах у этого сбора. Он чей?

— Мой, — улыбнулась Капа, — это ластовичная трава, высушенное сердце крота и желуди с дуба, растущего на месте бывшего еврейского кладбища.

— Какая гадость! — Любочка Кракол отхлебнула свежий настой. — Иванов ищет деньги, которые он оставил на черный день у покойного Тер-Огонесяна.

— Ах, Самвел, — томно прикрыла глаза Танечка Литвинова. — Не понимаю Глорию, это безумие, зачем было душить, когда можно было родить еще одного сына... — Она заглянула в чашку с настоем и спросила у Капы: — Что даст нам высушенное сердце крота?

— Не знаю, — пожала плечами Капитолина Витальевна. — Ты такая же ведьма, как и

я, что захочешь, то и получишь...

2

— Надо учредить новый банк. — Генеральный директор металлургического завода Сергей Видаш посмотрел на Рокотова и уточнил: — С уставным капиталом в шестьсот миллионов долларов. Лицензию Центральный банк нам выдаст. У нас перспективный и развивающийся регион, тем более что под боком «бафометин» нашли.

— Зачем вам банк? — удивился мэр Рокотов. — Хотя... почему бы и нет, лишний банк городу не помешает.

— Я даже название придумал, — вдохновился Видаш. — Таганрогский разводяще-третейский банк реконструкции и развития местного ландшафта.

— По-моему, слишком длинное, — усмехнулся Рокотов. — Лучше сразу назовите «Рога и копыта».

— Ни в коем случае, — не принял шутку Рокотова Видаш. — У нас все будет честным. Скоро сюда придут все, и эти все столкнутся с проблемой быстрого оборота финансовых потоков, а мы тут как тут. Короче, банк нужен, тем более что появилась реальная возможность России вступить в ВТО, да здравствует борьба с международным терроризмом, а это увеличение объемов производства почти в пять раз... — Сергея Видаша понесло. — Мы всех задавим своим холодным прокатом и трубами. Сейчас, когда начинается разработка азовского шлейфа и развертывание платформ для добычи «бафометина», мы становимся как бы энергетической столицей России. США уже пускают слюни — там, где «бафометин», там и будущее межпланетных полетов.

— Да, — вставил свою реплику Рокотов, — у тебя, Сергей, все как в Японии — непонятно.

— Я даже наметил, кто будет председателем правления, я его знаю, он в тюрьме ни за что при советской власти сидел, за хищения из гастронома «Елисеевский». Его Аскольд Борисович Иванов зовут, — как ни в чем не бывало продолжал Видаш.

— Это кто? — немного опешил мэр Рокотов.

— Сейчас бомж, — объяснил Рокотову Видаш и вытащил из кармана коробочку с жевательным испанским табаком «Проклятие Дрейка», достал оттуда пластинку, кинул в рот и, подойдя к окну, стал смотреть на город, пережевывая «проклятие» великого государственного пирата.

3

Глава Службы внешней разведки Тропарев — действительный академик РАН, специалист по Востоку и политической конъюнктуре, сложившейся внутри развитых европейских стран, включая внеевропейскую Америку, генерал-лейтенант ФСБ — поднялся и пошел навстречу полковнику Груниной, входящей в его кабинет:

— Степанида Исаковна, буду вас ругать.

— Ругать? — удивилась Степанида Грунина, усаживаясь за длинный стол и положив перед собой красную папку с документами. — Интересно, за что?

— Вы почему-то не подали рапорт начальнику школы о том, что обнаружили интуитива с харизматическими данными разведчика, некоего, — Тропарев заглянул в лист бумаги, лежащий сбоку, — Александра Углокамушкина, оформили ему новые документы взамен утерянных и устроили на телевидение репортером. Вы его используете в своих целях или вербуете для дальнейшей службы на государство?

— Василий Петрович, — Степанида Грунина задумчиво посмотрела на шефа, — во-первых, это очень молодой и недисциплинированный человек, во-вторых, начальник школы

обойдется, я имею право зачислять в группу «Эксклюзив» при своем курсе кого угодно, не ставя никого в известность, в-третьих, если я его использую в своих целях, это значит, я использую его в государственных интересах, а в-четвертых, кто на меня настучал?

— Не надо, Степанида Исаковна, — успокоил ее развед-академик. — Кто должен, тот и настучал. Значит, Углокамушкин зачислен, я правильно вас понял, и вы его официально оформили допуском «семь» в свой «Эксклюзив». Так, Степанида Исаковна?

— Да, — согласилась с шефом полковник Грунина. — Я его хочу натаскать на Амазонку в США.

— Ха! — изумленно откинулся на спинку кресла Тропарев. — Клэр Гатсинг подавятся все, вместе взятые, «альфонсы» вашего курса, она же высокосная женщина, квант-ведьма.

— Вы сказали «все, вместе взятые», господин генерал-лейтенант? — Тропарев знал, что когда полковник Грунина обращается к нему по званию, значит, она едва сдерживает ярость, и Тропарев знал, что с этим шутить нельзя. — «Альфонсы» — штучный товар, групповухой они не занимаются, вы слишком поспешно судите о возможностях моих учеников. — Полковника Грунину ярость красила, прибавляла ее лицу аристократической бледности, а глазам блеск. — Но вы правы — они Амазонку не возьмут, но для этого я и получила право на ведение «Эксклюзива» и право неподконтрольности в работе на этом направлении.

— Ну уж нет, — возмутился глава СВР, — мне вы подотчетны всегда и в любое время, не перегибайте палку, Стеша, — перешел в режим неофициальности генерал-лейтенант. — Но я готов извиниться, вы специалист высшего класса.

— И я, если вы не забыли, конечно, — Степанида Грунина с иронией посмотрела на Тропарева, — тоже высокосная женщина.

— Вот именно, — не дал себя сбить с толку генерал-лейтенант. — Это меня и настораживает, Стешенька, ведьма ведьме, как говорится, глаз не выключает.

4

— Ребята, вы мне нравитесь. — Ксюша Мармик задумчиво посмотрела на Сашу Углокамушкина, затем с интересом на Толика Лаперузу и уточнила: — Но не в том смысле, что вы подумали. Да и не готовы вы к созданию шведской семьи. Я о другом. В смысле, о том же, но в другой ипостаси.

— Не обращай внимания, — буркнул Толик Саше, угадывая в нем родственную душу. — Она больше рисуется, хотя никогда не поймешь, что у нее в голове действительно.

— Когда-нибудь узнаешь, — зловеще пообещала Ксюша Толику, — что у меня в голове может быть.

— Я думаю, — Саша Углокамушкин был встревожен и слегка бледен, — нам нужно говорить о другом. Не знаю почему, — он запнулся, — но мне кажется, тебе не следовало говорить нам об этом. — Саша кивнул на изящно-безобразную руку Толика с влажно-красными ногтями из редчайшего бордомина. — Этим ты осложнил и свою и нашу жизнь. На мой взгляд, — Саша поежился, — с этого момента мы попали в зону слишком глобальных для нас интересов. Мне это даже нравится, но, — он кивнул головой на Ксюшу Мармик, — с нами девушка, отравленная телевидением.

— Женщина, во-первых, — сразу же разлилась Ксюша, — а во-вторых, тапочка таганрогская, я умею хранить тайны лучше, чем кто-либо...

Возмущение Ксюши прервал телефонный звонок.

— Да! — ответила разъяренная девушка, сорвав с аппарата трубку, и тут же зашептала: — О, Юлия! Привет, а как ты меня нашла? Ну да, да... Углокамушкин? Нет, не видела. Прогонов много на программу? Нет, никакой джинсы там нет, пациент пусть отдыхает — у нас молодежная программа. Кстати, через три часа труп-лайн о хакерах. Нет, утром я тоже не видела Углокамушкина. Кто? Рибдадуев? Этот кэг на тонких ножках? Он

тебя обманул, Углокамушкин не в моем вкусе, примитив колхозный. Я рада. Да, Юлечка! Слушай, у меня сенсация, мой чел Лаперуза мутировал, мы дадим это в субботней программе в прайм-тайме. Да, это будет суперсенсация, у него, Юля, ты представляешь, рука стала не просто ру...

— Я же говорил, — устало и тускло проговорил Углокамушкин, обрывая разговор наложением руки на рычаг, — она просто говорящая голова, теленаркоманка с рулоном вместо мозгов. Что будем делать?

— Что вы на меня так смотрите? Мама! — испуганно закричала Ксюша Мармик, отступая в угол комнаты. Саша и Толик смотрели на нее с той же заинтересованностью, с какой студент-естествоиспытатель смотрит на лягушку перед препарированием.

— Да, без шведской семьи не получится, — мрачно пошутил Толик Лаперуза. — Чтобы ни на шаг друг от друга, рука к руке наручниками, и Мармик посередине.

— У меня будет сразу два чела, — сразу же успокоилась Ксюша и провела рукой по своей прическе «испуганный ежик». — Это стильная подводка, и без тракта мы никак не сможем обойтись[1]...

5

— Ну вот, — Клэр Гатсинг отошла от пульта управления кристалломагнитными руками, — если у кого есть желание, может посмотреть на кристалл замороженного вакуума.

— Черт бы побрал этих женщин-гениев, — подошел к эгоперископному экрану «Эхо океана» генерал Блад, глава командного центра объединенных космических сил США, расположенного в горах Шайенн, Колорадо-Спрингс, штат Колорадо. — Я всегда говорил, что Третья мировая начнется лишь тогда, когда ядерное оружие морально устареет. И кажется, благодаря нашей Клэр оно устарело до такой степени, что ничего, кроме насмешки, не вызывает. Замороженный вакуум, — генерал Блад стал вглядываться в экран, — это как?

— Вы имеете в виду «как?» или «когда?», мой генерал, — Клэр Гатсинг сняла рабочий халат и села в полукружие кресла из синего тафика, — или уже дозрели до вопроса «куда?»

— А все-таки, Клэр, — научный менеджер-спейс космодрома генерал Джон Абрацумян с плохо скрываемой любовной злостью в глазах сделал вид, что его интересует тема, — при какой температуре можно заморозить вакуум и, если это возможно, как он остается вакуумом?...

В универсально-лабораторном холл-зале секретного объекта «Янки» ждали президента США. Работа по созданию межпланетного космического корабля «Хазар» вступила в завершающую фазу. В огромном зале собрались все космические чиновники США. Кроме генерала Блада и генерала Абрацумяна, здесь присутствовали: генерал Тайс Остин — комендант Космического центра имени Кеннеди, Майами, штат Флорида; генерал и астронавт Холгман — глава Космического центра имени Л. Джонсона, Хьюстон, штат Техас; генерал-полковник, астрофизик Гильс — командир Центра космических и ракетных систем в Пасадене, штат Калифорния, физик-астробиолог; Кейси Умберт — руководитель Исследовательского центра имени Эймса, штат Алабама, полковник ЦРУ; астронавт Хильсон — комендант Центра ракетной защиты и космических исследований имени Маршалла, Хантсвилл; академик Джон Пул — научный руководитель лабораторий-хранилищ в Лос-Аламосе и Хемфорде на северо-западе страны и генерал Хантс — комендант полигона-хранилища в штате Невада.

— Абрацумян, — Клэр Гатсинг соизволила посмотреть в сторону менеджер-спейса, — странная фамилия. Вы из резервации племени дагонов или просто эскимос?

— Он армянин, Клэр. — Астрофизик Гильс был похож на человека, которому наплевать на всех. — Можете ему ничего не объяснять, он вам не поверит.

— Армения, — закивал головой генерал Хантс. — Я там бывал, это в Лос-Анджелесе и Сан-Франциско.

— Ну и для чего нам кристаллы замороженного вакуума? — оторвался от экрана генерал Блад. — Клэр, ради Бога, объясните хотя бы мне, глупому старику, почему вам непременно нужно залезть в штаны к дьяволу?

— Это любовь, мой генерал, — помахала в воздухе рукой Клэр Гатсинг, приветствуя вошедшего в холл-зал Джона Карри. — А во-вторых, это не я лезу к дьяволу в штаны, а вы заглядываете к нему под юбку. Если вы полагаете, что вакуум замораживают для того, чтобы что-то взорвать, это ваши проблемы. Так что, генерал, — Клэр загадочно улыбнулась, ибо наконец-то в зал вошел президент, — идите к черту.

6

Вместе с президентом США вошли директор ЦРУ, госсекретарь и конгрессмен Контанио Джидо.

— Клэр, — помахал рукой президент, — я рад вас видеть. Надеюсь, Юпитер, как и Земля, будет у ваших ног.

Клэр Гатсинг поднялась с кресла и стоя поприветствовала главу государства. Она была слишком суеверна и умна, чтобы комментировать слова президента о месте Юпитера у чьих бы то ни было ног.

Джон Карри подошел к операторам за пультом большого экрана — ожидался телемост с Российским космическим центром имени Хруничева. День сегодня был официально-торжественным. Россия и Соединенные Штаты приняли решение о совместной работе по освоению космического пространства, о создании единого Центра управления полетами, смешанного экипажа для совместного полета на Юпитер и оснащении межпланетного «Хазара» наработками российской науки. Конечно же, это соглашение, как и многие другие в отношениях между Россией и США за последние восемьдесят лет, было секретным и поэтому очень надежным. Обо всех аспектах соглашения знали только элитарные граждане обоих государств, все остальные довольствовались сообщениями прессы, а пресса знала только то, что ей позволялось знать.

— А почему я не вижу сенатора Соукса? — обратился президент к Джону Карри. — Он уже на Юпитере?

— Я, — растерялся Джон Карри, — думаю, что он занят подготовкой к встрече с вами в промышленном блоке...

Директор ЦРУ, стоящий за спиной президента, наклонился и стал что-то тихо говорить ему на ухо.

— Да? — удивился президент, поворачивая лицо к директору ЦРУ и ошарашивая его вопросом: — А вы не врете?

— Нет, — ничуть не смутился тот и уточнил: — Я все проверил — это правда.

Глава тринадцатая

Правда и ложь — это разновидности расчлененной на части истины, а расчлененная истина уже не является истиной. Правда заключается в том, что ее, впрочем, как и лжи, не существует...

Генерал-полковник Дождь, ознакомившись с последними сообщениями из квадрата «Н» — Нахапетова, почесал затылок и по связи «Миус» соединился с директором ФСБ.

— Твой Стефан Искра, разыскиваемый нами капитан Савоев и хорошо известный нашей внешней разведке сенатор Арчибальд Соукс буквально вышли из пустоты на улицы нахапетовской аномалии и вошли в дом местных руководителей Волчанских, которых и мы и вы знаем как опасных для жизни суперсолдат класса «солнечные убийцы». Я сейчас звоню министру обороны и прошу отдать приказ о захвате и задержании всех участников этой

сходки.

— Дождь, — с упреком произнес Волхв, — тебя укусил энцефалитный клещ? Для их захвата и задержания, даже если мой Стефан Искра примет вашу гэрэушную сторону, придется направить весь спецназ армии, и закончится это тем, что ООН обвинит нас в браконьерской охоте на степных зайцев с применением ковровых бомбардировок тактическим ядерным оружием. Кстати, а сейчас, в данный момент, что происходит?

— Подожди секундочку. — Дождь вышел по связи «Миус» на полковника Грюнвальда. — Ганс Викингвич, что тебе околотемная агентура о Нахапетове сообщает?

— Забудьте, генерал, о Нахапетове, — голосом потрясенного до глубины души флегматика посоветовал Грюнвальд начальнику. — В данном квадрате никакого населенного пункта нет, лишь море накатывает волнами на пустынный берег и степной ковыль клонится под ветром в подступающей к плавням степи.

— Слышал? — спросил Дождь у директора ФСБ, не выходящего из линии спецсвязи «Миус». — Тихо все в Нахапетове то есть... Эй! Полковник! — спохватился глава ГРУ. — Что значит — ковыль и волны, тебя НЛЮ по голове ударил? Где Нахапетово, я тебя спрашиваю?

— Нету. — Дождь прямо-таки «увидел», как Грюнвальд развел руками. — Ни села, ничего, кроме ковыля, нету.

— Подожди секундочку, Николай Олегович, — донесся до растерянного генерал-полковника голос Волхва, который вывел на «Миус» свою приемную и спросил у секретарши: — Анна Сергеевна, что случилось с объектом Нахапетово?

— Сейчас посмотрю, Михаил Григорьевич, — отозвалась секретарша и через секунду сообщила: — Оно куда-то исчезло.

— Радецкий, — распахнулась дверь камеры, — с вещами на выход, вас ожидает Москва.

Чтобы сообщить об этом Радецкому, явился, хотя это и не принято, лично начальник оперативной службы СИЗО майор Пшеничный.

— У нас нет такого, начальник, — крикнул освоившийся в неволе подполковник Абрамкин. — Ты, в натуре, не знаешь, кто у тебя в тюрьме сидит, а еще опер, тоже мне.

— Подследственный Абрамкин Сидор Аврамович, — вежливо отреагировал майор Пшеничный, — заткните свой хлебальник и тоже с вещами на выход, вас ожидает карцер. Виталий Халимович, — он вновь обратился к расшифрованному Радецкому, — не задерживайтесь. За вами приехали следователи из Москвы, вас будут этапировать туда на самолете. Надеюсь, у него не откажут двигатели по дороге...

Подполковник Радецкий под именем Виталик Гастролер своим поведением довел администрацию таганрогского СИЗО до нервных приступов: выбивал двери в карцере, куда его то и дело водворяли за нарушение режима содержания, дрался, и вполне успешно, с контролерами, у многих были побиты лица. Передачи ему и Абрамкину приносила Алла Юрьевна Вострецова, поэтому лишить его передач было нельзя. Алла Юрьевна имела выход на вышестоящее руководство. В общем, достал всех Гастролер.

— Никуда я не полечу. — Радецкий лежал на нижних нарах у окна, закинув руки за голову, и даже не шевельнулся при виде майора Пшеничного. — Так и скажи московским следователям, что без последственного Абрамкина в Москву не полечу.

— Ну, — зловеще пообещал майор, перед тем как захлопнуть дверь, — я так им и передам.

— Козел, — процедил сквозь зубы в сторону закрывшейся двери подполковник Абрамкин и, взяв в руки шахматную доску, предложил Радецкому: — Партийку на дорожку, кореш?

— Не хочу, — равнодушно отказался Радецкий. — Ты тоже собирайся, в Москву со мной полетишь, а там выкручивайся как знаешь, Кремль рядом будет. Эй, мамки! — крикнул Радецкий пригорюнившимся Рогонянам. — Кто-нибудь радио включите.

Роберт, вскочив, повернул колесико пластмассовой коробки, и в камере зазвучал голос ведущей «Новостей» радио «Россия»: «...полет на Юпитер. А теперь послушайте сводку погоды».

— Выключи, — махнул рукой Роберту Радецкий, с интересом глядя на вновь распахнувшуюся дверь.

— Радецкий, — на этот раз пришел старший смены контролеров, прапорщик Шевчук, — и Абрамкин, с вещами на выход, в Москву полетите в наручниках. — Он хмыкнул и, пренебрежительно глянув на грустных сутенеров, обратился к ним: — И вы хватайте свои гнидники — и на свободу, нечего воздух в тюрьме портить.

Глава четырнадцатая

1

Даже шум волн, накатывающихся на берег, стал другим. Впрочем, как и сам берег, как и бескрайнее пространство степи, наполненное сочным и высоким разнотравьем...

По команде командира группы разведчики «Рыси» демаскировались и собрались на шоссейной дороге, ведущей в Нахапетово из Ростова. самого села не было. Шоссе, будто наткнувшись на стеклянную стену, обрывалось на вершине взгорка, за которым раньше открывался вид на Нахапетово, сейчас на его месте был небольшой, в размер села, оазис невиданной для этого времени природы. Вскоре на дороге, со стороны Ростова, показался рейсовый автобус, и с той же стороны, но только над автобусом стал виден вертолет. Через две минуты он приземлился на обочине, дверца отодвинулась, и разведчики увидели начальника тренировочного лагеря, в котором базировалась группа. Он махал рукой, показывая, чтобы разведчики быстро загружались, и бойцы, пригибаясь под воздушными струями от вращающегося винта, устремились на посадку как раз в тот момент, когда автобус, въехав на вершину пологого взгорка и нервно затормозив, замер. Командир группы на ходу оглянулся, он шел позади всех, и усмехнулся, впервые в жизни увидев, что даже от автобуса может исходить недоумение. Командир задвинул за собой дверь, вертолет, вздрогнув, оторвался от земли, набрал высоту и умчался в сторону Ростова, оставив растерянный автобус и высыпающих из него пассажиров, бывших жителей бывшего Нахапетова, стоять на пригорке и смотреть, как на месте их бывшего села то и дело выскакивает волчица с детенышами и, натолкнувшись на незнакомые запахи и скудость простора, вновь скрывается в зарослях.

Нахапетово среди нового ландшафта было похоже на пластиковую бутылку из-под пепси-колы в руках у Тараса Бульбы во время встречи с сыновьями, то есть абсолютно неестественно. Теперь море окружало село с двух сторон, плавни куда-то исчезли, а степь ни в чем не уступала простором морю. Бригадир Жаров, собиравшийся проверить, как идет заготовка камышовых матов для теплиц, вдруг почувствовал в себе гораздо большую ответственность перед семьей, селом и миром, чем минуту назад. Ему это стало понятным сразу же после того, как он увидел изменившийся облик степи, вплотную подступившей к изгороди его огорода. Вид степи мгновенно выдернул из его подсознания память тысячи поколений землепашцев, стоящих за древним родом Жаровых, и возродил остроту инстинктивного знания. Неизвестно почему, но бригадир Жаров знал, что степь стала дикой и опасной и оттуда уже никогда не вынырнет «Волга» или джип с начальством из Ростова, ибо в самом воздухе и шуме моря было что-то такое, что отрицало напрочь подлое могущество больших городов.

Жаров вышел со двора и увидел, что на улицы села высыпали все нахапетовцы, все инстинктивно избегали насыщенного жизнью и молодой силой простора, окружающего село. От крайних домов к центру Нахапетова поспешно стекались люди, легковые и грузовые

автомобили, стоящие возле некоторых домов, почему-то стали неприятны и враждебны для глаза. Начальник засолочного цеха Нечитайло стоял возле палатки местного коммерсанта Валентина Скобко и с недоумением смотрел на небо. Жаров тоже взглянул ввысь и вздрогнул от восхищения: по небу, к только им известной цели, летели несколько десятков лебединых стай...

Малышка и Улыбчивый при виде гостей лишь встали по бокам колыбели и, склонив головы, замерли, безоговорочно приняв главенствующее положение пришедших, ибо увидели в них то, что они так любили, чем восхищались и чего не понимали в своем сыне — равнодушную доброту Бога...

А на глубине 670 километров, в пространстве хорузлита-лунита, в это же самое время элохимы стали вбирать в себя информацию от лазурного лама, элохима седьмой агностической степени спирального знания Рими, воплотившегося в обыкновенном ребенке статик-раба на поверхности Земли в тот момент, когда в него внедрились «лунные бабочки» и превратили в самого необыкновенного ребенка Земли. Понадобилось совсем немного внутреннего времени, наполняющего хорузлитолунит, чтобы оно сгустилось и приняло твердый облик защиты, блокируя зеркально-бирюзовые потоки информации, стекающей со всей Земли в контурно-чистый мир элохимов. Бирюзовость хорузлита немного поблекла, даже посерела. В это же мгновение всем людям на поверхности Земли стало неинтересно видеть себя в зеркале, любители искусства и искусствоведы обратили внимание на то, что из слова «зеркало» исчез магнетизм метафоры, и великие произведения, пришедшие к авторам из зеркальной параллельности в виде гениального вдохновения, вдруг угасли и ничего, кроме пренебрежительного недоумения, не вызывали у современников, писари от искусства сразу же стали переиначивать эти произведения на свой лад и заявлять, что именно они дали новую жизнь падшему величию. Все вдруг стало усредненным и пошлым. И в это же мгновение все кошки земного шара одновременно, на одной волне и ноте, произнесли «муррр» и, потеряв интерес к людям, стали более таинственными и самостоятельными, а сами элохимы почувствовали себя статик-рабами, ибо лазурный лама Рими не передавал, а втягивал в себя знания элохимной субстанции планетарного облака Рааай, то есть стал информатором «лунных бабочек». Но настоящий ужас испытали демиурги, люди полной луны, — в это мгновение в их семьяичном огненном мире Ада впервые за миллионы лет на оболочках оссанов возник и вновь исчез иней...

Осознание своего бессилия перед всесилием говорит не о слабости, а о мудрости и силе. Лазурный лама Рими подчинился аолитному лаоэру и этим подчинением расширил свои и без того огромные возможности. Как только он перевел свое видение вселенских подтекстов в глаза ребенка, ставшего его плотской временной сутью, он почувствовал, как начала меняться его структура лазурности, и так как его понятие мира было великим, он понял, что попал в пространство системного Абсолюта, в котором присутствовала зона неведения. Рими впервые за свое миллионнолетнее существование ощутил, что где-то совсем рядом с Землей, предположительно на Юпитере, кто-то взглянул в белое зеркало, и понял, что он уже не лазурный лама седьмой агностической степени спирального знания, а гарж октома, что на языке элохимов означает «шедший из Рааая».

2

— Вы сейчас в 956 году, — сказал Слава Савоев Улыбчивому. — Вокруг села простирается царство хазар за несколько лет до своего исчезновения, постарайтесь осознать это.

Слава Савоев видел, как два статик-раба, великолепно оснащенные для жизни, боя и времени, с трудом пытаются найти в себе умение подчиниться его словам.

— И что мы должны делать в 956 году? — неожиданно легко приняла Малышка главенство пришедших.

— Я сейчас объясню, — улыбнулся Слава Савоев...

И раздался звук, и звук имел цвет — сиренево-бликующий. Многообразная любовь, лепестковая нежность Смерти, родина теплой и непрерывной радости, счастье неповторяющегося осуществления, молитвенный восторг узнавания и поток грустного, желанного и надежного обожания обрушились на Улыбчивого и Малышку. Они развернули в себе просторы звездно-галактических систем и грандэрусные постулаты первообраза. И снова раздался звук, и звук имел цвет черный. Малышка и Улыбчивый вернулись на круги своя, точно зная, что им нужно вырастить своего сына здесь, в Хазарском царстве 956 года, а затем вновь, день в день, час в час, минута в минуту, вернуться в XXI век, в день, когда исчезло Нахапетово. А здесь, в Хазарии, через десять лет они должны узнать от хазара Зеведея, дзоба современности, тайную причину Великой Катастрофы. Они знали, что лаоэр Арчибальд Соукс вместе с экспедицией статик-рабов и в качестве статик-раба полетит на Юпитер, где находится зона неведения Абсолюта, лаоэры не могли проникнуть туда иначе. Малышка и Улыбчивый знали, что лаоэры, Слава Савоев и Стефан Искра, будут стараться понять Черного Будду-Антихриста, ибо и он находится в зоне неведения Абсолюта, а лаоэры не понимали, как применить к нему свое могущество. «Солнечные убийцы» знали, что они будут справляться с жизнью в 956 году и далее собственными силами, ибо все должно быть естественным и не поработанным звездным всезнанием, поэтому лаоэр их сына все это время, пока тело и оставшийся в нем гарж октом растут, будет находиться в срединном государстве околоторузитного мира, так как оно тоже находится в зоне неведения Абсолюта.

Судя по всему, — наконец-то смирился и Улыбчивый, — наш сын — Бог.

Слава Савоев вновь улыбнулся. Статик-раб не спрашивал, а констатировал.

— Да, — добродушно вмешался в разговор Арчибальд Соукс. — И поверьте, это очень трудно.

— Мы тебя знаем, — вдруг повернулась Малышка к Стефану Искре. — Ты наш брат, но сейчас ты почему-то стал нашим Богом, и мы согласны видеть тебя таким же, как наш сын. Любимый, — она обратилась к Улыбчивому, — мы с тобой родили Бога, следовательно, — и обвела рукой стоящих в ряд у колыбели аолиэтных лаоэров — Славу Савоева, Стефана Искру и Арчибальда Соукса, — это наши сыновья.

— Да, — подтвердил Арчибальд Соукс, — это очень лестно для нас...

И был звук, и этот звук имел цвет синей пустоты. Малышка и Улыбчивый осмотрелись. Лаоэры исчезли. Младенец, держась за край колыбели обеими руками, приподнялся на подгибающихся ножках и, глядя на них бирюзового цвета глазами, сказал:

— Агуу...

Со стороны улицы послышались громкие взволнованные голоса. «Солнечные убийцы» прислушались. Шум становился громче, можно было услышать, как закричали, сзывая детей, женщины. Именно этот мотив, главный мотив опасности, дал понять Малышке, взявшей ребенка на руки, и Улыбчивому, что нужно выйти из дома к жителям села Нахапетове

— Какой вкусный воздух, дорогая, — произнес Улыбчивый на крыльце дома, — хмельной и пахучий. Никак не могу поверить одному из наших сыновей, что сейчас 956 год.

— Наши дети не врут, милый, — ответила Малышка. — А теперь идем к тем, кто с нами будет все это время, мы в ответе за них.

Малышка и Улыбчивый вышли к растерянным жителям, которые все как один собрались возле дома Волчанских. В их лицах отсутствовал даже намек на то, что они знакомы с концом XX и началом XXI веков, и растерявшиеся нахапетовцы, почувствовав это, успокоились и признали в них своих вождей, имеющих право распоряжаться их имуществом, жизнью и душой по своему усмотрению...

Словно единый организм, из травяного буйства степи на широкую улицу села ворвался небольшой, из десяти человек, отряд всадников, мгновенно остановился и тут же, словно стайка рыб в аквариуме, синхронно развернулся и умчался обратно в травяные джунгли

степи...

— Это 956 год, — сообщила Малышка нахапетовцам. — Мы в землях хазарского каганата. Женщины, старики и дети пусть войдут за ограду, к нам в дом, а что делать мужчинам — объяснит мой супруг, ваш князь...

Сельские жители лучше подготовлены к встрече с неведомым, в том числе и с чудом. Нахапетовцам достаточно было увидеть изменившуюся суть степи, моря и неба, чтобы начать приспосабливаться к ним. Лишь два гостя из Санкт-Петербурга, любители охоты в плавнях, каждый год приезжающие осенью к местному охотнику и егерю Осокину, пытались убедить селян, что «нужно заставить Волчанских позвонить в Ростов и вызвать вертолет, у них ведь есть спутниковая связь». Впрочем, они вскоре что-то такое поняли и стали молча смотреть на Улыбчивого, который внимательно наблюдал, как Малышка заводит во двор усадьбы слабых и старых.

— Во-вторых, — «солнечный убийца» повернулся к мужчинам, — за употребление алкоголя, курение, трусость, лень, расхлябанность, грубость друг к другу будете наказываться плетью и презрением, а за неверие в Бога и князя я буду наказывать смертной казнью.

— Не слишком ли много берете на себя? — возмутился один из санкт-петербургских охотников. — В России, слава Богу, смертная казнь отме... — Но не успел договорить, рухнув с перерезанным горлом на землю.

— Говори, князь! — Егерь Осокин вложил большой охотничий тесак в ножны. — Да будет воля твоя, а мы уж живота своего не пожалеем.